ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ВГУ»)

На правах рукописи

РАБЕЕАХ САФАА КХАЛИД БРЕЕСАМ

«Бинарные оппозиции как средство концептуализации “американской мечты” (на примере произведений литературы США вт. пол. XX – нач. XXI вв.»)

Специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья

(литература стран германской и романской языковых семей)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель – **Чугунов Дмитрий Александрович**,

доктор филологических наук, доцент

Воронеж – 2019

Оглавление

Введение 4

Глава 1. Осмысление феномена «американской мечты» в научной и художественно-публицистической литературе 12

Глава 2. Бинарные оппозиции в описании феномена «американской мечты» 30

§ 1. Фьючеризм и пастизм 32

§ 2. Потенциализм и оппортунизм 35

§ 3. Индивидуализм и коллективизм 39

§ 4. Фридомизм и трэллизм 42

§ 5. Абстракционизм и реализм 47

§ 6. Материализм и спиритуализм 50

§ 7. Иммортализм и мортализм 52

Глава 3. Отражение бинарных оппозиций феномена «американской мечты» в произведениях отдельных американских писателей вт. пол. XX – нач. XXI вв. 55

§ 1. «Американская мечта» в декомпозиционном обществе в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи» 55

§ 2. Иллюзорный фридомизм в романе Ральфа Эллисона «Невидимка» 68

§ 3. Иммортализм и спиритуализм «американской мечты» в романе Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» 79

§ 4. Доминанта реализма и абстракционизма «американской мечты» в романе Хантера Стоктона Томпсона «Страх и отвращение в Лас-Вегасе: дикое путешествие в сердце американской мечты» 94

§ 5. Индивидуализм и коллективизм «американской мечты» в трилогии Филипа Рота («Американская пастораль», «Я вышла замуж за коммуниста», «Людское клеймо») 106

§ 6. «Американская мечта» между прошлым и будущим в романе Елены Ахтиорской «Паника в чемодане» 128

Заключение 139

Список литературы 146

Введение

В XVII веке пуритане из Англии приехали на американский континент в надежде на установление религиозной утопии, так как считали, что эти края благословлены самим Богом. Важной фигурой того времени был английский адвокат Джон Уинтроп, ставший одним из лидеров в создании колонии Массачусетского залива, второго после Плимутской колонии крупного поселения в Новой Англии. В 1630 году Д. Уинтроп в речи, произнесённой на корабле и обращённой к будущим колонистам, прибегнул к библейской образности, чтобы описать свою мечту о создании новой утопии. Его знаменитая фраза со словами «город на холме» отсылала к Иисусовой притче о соли и свете (Евангелие от Матфея, 5:14): «Ты – свет мира. Город, располагающийся на холме, не может быть скрыт»[1]. В словах Д. Уинтропа отразилось его видение идеальной нации в целом, с равными возможностями для всех поселенцев. Д. Уинтроп верил, что новое сообщество будет существовать в «городе на холме» и станет ориентиром для всего мира. Разумеется, «мечта» Д. Уинтропа была изначально духовной религиозной мечтой, основанной на христианской благотворительности и ее идеалах, вдохновляющих людей. Однако её же можно рассматривать и как первый элемент зарождающейся «американской мечты» в целом.

В XVIII в. к религиозной составляющей мечты добавились экономические и политические соображения. В американском обществе стали распространяться идеи, согласно которым именно Америка являлась страной, в которой посредством эффективного труда можно достигнуть счастья (через богатство). Уже в Декларации независимости 1776 г. Соединенные Штаты представали перед остальным миром как маяк свободы и процветания. Эти идеи

[1] См.: Matthew 5:14 // Bible Hub. – URL: https://biblehub.com/matthew/5-14.htm (дата обращения: 14.12.2017).

легко овладевали умами иммигрантов, многие из которых приехали в Америку из-за обещания новой и лучшей жизни, в частности, надеясь получить в собственность землю. Иммигранты верили, что в Америке для всех существуют одинаковые возможности – независимо от места рождения или благосостояния. И если человек будет упорно работать, то обязательно достигнет своей цели. Подобные надежды и стремления стали со временем прочно ассоциироваться с «американской мечтой». Труд приводит к успеху, богатству и со временем – к власти. В американской конституции говорится о том, что граждане США наделены правом на жизнь, свободу и стремление к счастью. Вера в быструю осуществимость «американской мечты» долгое время препятствовала признанию многих негативных фактов жизни. «Американская мечта» изначально представляет американцев самыми счастливыми людьми в мире. Именно отсюда проистекает их убеждённость в том, что Америка должна распространять повсюду свою «демократическую» идеологию, убирая встречающиеся на пути «препятствия» (таким препятствием в XIX в. были, например, индейские племена). Однако постепенно стали вырисовываться и отрицательные моменты. Успех в обществе часто оказывался связанным с жадностью, эгоистичным поведением, безжалостной конкуренцией между людьми. Многие иммигранты думали, что американские улицы устланы золотом. Но фактически они сталкивались с тремя обстоятельствами: улицы не были устланы золотом, улицы не были вымощены вообще и строительство «города на холме» целиком зависело от них самих.

«Американская мечта» представляет далеко не однородное понятие. Её смысловой потенциал, её историческое развитие, связываемое с различными социально-экономическими изменениями в США и во всем мире, исследовался в многочисленных научно-публицистических работах, например, в книге Д. Каллена «Американская мечта: краткая история идеи, которая сформировала

страну»[2], Д. Х. Бета «Американская мечта и сила богатства»[3], Р. Мигеса «Диалоги в Соединенных Штатах»[4] и др. «Американская мечта» в разных вариантах понимания отразилась и в художественных произведениях, например, в повести «Мыши и люди» Д. Стейнбека (Of Mice and Men, 1937), романе «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера (The Catcher in the Rye, 1951), романе «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» К. Воннегута (Slaughterhouse-Five, or The Children's Crusade, 1972), повести «Паника в чемодане» Е. Ахтиорской (Panic in a Suitcase, 2014) и мн. др. Понимание «американской мечты» в названных произведениях не укладывается в раз и навсегда определённую схему, нюансы её восприятия совершенно отчётливо определяются историческим временем создания и культурным контекстом.

Таким образом, **объектом** исследования в диссертации является феномен «американской мечты», понимаемый как совокупность определённых смысловых элементов (оппозиций), а **предметом** – их проявление и значимость в сюжетной, психологической и образной структуре литературных произведений.

Актуальность исследования связана с тем, что долгое время в литературоведении «американская мечта» теснейшим образом связывалась с «американской трагедией» (см. работы А. М. Зверева, О. Б. Карасик, Ж. Г. Коноваловой, T. E. Tunc, S. Bertrand, S. Maier, M. K. Booker, A. Crow, N. Tredell, D. Dowling, S. Parker, C. Bigsby, E. Sterling, R. H. Pells и др.). При этом постоянная воспроизводимость «американской мечты» в художественных произведениях, отмечаемая и в наши дни, ставит под вопрос выведение трагедийного элемента на первый план. Кроме того, в современной прозе открываются новые аспекты понимания «американской мечты», не похожие на

[2] См.: Cullen, J. The American Dream: A Short History of an Idea that Shaped a Nation. New York, 2003.
[3] См.: Beth, J. H. The American Dream and the power of wealth. New York, 2006.
[4] См.: Miguez, R. American dreams: dialogues in U.S. Studies. Cambridge, 2007.

размышления писателей прошлого, что показывает принципиальную несводимость трактовок к единому знаменателю.

Характеризуя **степень разработанности** темы диссертационного исследования, отметим, что в российской науке отсутствуют серьёзные системные исследования, посвящённые пониманию природы «американской мечты» в литературе США. Можно отметить лишь единичные работы литературоведческого характера, касающиеся этой темы (В. П. Шестаков, «Американская мечта и американская действительность» (1981); Э. Я. Баталов, «Русская идея и американская мечта» (2009); Т. Г. Голенпольский, С. А. Емельянов, «Феноменология русской идеи и американской мечты. Россия между Дао и Логосом» (2009); С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова, В. В. Платошина, «Американский мультикультурализм» (2011); А. Л. Логинов, «Мифологическая составляющая концепта “The American Dream”» (2012); Д. А. Розеватов «Общественно-политические и культурные аспекты существования американского общества в модели мифа об американской мечте» (2014) и некоторые другие).

Цель данного научного исследования состоит в стремлении перейти от фиксации отдельных аспектов понимания «американской мечты» к обобщенно-теоретическому осмыслению феномена.

Достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующих **задач**:

1. Проанализировать историю осмысления «американской мечты» в американской и российской научной и художественно-публицистической литературе.

2. Определить новые моменты в понимании «американской мечты», актуализирующиеся во второй половине XX – начале XXI вв., в том числе в творчестве писателей-иммигрантов.

3. Выделить ключевые бинарные оппозиции, связанные с феноменом «американской мечты», и проанализировать их отражение в произведениях отдельных американских авторов вт. пол. XX – нач. XXI вв..

4. Рассмотреть связь бинарных оппозиций с концептуализацией понимания «американской мечты» в определённых произведениях американских авторов вт. пол. XX – нач. XXI вв.

Для решения поставленных задач в работе использовались компаративный, культурно-исторический, историко-биографический **методы**.

Материалом для данного исследования послужили как художественные произведения: «Над пропастью во ржи» Джерома Сэлинджера (1951), «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» Курта Воннегута (1972), «Невидимка» Ральфа Эллисона (1947), «Паника в чемодане» Елены Ахтиорской (2014), «Американская пастораль» (1997), «Мой муж-коммунист» (1998) и «Людское клеймо» Филипа Рота (2000), «Страх и отвращение в Лас-Вегасе: дикое путешествие в сердце американской мечты» Хантера Стоктона Томпсона (1971), так и публицистические книги и выступления: «Американская мечта: краткая история идеи, которая сформировала нацию» Д. Каллена (2003), «Цинизм и эволюция американской мечты» В. Колдуэлла (2007), «В погоне за американской мечтой: понимание того, что формирует нашу удачу» М. Рэнка, Т. Хиркля и К. Фостера (2014), «Критика Америки Скотта Фицджеральда» М. Бьюли (1954), «Американская мечта: культурная история» Л. Сэмюэла (2012), «Гигантская ошибка: статьи и эссе для Вашей интеллектуальной самозащиты» М. Зезима (2004), выступления М. Л. Кинга (мл.), Б. Обамы и др. При всём многообразии текстов, в которых отразилось то или иное понимание «американской мечты», названные выше наиболее ярко, на наш взгляд, демонстрируют проявление тех или иных смысловых оппозиций в авторских размышлениях.

Исследовательскую базу работы составили художественные и публицистические тексты американской литературы периода 1926–2017 гг.

Гипотеза исследования состоит в том, что «американская мечта» проявляет себя в художественных текстах не в виде устойчивого образа, а лишь с той или иной степенью полноты своего выражения, что обусловлено актуализацией определённых бинарных оппозиций. На основе их суммы представляется возможным создать определённую модель понимания «американской мечты», приложимую к самым разным произведениям литературы США.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в диссертации:

– впервые в отечественном литературоведении описаны важнейшие бинарные оппозиции, определяющие понимание «американской мечты» как феномена национального сознания;

– дано представление об актуализации тех или иных бинарных оппозиций в художественных произведениях;

– показано, что «американская мечта» представляет собою подвижный феномен, его восприятие зависит от исторического и культурного контекстов, в которых и актуализируется определённая сумма бинарных оппозиций.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что оно позволяет создать универсальную, приложимую к художественным произведениям как прошлого, так и настоящего, модель понимания «американской мечты» – феномена, тесно связанного с американским национальным мифом и вместе с тем меняющегося под влиянием тех или иных исторических событий.

Практическая значимость состоит в том, что результаты диссертационного исследования могут использоваться в переосмыслении

литературного процесса в США в целом, при построении общих и частных курсов истории литературы США. Теоретическая модель, разработанная автором исследования, может использоваться для анализа различных литературных произведений с нового ракурса.

Положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на то, что «американская мечта» является традиционной частью общественной идеологии Соединённых Штатов Америки, временные, исторические, политические, экономические и прочие обстоятельства обусловили постоянную изменчивость этого феномена. Это нашло отражение в художественной и публицистической литературе США – с момента зарождения государства и до наших дней.

2. Определённая расплывчатость феномена «американской мечты» не исключает возможности построения его модели на основе суммы ключевых бинарных оппозиций и актуализирующихся в тех или иных художественных произведениях. К этим оппозициям следует отнести: *фьючеризм* и *пастизм*, *потенциализм* и *оппортунизм*, *индивидуализм* и *коллективизм*, *фридомизм* и *трэллизм*, *абстракционизм* и *реализм*, *спиритуализм* и *материализм*, *иммортализм* и *мортализм*.

3. Актуализация обозначенных выше бинарных оппозиций, тесно связанных с пониманием «американской мечты», зависит от исторического и культурного контекста, в котором находится художественное произведение. В силу этого отличаются друг от друга и трактовки «американской мечты», о которых идёт речь в критической литературе.

4. Именно разнообразие возможных сочетаний бинарных оппозиций делает «американскую мечту» уникальным феноменом, который при всей своей неопределённости одинаково успешно отражается в произведениях

американских писателей, принадлежащих к разным эпохам, национальностям, социальным и общественным слоям.

Степень достоверности и апробация результатов работы. Основные положения научного исследования изложены в 12 научных публикациях, 5 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Результаты работы были представлены на научных конференциях разного уровня: 1) Всероссийская научная конференция «Смотрите, кто пришел» (Воронеж, ВГУ, 9-10 октября 2014 г.), 2) Международная научная конференция «Славянский мир: духовные традиции и словесность». Секция «Славянский мир и межнациональные литературные коммуникации» (Тамбов, ТГУ, 2015), 3) III Международная конференция «Судьбы национальных культур в условиях глобализации». Секция «Межкультурная коммуникация и проблемы глобализации» (Челябинск, 26-27 марта 2015), 4) Вторая международная конференция «Социальные изменения в глобальном мире» (Штип, Македония, Center for legal and Political Research, 3-4 сентября 2015), 5) Третья международная конференция «Социальные изменения в глобальном мире» (Штип, Македония, Center for legal and Political Research, 1-2 сентября 2016), 6) Заочная научная конференция International Research Journal (Екатеринбург, май 2016), 7) Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы образования и науки» (Тамбов, 30 июня 2017), 8) аспирантские семинары, проводимые кафедрой зарубежной литературы ВГУ и кафедрой истории и типологии русской и зарубежной литературы (2014–2017 гг.).

Диссертация обсуждалась на кафедре истории и типологии русской и зарубежной литературы филологического факультета Воронежского государственного университета

Структура работы: диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы.

Глава 1. Осмысление феномена «американской мечты» в научной и художественно-публицистической литературе

Культурная (и национальная) идентичность американцев невольно сделалась предметом размышлений во время Войны за независимость Соединённых Штатов. Отражение этих размышлений легко найти во многих источниках. Так как в то время публицистическая литература доминировала над художественной, то легче всего обратиться именно к подобного рода сочинениям. Важным текстом этого периода является, например, автобиография Бенджамина Франклина. В ней рассказывается история решительного молодого человека, который добился всего благодаря упорной работе и своей настойчивости. Подобный образ мыслей и действий Б. Франклин завещал и своему сыну, представляя свой эскиз в качестве идеала, которому мог подражать любой американец.

Б. Франклин писал: «Дорогой Сын… предполагая, что и тебе тоже будет небезынтересно узнать обстоятельства моей жизни, многие из которых тебе неизвестны, и предвкушая наслаждение, которое я получу от нескольких недель ничем не нарушаемого досуга, я сажусь за стол и принимаюсь за писание. Имеются, кроме того, и некоторые другие причины, побуждающие меня взяться за перо. Хотя по своему происхождению я не был ни богат, ни знатен и первые годы моей жизни прошли в бедности и безвестности, я достиг выдающегося положения и стал в некотором роде знаменитостью. Удача мне неизменно сопутствовала даже в позднейший период моей жизни, а поэтому не исключена возможность, что мои потомки захотят узнать, какими способами я этого достиг и почему с помощью провидения все для меня так счастливо сложилось. Кто

знает, вдруг они, находясь в подобных же обстоятельствах, станут подражать моим действиям»[5].

Таким образом, автобиография Франклина оказывается первым в американской литературе произведением, в котором «американская мечта» выступает как некий концепт. Следует при этом сразу же обратить внимание на её заметную религиозную составляющую. Не случайно, например, историк Г. Коммаджер видит в размышлениях Б. Франклина квинтэссенцию морали и духовных мечтаний пуритан[6]. В силу этого автобиография Б. Франклина быстро превратилась в своеобразный фундамент для последующих умопостроений, в которых возводилось здание «американской мечты». Так, Дж. Т. Адамс в книге «Эпопея Америки» (1931) впервые попытался дать формулировку этого понятия, опираясь преимущественно на тезисы Б. Франклина. Он писал: «Американская мечта – мечта о земле, на которой жизнь должна быть лучше, богаче, полнее для всех, с возможностью для каждого реализовать свои способности»[7].

Разумеется, «американская мечта» подвергалась осмыслению и в других художественных и публицистических произведениях XIX–XX вв. В этой связи важным оказывается вопрос: в какой мере формулировка Дж. Т. Адамса может выступать в качестве общего знаменателя для иных определений? (Так, например, многие, указывая при этом на примеры классового и этнического неравенства и др., полагали, что сама структура американского общества противоречит реализации идеалистической «американской мечты»). Главное

---

[5] В ориг.: «Dear Son: ...Imagining it may be equally agreeable to you know the circumstances of my life I sit down to write them for you. To which I have some other inducements. Having emerged from the poverty and obscurity in which I was born and bred, to a state of affluence and some degree of reputation in the world, and having gone so far through life with a considerable share of felicity, the conducing means I made use of, which with the blessing of God well succeeded, my posterity may like to know, as they may find some of them suitable to their own situations and therefore fit to be imitated». Franklin, B. The Autobiography of Benjamin Franklin. New York, 1996. P. 1.

За исключением специально оговоренных случаев здесь и далее перевод наш. – *С.К.Б. Рабееах*.

[6] Commager, H.S. The American Mind. New Haven, 1950. P. 26.

[7] В ориг.: «The American dream is that dream of a land in which life should be better and richer and fuller for everyone, with opportunity for each according to ability or achievement». Truslow Adams, J. The Epic of America. Safety Harbor, 2001. P. 404.

здесь то, что Дж. Т. Адамсу удалось выделить ключевой момент в понимании «американской мечты»: он считал, что любой человек собственным трудом может улучшить собственную жизнь. Однако стоит учитывать исторический контекст его формулировки: она родилась в условиях Великой депрессии и стала в первую очередь вдохновляющим лозунгом для американцев, переживавших не лучшие времена. На то, что формулировка Дж. Т. Адамса не является единственно возможной, обратил внимание в своей книге «Американская мечта: краткая история идеи, которая сформировала нацию» (2003) Д. Каллен. Он исследовал сложности понимания «американской мечты» и предположил, что существует «много разновидностей американской мечты», хотя действительно общим моментом для всех размышлений является вера в возможность получить лучшее будущее после приложения определённых усилий[8].

Справедливость подхода Д. Каллена показывает элементарное сравнение позиций Дж. Уинтропа и Дж. Т. Адамса. Для первого важным был в первую очередь религиозный момент, для второго – материальный, «мечта» первого имела коллективистский, общественный характер, «мечта» второго – характер индивидуалистический. Религиозное понимание «мечты» основывалось на идеалистическом допущении существования бесклассового общества. Однако в XX в., при исчезновении религиозной составляющей, на первый план вышли другие соображения. Так, например, в сознании многих иммигрантов «мечта» представляет собой в первую очередь возможность прожить лучшую, чем у родителей, жизнь (не в религиозном, а в социальном плане).

В разное время «американская мечта» имела различные формы выражения. Во времена основания страны, как утверждает Д. Каллен,

[8] В ориг.: «Beyond such considerations, a reckoning with the dream also involves acknowledging another important reality: The Dream also involves acknowledging another important reality: that beyond an abstract belief in possibility, there is no one American Dream. Instead there are many American Dreams». Cullen, J. Op. cit. – P. 7.

Декларация независимости зафиксировала идеальное представление том, что все люди созданы равными. Даже с очевидным противоречием в виде рабства сущность этой мечты допускала возможность расового равенства, подвижности класса и владения недвижимостью – все те ценности, на которых в некоторый момент сосредоточилось коллективное американское сознание. Исследуя идеи, надежды и достижения как коренных американцев, так и иммигрантов, Д. Каллен от начальных идеалов Декларации независимости перебросил мост к расширенному понятию «мечты» Мартина Лютера Кинга – младшего[9] (о расовом равенстве и владении недвижимостью)[10], к современной мысли о культурном единстве ценностных идеалов.

Указывая на то, что современные американцы парадоксальным образом не задумываются о семантической нагрузке словосочетания «американская мечта», о его происхождении, истории, о том, что оно фактически означает, Д. Каллен подчеркнул, что «мечта» отразила и сформировала американскую идентичность со времен первых переселенцев до настоящего времени, превратившись в один из самых знаковых элементов национального словаря Америки. Учёный отметил, что Соединенные Штаты, в отличие от большинства других стран, определяют себя не по крови, религии, языку, географии или истории, а по ряду идеалов, выраженных в Декларации независимости и объединенных в конституции. Д. Каллен в конце своей книги озвучил очень важный вопрос – «Какова цена достижения американской мечты, и кто платит за неё? Некоторые мечты лучше, чем другие?» По его мнению, лишь «ответив на такие вопросы, можно превратить «мечту» из пассивного символа

[9] Мы имеем в виду автора знаменитой речи «У меня есть мечта», произнесённой в 1963 г., которого не следует путать с его отцом.

[10] Афроамериканцы подвергались большому притеснению и дискриминации, которая достигла своей кульминации в течение 1950-х и 1960-х, что привело к принятию Закона о гражданских правах 1964 года. До этого притеснение, насилие и дискриминация были обычными для «черных» в американском обществе.

идентичности в мощный инструмент национальных реформ и возрождения» современной Америки[11].

На прискорбную неопределённость понятия «американская мечта» обратил внимание в своей книге «Цинизм и эволюция американской мечты» (2007) В. Колдуэлл[12]. Он указал на постоянное расхождение между реальностью и «американской мечтой», из-за чего «мечта» не может стать требуемым идеалом. Идея В. Колдуэлла состояла в том, чтобы «очистить» «мечту» от «дефектов» [13] и придать ей некий новый облик, соотносимый с реальной жизнью[14].

В художественной форме колдуэлловская мысль о частом несоответствии расплывчатой «американской мечты» тому, что происходит в реальности, воплотилась ещё в романе У. Кесэр «Моя Антония» («My Ántonia», 1926), отразившем иммигрантский опыт жизни. Речь в нём идёт о семье чешских фермеров, которые переехали на Средний Запад практически без денег и с плохим знанием английского языка. И довольно скоро они обнаружили, что их существование наполнено как уверенностью, так и неуверенностью в «американской мечте», приведшей их в Землю Обетованную. Внутренняя жизнь иммигрировавшей семьи открывает серьёзный конфликт: с одной стороны, они смотрят в будущее, а с другой стороны – постоянно оглядываются на прошлое, испытывая чувства одиночества, вины за то, что они оставили в нём, а также некоторого разочарования в нереализовавшейся «американской мечте»[15].

---

[11] В ориг.: «What is the price of any given American Dream, and who pays it?» Are some dreams better than others? To ask, and begin to answer, such questions can transform the Dream from a passive token identity to a powerful instrument of national reform and revitalization». Cullen, J. Op. cit. P.189.

[12] Caldwell, W. Cynicism and the Evolution of the American Dream. Whashington, 2007. 193 p.

[13] В. Колдуэлл писал: «Если у нас есть храбрость, чтобы действовать, наши мечты могут снова спасти нас… Тем не менее американская мечта, поскольку она сейчас существует, содержит элементы рака, которые должны быть удалены». В ориг.: «If we have the courage to act, our dreams can again save us. ... Still, the American Dream, as it now exists, contains elements of a cancer that must be removed». Caldwell, W. Op. cit. P.18.

[14] В ориг.: «together they might provide just the balance needed to build a new American Dream». Caldwell, W. Op. cit. P.72.

[15] См. также: Miller, J. E. Jr. My Ántonia and the American Dream // Prairie schooner. Vol. 48. №2. Nebraska, 1974. Pp. 112–123.

Попытку дать более чёткое определение «американской мечты» сделали в книге «В погоне за американской мечтой: понимание того, что формирует нашу удачу» (2014) М. Рэнк, Т. Хиркль и К. Фостер [16]. Они определили «американскую мечту» как материальный успех, имеющий большое отношение к экономической ситуации. «Для большинства американцев экономическая безопасность – жизненно важная часть из всего, что составляет «американскую мечту»[17]. Именно этот аспект авторы считают ключевым.

Подтверждение обозначенной точки зрения на «американскую мечту» можно увидеть, например, в стихотворении «Гарлем» Л. Хьюза[18]. Поэт писал о высокой цене, заплаченной афроамериканцами за проживание в дискриминационном «белом» обществе. У афроамериканцев не было таких возможностей для приобретения жилья, для получения образования, как у белого населения Америки. Если «все люди созданы равными», как утверждается в Декларации, то требуется, чтобы и любые возможности существовали одинаково для всех. Поэтому главной в «американской мечте» оказывается проблема равных возможностей. Сама Америка как государство была основана на предпосылке, что все люди имеют равные права без исключения, без дискриминации – в гармонии с принципом свободы и ее выражением в человеческой креативности, изобретательности и инициативности. Тем не менее и Л. Хьюз не подвергал сомнению существование «американской мечты», не отрицал её ценность, используя в своём произведении символ «отсроченной мечты» («Что случается с отсроченной мечтой?»)[19], оставляя возможность её реализации в будущем.

---

[16] Rank, M. R., Hirschl, T. A., Foster, K. A. Chasing the American Dream: Understanding What Shapes Our Fortunes. Oxford, 2014. 232 p.

[17] В ориг.: «For most Americans, economic security is a vital piece of what the American Dream is all about». Rank, M. R., Hirschl, T. A., Foster, K.A. Op. cit. P.50.

[18] Hughes, L. Harlem. – URL: https://multimedialearning.org/FreeDownloads/2012/LangstonHughesHarlem.pdf (дата обращения: 01.04.2017).

[19] В ориг.: «What happens to a dream deferred?». Hughes, L. Harlem. Op. cit.

Большие надежды на «американскую мечту» возлагал гражданский активист Мартин Лютер Кинг – младший. «У меня есть мечта» («I have a dream») – так называлась речь, произнесенная им 28 августа 1963 г. перед мемориалом Линкольну в Вашингтоне, в которой он требовал прекращения политики расизма в Соединенных Штатах. «Я уверен в том, что придёт день, когда все, кто трудятся, будут едины – без разделения их на негров, евреев, итальянцев или по любым другим различиям. Это будет день, когда мы полностью реализуем американскую мечту – мечту, еще невыполненную. Мечту о равенстве возможностей, о широко распространенных привилегиях и собственности; мечту о земле, где люди не заберут необходимое от многих, чтобы дать роскошь немногим; мечту о земле, где люди не будут утверждать, что цвет кожи человека определяет содержание его характера; мечту о стране, где все наши дары и ресурсы хранятся не только для нас одних, но и как инструменты поддержки остальной части человечества; мечту о стране, где каждый человек будет уважать достоинство и ценность личности человека»[20].

Кинг размышлял о «мечте» с 1960 года, когда он произнес речь «Негр и американская мечта» [21] в Национальной Ассоциации для продвижения «цветных» людей (The National Association for the Advancement of Colored People NAACP). В своей речи он рассуждал о разнице между «американской мечтой» и реальностью, говорил, что явные сторонники белого превосходства разрушают «мечту», и что «федеральное правительство также нанесло ущерб мечте своей апатией и лицемерием, своим предательством справедливости»[22].

---

[20] В ориг.: «I look forward confidently to the day when all who work for a living will be one with no thought to their separateness as Negroes, Jews, Italians or any other distinctions. This will be the day when we bring into full realization the American dream – a dream yet unfulfilled. A dream of equality of opportunity, of privilege and property widely distributed; a dream of a land where men will not take necessities from the many to give luxuries to the few; a dream of a land where men will not argue that the color of a man's skin determines the content of his character; a dream of a nation where all our gifts and resources are held not for ourselves alone, but as instruments of service for the rest of humanity; the dream of a country where every man will respect the dignity and worth of the human personality». WinSi, J. B. Healthcare Hell and Revelations of a Compelled Black Woman. USA, 2004. P.59.

[21] В ориг.: «The Negro and the American Dream». WinSi, J. B. Op. cit. P. 59.

[22] WinSi, J.B. Op. cit. P. 59.

Кинг даже предполагал, что, возможно, именно «негр – инструмент Бога для спасения души Америки»[23].

Существовали и более скептические взгляды на «американскую мечту».

Здесь необходимо упомянуть размышления британо-американского литературного критика М. Бьюли о творчестве Ф. С. Фицджеральда. В своем эссе «Критика Америки Скотта Фицджеральда» (1954)[24] он охарактеризовал «американскую мечту» как определённый способ видения, заменяющий реальный взгляд на вещи. Никто не может понять реального наполнения «американской мечты» потому, что оно скрыто некими невидимыми покровами. М. Бьюли писал: «По существу, она [американская мечта. – *С.Р.*] неизбежно привела к проблеме, которая всегда сталкивала американских художников, имеющих дело с американскими событиями, – проблеме определения скрытой границы в американском видении жизни, за которой заканчивается реальность и начинается иллюзия»[25]. Подтверждение этому он находил в знаменитом романе «Великий Гэтсби». В нём, по мнению М. Бьюли, очень ярко отразились «мечты» 1920-х годов, мечты «века джаза», мечты ограниченных людей, ведущих поверхностную жизнь. Роман Ф. С. Фицджеральда сделался таким популярным в читательской среде, потому что читатели видели в его персонажах самих себя, свои надежды и разочарования. Это было закономерно, так как после Первой мировой войны, по справедливому замечанию К. Карнута, «поколение, которое было юным во время беспорядка войны, … произвело … целую расу, становящуюся гедонистической, выбравшей удовольствие …есть, пить и веселиться, – чтобы завтра умереть»[26]. При этом важно, что в романе

---

[23] В ориг.: «It may well be that the Negro is God's instrument to save the soul of America». WinSi, J.B. Op. cit. P. 59.

[24] Curnutt, K. Historical Guide to F. Scott Fitzgerald. Oxford, 2004. 285 p.

[25] В ориг.: «As such, it led inevitably toward the problem that has always confronted American artists dealing with American experience – the problem of determining the hidden boundary in the American vision of life at which the reality ends and the illusion begins». Curnutt, K. Op. cit. P. 12.

[26] В ориг.: «…a state of nervous stimulation…the generation which had been adolescent during the confusion of the War had now produced… a whole race going hedonistic, deciding on pleasure…wherefore eat, drink, and be merry, for tomorrow we die». Curnutt, K. Op. cit. P. 14.

появилась знаковая фигура Ника Каррэуэя, играющего роль стороннего наблюдателя, чьи наблюдения прямо касались идеалов американского общества в целом и «американской мечты» в частности.

Историк американской культуры доктор Л. Сэмюэл так же попытался осмыслить существование границы между иллюзией и реальностью в дискуссии об «американской мечте». В книге «Американская мечта: культурная история» (2012) он признаёт, что в огромной степени всё замешано на мифологии американского общества. Именно поэтому так сложно найти «подтверждение» многим тезисам. Так, например, Л. Сэмюэл пишет: «Для людей, которые потеряли свои дома, это была уже совершенно другая история: сердце и душа их американской мечты испарились вместе с крошечной надеждой на возвращение её в обозримом будущем»[27]. Тем не менее, исследователь осторожно предполагает: в целом «космология мечты основывается на великой идее, что жизнь представляет нечто большее, чем случайную цепь событий»[28].

Более скептичен М. Зезима (известный как Микки Зи)[29], писатель, редактор, блоггер и романист. В своей книге «Гигантская ошибка: статьи и эссе для Вашей интеллектуальной самозащиты»[30] он представляет «мечту» как синоним к слову «фантазия». По его мнению, у «американской мечты» нет четких правил следования. Микки Зи использовал цитату американского романиста У. Берроуза, чтобы описать свое ироническое отношение к мечте: «Спасибо американской мечте за опошление и фальсифицирование, через

[27] В ориг.: «For the people who had lost their homes, however, it was a much different story, the heart and soul of their American Dream gone with little hope of getting it back in the foreseeable future». Samuel, L. R. The American Dream: A Cultural History. New York, 2012. P. 192.

[28] В ориг.:«Was it ever real, or was it indeed just a dream, something we conjured up while we had our eyes closed to the harsh realities ... I suppose, the Dream's cosmology resting on the bigger idea of whether life is more than a random series of events». Samuel, L. R. Op. cit. P. 192.

[29] Michael Zezima (Mickey Z)

[30] Mickey, Z. A Gigantic Mistake: Articles and Essays for Your Intellectual Self-defense. U.S.A., 2004. 204 p.

которые светится голая ложь. Спасибо за страну, где никому не позволено заниматься своим делом»[31].

Таким образом, критики «американской мечты» указывали, что различные интерпретации данного понятия так или иначе связаны с иллюзией счастья и что счастье не всегда бывает настолько простым. Они предостерегали, что «американская мечта» может всегда оставаться дразнящей и недосягаемой для некоторых американцев, что делает её более жестокой, чем подлинная мечта.

В то же время, по мнению американского религиозного и общественного деятеля О. Л. Соренсена, американское общество не может отказаться от «американской мечты». В своей книге «Америка совершает самоубийство?»[32] он концентрирует внимание на творческом характере «мечты», без которой люди не могут жить, бороться и никогда не сдаваться, потому что потеря веры в свободу будущего означало бы, что страна приближается к своему концу. С ним согласен американский писатель А. Маклиш: «Есть те, кто скажет, что освобождение человечества, свобода человека и ума – только мечта. Они правы. Это – американская мечта» [33].

Феномен «американской мечты» интересовал и советских, а затем и российских исследователей. Ю. А. Замошкин в книге «Личность в современной Америке»[34] исследует эволюцию ценностей в американском индивидуальном и общественном сознании. По мнению автора, «американская мечта» является ядром личностной ориентации в Америке и представляет собой «специфическое представление о жизненном успехе человека и связанные с ним ожидания и

---

[31] В ориг.: «Thanks for the American dream, to vulgarize and falsify until the bare lies shine through. Thanks for a country where nobody's allowed to mind their own business». См.: Mickey, Z. A. Op. cit. P. 18.

[32] Sorenson, A. L. Is America Committing Suicide? Murfreesboro, 1994. 250 p.

[33] В ориг.: «There are those who will say that the liberation of humanity, the freedom of man and mind is nothing but a dream. They are right. It is the American Dream». Цит. по: См.: Sorenson, A. L. Op. cit. P. 150.

[34] Замошкин, Ю. А. Личность в современной Америке: Опыт анализа ценностных и политических ориентаций. М., 1980. 247 с.

мечты»[35]. В качестве символа успеха, по его предположению, выступают богатство, деньги и частная собственность. В своих рассуждениях автор опирается на мнения американских исследователей Д. Белла, Р. Уильямса, Ч.-Р. Миллса, Э. Лэдда, Дж. Сантаяны. С идеей успеха автор также ассоциирует такие качества личности, как трудолюбие, упорство, последовательность в стремлении к богатству, деньгам и частной собственности. Ю. А. Замошкин рассматривает «американскую мечту» как неотъемлемую часть американского общества и традиционной индивидуалистической жизненной модели. В своем исследовании он подчеркивает контраст между демократической оболочкой традиционных лозунгов США (особенно о существовании равных прав на успех каждого гражданина) и реальной действительностью, возникающий по многим причинам, например, из-за ограниченности социальной мобильности и расовой дискриминации.

Т. Г. Голенпольский и В. П. Шестаков в своей книге «Американская мечта и американская действительность»[36] дискутируют с размышлениями А. Зверева, отражёнными в статье «Американская трагедия и “американская мечта”». По мнению А. Зверева, история американской литературы распадается на два периода – литературу «американской мечты» (до начала XX века) и литературу «американской трагедии», пришедшей на смену «американской мечте». Т. Г. Голенпольский и В. П. Шестаков придерживаются другого мнения, полагая что «американская трагедия» является одной из модификаций «американской мечты», одним из моментов ее развития[37]. Авторы книги также считают, что с момента своего возникновения «американская мечта» стала отражением острой классовой борьбы и противоположных классовых интересов. В связи с этим, по их мнению, в истории Америки существовало две

[35] Замошкин, Ю. А. Указ. соч. С. 13.
[36] Голенпольский, Т. Г., Шестаков, В. П. Американская мечта и американская действительность. М., 1981. 208 с.
[37] Голенпольский, Т. Г., Шестаков, В. П. Указ. соч. С. 153.

мечты – буржуазная (стремление к личному материальному успеху) и демократическая (мечта о лучшей жизни, равенстве и братстве). Т. Г. Голенпольский и В. П. Шестаков определяют «американскую мечту» как «сложный комплекс понятий, идеалов, надежд, характерных для американского социально-политического сознания». По их мнению, в этот комплекс входят социально-психологические стереотипы, моральные идеалы и нормы (равные возможности, концепция успеха и т. д.), а также концепция «американской исключительности» и «явного предначертания». Однако, авторы полагают, что нынешняя политическая реальность превращает «американские мечты» в реальный кошмар[38].

Л. Романчук в своей работе «Проблематика героя в романе Фитцджеральда “Великий Гэтсби”» (2002)[39] в рамках исследования романа дает следующее определение «американской мечты»: «американская мечта – это “правосудие для всех”, общество равных возможностей, не скованное сословными предрассудками»[40]. Автор делает заключение, что в романе «Великий Гэтсби» следование «американской мечте» заканчивается типичной американской трагедией, как это произошло в одноимённом романе Т. Драйзера. По мнению Л. Романчук, «американская мечта» – это мечта о «”земном святилище для человека-одиночки”, о полном равенстве возможностей и безграничном просторе для личности»[41]. Однако автор высказывается о бесперспективности «мечты», указывая на ее несовместимость с буржуазными ценностями и идеалами. Несколько иначе подходит к истолкованию романа Драйзера редактор серьёзного научного сборника «Америка: литературные и культурные отображения» О. Ю. Анцыферова.

---

[38] Голенпольский, Т. Г., Шестаков, В. П. Указ. соч. С. 208.

[39] Романчук, Л. Проблематика героя в романе Фитцджеральда «Великий Гэтсби». URL: http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/romanchuk-hero.html (дата обращения: 20.05.2017).

[40] Романчук Л. Указ. соч.

[41] Там же.

Однако в главном она согласна с той точкой зрения, что Т. Драйзер выводит в качестве итога «американской мечты» «американскую трагедию»[42].

О. Ю. Матвеева в статье «”Американская мечта” в социокультурной динамике»[43] характеризует «американскую мечту» следующим образом: «В основе социального мифа об американской мечте лежит вера в быструю реализацию своего витального потенциала, преодоление всех препятствий и непременное стремление к успеху, оптимизм относительно беспредельности своих возможностей»[44]. Автор статьи рассматривает «американскую мечту» как утопическую модель, благодаря которой система американского общества вышла на более качественный уровень и с помощью которой поддерживается ее стабильность.

Э. Я. Баталов в своей книге «Русская идея и американская мечта» (2009) пишет: «Прагматичнейшую из наций, страну трезвого расчета, холодной деловитости и жесткой пригнанности друг к другу всех «колесиков» и «винтиков», из которых «собраны» Соединенные Штаты Америки, – ее, эту страну, тоже, оказывается, не «раскусить», не постигнув романтического мифа об «этой стране». Мифа, который вот уже на протяжении нескольких сотен лет гонит в Америку миллионы людей со всего света…»[45]

Э. Я. Баталов представляет «американскую мечту» как некую форму национальной самоидентификации, для которой невозможно до конца определить смысл и границы, но можно сформулировать основное содержание, подразумевающее свободного и успешного человека (американца) в свободном и успешном мире (в Америке). Самой главной составляющей мифа (именно так определяет «американскую мечту» сам автор) является личная свобода гражданина, которая не была прерогативой всех американцев из-за

---

[42] Америка: литературные и культурные отображения. Иваново, 2012. С. 151.
[43] Матвеева, О. Ю. Американская мечта в социокультурной динамике. Томск, 2007. С. 40–43.
[44] Матвеева, О. Ю. Указ. соч. С. 42.
[45] Баталов, Э. Я. Русская идея и американская мечта. М., 2009. С. 1.

дискриминации. Автор солидарен с мнением Д. Каллена о множестве различных вариантов «американской мечты», но считает, что все эти варианты связаны общими чертами, среди которых – социальная мобильность, материальный успех, демократическое самоуправление, религиозная свобода, расовое равенство, возможность получения образования, домовладение. Э. Я. Баталов указывает на очевидную утопическую природу «американской мечты», так как сама Америка рождалась изначально как страна-Утопия, а свобода и возможности, представляемые в этом мифе-утопии, были доступны далеко не всем гражданам.

С. А. Емельянов в своей книге «Феноменология русской идеи и американской мечты. Россия между Дао и Логосом» характеризует мечту следующим образом: «Философия успеха и феномен богатства как главные составляющие американской мечты становится в настоящее время едва ли не главным содержанием человеческого бытия и одним из наиболее привычных ответов на вопрос о смысле человеческого существования»[46]. Автор так же рассматривает «американскую мечту» как общенациональный миф США, включающий «в себя не только представления о стране, ее людях и существующих в ней принципах, но и определенные жизненные ориентации, поведенческие и нравственные установки»[47] (ориентация на материальный успех). Исследователь указывает на серьезный нравственный кодекс американцев и их умение упорно трудиться для достижения своих целей. При этом, по мнению С. А. Емельянова, в современном мире «американская мечта» все больше материализуется и принимает форму глобального капитала[48]. Автор поднимает также проблему дискриминации, говоря о нестыковках между практической политикой и гуманистическими декларациями.

---

[46] Емельянов, С. А. Феноменология русской идеи и американской мечты. Россия между Дао и Логосом. СПБ., 2009. С. 3.
[47] Емельянов, С. А. Указ. соч. С. 16.
[48] Там же. С. 43.

Стоит отметить также диссертацию Ж. Г. Коноваловой «“Американская мечта” в художественно-документальной литературе США второй половины XX века»[49]. В этом исследовании «американская мечта» также трактуется как национальный миф США (отразившийся в художественно-документальной словесности на стыке журналистики и литературы).

О различных проявлениях «американской мечты» пишет в диссертационном исследовании «Трансформация американской мечты в романах Ирвина Шоу (к проблеме аксиологии массовой литературы)» А. М. Форшток. Исследовательницу интересует связь «американской мечты» с эстетикой и социально-ценностным американским наполнением действительности, поэтому «американская мечта» обозначается ею как «система ценностей»[50].

С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова и В. В. Платошина в монографии «Американский мультикультурализм»[51] связывают с понятием «американская мечта» развитие идей мультикультурного общества. Опираясь на определения «американской мечты», данные Д. Т. Адамсом, А. Мулярчиком, Т. Г. Голенпольским и В. П. Шестаковым, К. В. Душенко, У. Сефайром, Т. Л. Морозовой и другими, они выделяют такие характерные черты «американской мечты», как философия фронтира [52], «этика успеха» и стремление к идеалу «человека, создавшего самого себя» (self-made man). Авторы монографии придерживаются мнения, что «“американская мечта” – это

---

[49] Коновалова, Ж. Г. Американская мечта в художественно-документальной литературе США второй половины XX века : специальность 10.01.10 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань, 2009. 213 с.

[50] Форшток, А. М. Трансформация американской мечты в романах Ирвина Шоу (к проблеме аксиологии массовой литературы) : специальность 10.01.03 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Нижний Новгород, 2010. С. 4.

[51] Некрасов, С. И., Некрасова, Н. А., Платошина, В. В. Американский мультикультурализм. Пенза, 2011. URL: https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=4134 (дата обращения: 17.04.2017).

[52] «Теория фронтира получила распространение в конце XIX – начале XX века. «Фронтир (буквально – «граница») представление о постоянно расширяющихся границах продвижения переселенцев на Запад, место, находящееся на рубеже между «дикостью» и «цивилизацией». Некрасов, С. И., Некрасова, Н. А., Платошина, В. В. Указ. соч.

национальная идея страны <…> необходимо …наполнить ее современным содержанием через понятия толерантности, равенства и свободы развития каждого этнического представителя американской нации, что составляет базовые ценности мультикультуры»[53].

Д. А. Розеватов в своей статье «Общественно-политические и культурные аспекты существования американского общества в модели мифа об американской мечте» [54] определяет «американскую мечту» как модель поведения для людей, стремящихся добиться успеха. Автор прослеживает эволюцию «мечты», приводит примеры ее критики в произведениях О. Генри и Т. Драйзера. По мнению Д. А. Розеватова, первоначально «американская мечта» выдвинула буржуазные ценности в качестве основополагающих, но в процессе своего развития включила в себя и духовную составляющую. Таким образом, автор также считает, что в американском национальном сознании продолжает сосуществовать другая американская мечта о торжестве чистого духа, чуждого рациональности и расчету. В качестве мифа «американская мечта» рассматривается и А. Л. Логиновым в статье «Мифологическая составляющая концепта “The American Dream”»[55], где автор указывает на мифологическую сущность понятия. Основа «мечты», по его мнению, это представление о возможностях каждого человека стать добропорядочным и состоятельным гражданином. Такое представление содержит стремление к материальному благосостоянию. В своей статье исследователь ссылается на мнение директора Принстонского университета и профессора социологии Вуфнау о наличии социальной несправедливости и неравенства в Америке, в связи с этим истории об успехах иммигрантов могут рассматриваться как мифы[56].

---

[53] Некрасов, С. И., Некрасова, Н. А., Платошина, В. В. Указ. соч.

[54] Розеватов, Д. А. Общественно-политические и культурные аспекты существования американского общества в модели мифа об американской мечте. Саратов, 2014. С. 141–146.

[55] Логинов, А. Л. Мифологическая составляющая концепта «The American Dream» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология, №1(2). Нижний Новгород, 2012. С. 139–143.

[56] Логинов, А. Л. Указ. соч. С. 141.

Многие исследователи тесно связывают понятие «американская мечта» с «self-made man» – идеей о людях, добившихся успеха, славы и богатства своими собственными силами. О связи этих понятий идёт речь в работе А. И. Липкина «Субцивилизационная специфика США. Американский индивидуализм»[57]. Автор придерживается следующего определения «мечты»: «”Американская Мечта” – это «светлое сегодня» (а не «завтра», как в России), причем, доступное каждому. <…> Реализация «американской мечты» предполагает типичную последовательность: тяжелый индивидуальный труд ради успеха в обозримом будущем. <…> Важной чертой «американской мечты» является ясность критерия успеха»[58].

О «неразделимости идеи «self-made man» и «американской мечты» также упоминают в своих работах О. В. Тарасова и О. Е. Яцевич[59], С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова, В. В. Платошина[60], С. А. Емельянов[61]. И. А. Бельцова, изучая образ успешного человека в США, высвечивает концепт «self-made man» как ключевой элемент в понимании американцами феномена успеха[62].

Таким образом, можно утверждать, что в литературоведении сложилась определённая традиция восприятия понятия «американской мечты». Большинство исследователей включает в это понятие материальный успех и богатство (М. Рэнк, Т. Хиркль, К. Фостер, Ю. А. Замошкин, С. А. Емельянов), некоторые исследователи добавляют к этим составляющим еще и декларируемое равенство возможностей (Л. Романчук), стремление к обладанию землей (Д. Стейнбек), уважение достоинства и ценность личности человека (М. Л. Кинг – мл.), абсолютную свободу (Л. Соренсон). Такие

[57] Липкин, А. И. Субцивилизационная специфика США. Американский индивидуализм // Культура и искусство 6(24). М. : Nota Bene. 2014. С. 622.
[58] Липкин, А. И. Указ. соч. С. 623.
[59] Тарасова, О. В., Яцевич, О. Е. Селфмейд: от истории к современности // Теория и практика общественного развития. № 6. Краснодар, 2015. С. 130–132.
[60] Тарасова, О. В., Яцевич, О. Е. Указ. соч. С. 52.
[61] Там же. С. 47.
[62] Бельцова, И. А. Ценностные приоритеты и образ успешного человека в культуре и СМИ США // Молодой ученый. № 10 (57). Филология. Казань, 2013. С. 579.

исследователи, как Л. Сэмюэл, А. Л. Логинов, О. Ю. Матвеева, Э. Я. Баталов и др., рассматривают «американскую мечту» в качестве социально-исторического мифа, опирающегося на определение Т. Адамса, но сложившегося во времена Великой депрессии и призванного поддерживать меры Ф. Д. Рузвельта по восстановлению экономики США. До настоящего времени в науке не было дано однозначного определения рассматриваемого концепта. В силу этого различаются между собой и оценки «американской мечты» со стороны критиков. Не отрицая её существование в сознании американцев, они, как правило, указывают на постоянное расхождение между мечтой и реальностью (Д. Миллер), приравнивают мечту к иллюзии (М. Бьюли), пишут о серьёзных проблемах, возникающих на пути реализации этих декларируемых идеальных устремлений, например – расовой дискриминации и пр. (Л. Хьюз, Д. Каллен, С. А. Емельянов и др.), наконец, вообще ставят под вопрос возможность её реализации.

Подобное разнообразие литературоведческих суждений и трактовок естественным образом заставляют задуматься о переходе от осмысления отдельных аспектов «американской мечты» к универсальному описанию данного феномена, что подразумевает нахождение определённых универсальных критериев, одинаково приложимых к произведениям разных авторов и разных временных эпох. Об этом пойдёт речь в следующей главе.

Глава 2. Бинарные оппозиции в описании феномена «американской мечты»

Нам представляется возможным разработать универсальную модель понимания «американской мечты», которая могла бы использоваться при анализе самых разных произведений американской литературы. Подобная модель должна представлять, разумеется, не механическое соединение уже существующих в науке точек зрения. Универсальный характер ей может придать опора на важнейшие смысловые оппозиции (бинарные оппозиции)[63] в тексте, внимание к которым поможет понять сущность проявления «американской мечты» как феномена.

В качестве подобных оппозиций мы предлагаем выделить следующие:

– *фьючеризм* и *пастизм*. Вера в «американскую мечту» подразумевает личностную устремлённость в будущее (*англ*. «future» – будущее), однако вместе с тем и приверженность традициям и ценностям национального прошлого (*англ*. «past» – прошлое), в котором зародилась «американская мечта»;

– *потенциализм* и *оппортунизм*. По существу, «американская мечта» обещает человеку возможность свободной, творческой самореализации в любой сфере жизни: путешествиях, построении карьеры и т.п. (*лат*. «potentia» – возможность). О *потенциализме* как тенденции (тренде) современности говорят всё чаще и чаще[64], подразумевая при этом, что человеку важно осознавать свою *возможность* изменить жизнь к лучшему. В то же время возможность не

---

[63] Как пищет В. П. Руднев, после Н. С. Трубецкого, разработавшего фонологическую методологию, «система бинарных дифференциальных признаков стала использоваться практически во всех сферах структурных гуманитарных исследований. Было установлено, что в описании любой картины мира лежат Б, о., причем они носят универсальный характер: жизнь – смерть, счастье – несчастье, правый – левый, хорошее – дурное, близкое – далекое, прошлое – будущее, здесь – там». Руднев, В. П. Словарь культуры XX века : ключевые понятия и тексты. – М., 1997. URL: http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt (дата обращения: 28.06.2019).

[64] См., напр.: Gutsche, J. «Потенциализм» – новая форма мышления // research&trends: события, методики, индикаторы, тенденции. 2010. 19 апреля. URL: https://www.r-trends.ru/trends/trends_216.html (дата обращения: 30.01.2018).

является необходимостью. Человек может приспосабливаться к имеющемуся положению дел, принимать ситуацию и использовать её к своей выгоде. О. Уильямсон, лауреат Нобелевской премии по экономике, замечал, что оппортунизм (*лат*. «opportunus» – удобный, выгодный) – это неуклонное «следование своим интересам, в том числе обманным путём, включая сюда такие явные формы обмана, как ложь, воровство, мошенничество, но едва ли ограничиваясь ими. Намного чаще оппортунизм подразумевает более тонкие формы обмана, которые могут принимать активную и пассивную форму, проявляться ex ante и ex post»[65];

– *индивидуализм* и *коллективизм*. Обе стороны в этой смысловой оппозиции пребывают во взаимном балансе. Индивидуализм «американской мечты» (*англ*. «individual» – индивидуум) подразумевает возможность реализации *любой личной* мечты о счастье, однако возможность эта ограничена требованиями некоего коллектива, или общества, или самого государства. В Соединённых Штатах существует и определённое коллективное (*лат*. «collectives» – собирательный) понимание того, что есть счастье, таким образом, личное видение «американской мечты» всегда так или иначе противостоит коллективному[66];

– *фридомизм* и *трэллизм*. Первый (*англ*. «freedom» – свобода) подразумевает абсолютную свободу человеческих действий, декларируемую государством, второй (*англ*. «thrall» – раб) указывает на то, что в американском обществе, как и в любом ином, один человек находится под властью другого, зависит от него;

– *абстракционизм* (*лат*. abstractio – удаление, отвлечение) и *реализм* (*позднелат*. realis – вещественный, действительный). Представление об

---

[65] Уильямсон, О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 39–49.

[66] Так, например, личная «мечта» о коммунистическом будущем входит в явное противоречие с американским общественным сознанием, что убедительно показал период маккартизма в Америке.

«американской мечте» всякий раз связано с обращением как к абстрактным понятиям (справедливость, свобода и др.), так и к совершенно конкретным, вызванным существующей реальностью обстоятельствам;

– *спиритуализм* (*лат*. spiritualis – духовный) и *материализм* (*лат*. materialis – вещественный). Понимание «американской мечты» основывается как на духовных, так и на материальных факторах, теснейшим образом переплетающихся друг с другом;

– *иммортализм* (*англ*. immortal – бессмертный) и *мортализм* (*англ*. mortal – смертный). Понятие «американской мечты» неоднократно подвергалось критике в силу разных обстоятельств. В этом отношении размышления, например, об «американской трагедии» как закономерном итоге погони за «американской мечтой» свидетельствуют, по сути, об отрицании «мечты», о разочаровании в ней, о её смерти. В то же время многочисленные литературные произведения разного исторического времени указывают на постоянное возрождение в сознании авторов «американской мечты», причём не обязательно в новом облике.

Ниже мы подробнее раскроем сущность каждой из обозначенных оппозиций.

§ 1. Фьючеризм и пастизм

Как нам представляется, идея фьючеризма заложена в самом ядре всеобщих представлений об «американской мечте». Фьючеризм играл важную творческую роль в формировании феномена «американской мечты», превратившейся в культ в массовом сознании не только в Америке, но и во всем мире. Во время Великой Депрессии в США устойчивый оптимизм «американской мечты» служил напоминанием о возможности лучшей жизни.

Для Д. Траслоу Адамса «американская мечта» была связана с будущим, так как она давала надежду американцам, заставляла их забывать о насущных экономических проблемах.

Эта устремлённость сознания в будущее оказалась очень привлекательна во многих сферах национальной жизни. Фьючеризм «американской мечты» становился генератором новых идей и поддерживался средствами массовой информации и всей индустрией развлечений[67].

Интерес к будущему особенно возрос после Второй мировой войны – вследствие быстрых социальных изменений, открывших новые возможности будущего для всех. Например, понятие «американская мечта» длительное время связывалось с упорным трудом, однако этот труд воспринимался в первую очередь как *мужской* труд. Мужчины обеспечивали свои семьи и надеялись преодолеть финансовые проблемы настоящего. Однако фьючеризм мечтаний постепенно переставал быть прерогативой мужского сознания. «Американская мечта» стремительно становилась и «женской» мечтой о счастливом будущем, так её исполнение позволяло надеяться на расширение арсенала традиционных женских ролей в обществе. Именно женщинам принадлежала поэтому большая роль в обществе по продвижению идеи «американской мечты», ибо это было связано с верой в то, что они могут стать более свободными, чем ранее.

Таким образом, фьючеризм «американской мечты» позволяет расценивать её как мечту о лучшем *будущем* в целом.

Вместе с тем в сознании человека, захваченного «американской мечтой», размышления о будущем постоянно связываются с погружением в известный опыт *прошлого*, так совершаются отсылки к ценностям минувшего и к уже

---

[67] Г. Бюленс, Г. Хендрикс и М. Янсен в своей книге «История фьючеризма: предшественники, главные герои и наследие» характеризуют ситуацию следующим образом: «Любое определение футуристического движения должно попытаться принять во внимание его разнообразные цели и результаты в пространстве и времени». В ориг.: «Any definition of the futurist movement should try to take into account its diverse goals and results in space and time». Buelens, G., Hendrix, H., Jansen, M. The History of Futurism. The Precursors, Protagonists, and Legacies. USA, 2012. P. 51.

существующим вариантам понимания «мечты». Иными словами, происходит координация личных надежд с уже существующими целями, с тем, что принято называть «успехом». *Прошлое* оказывает несомненное влияние на формирование «мечты» в настоящем.

При желании можно проследить принципиальную неодномоментность формирования представлений об «американской мечте».

В прошлом «американская мечта» представляла собой коллекцию не вполне определённых и часто не связанных друг с другом идей. Не случайно Э. Брэндт (Anthony Brandt) замечал: «Неопределенность заложена в само понятие “мечта”»[68]. О расплывчатости «мечты» писал и Л. Р. Сэмюэль в своей книге «Американская мечта: История культуры»[69]. Например, Г. С. Боритт в книге «Линкольн и экономика американской мечты» рассматривает «мечту» прошлого как мечту о всеобщем образовании и открытом обществе, возникшую ещё во времена президента Линкольна[70].

Однако с течением времени все идеи стали перекликаться с ключевыми понятиями свободы, богатства, владения землей и так далее, постепенно приблизившись к тому, чтобы быть идентифицированными относительно ключевых обстоятельств – политических, социальных и экономических. Именно они оказывают большой эффект на формирование индивидуальной «американской мечты». О её формировании ведётся речь в таких работах как «Американская мечта: краткая история идеи, которая сформировала страну» Д. Каллена (2003) и «В погоне за американской мечтой: понимание того, что формирует нашу удачу» М. Рэнка, Т. Хиркля и К. Фостера (2014).

---

[68] Brandt, A. American dream. URL: http://www.americanheritage.com/content/american-dream (дата обращения: 07.02.2018).

[69] В ориг.: «…vagueness implicit in the very notion of a dream». См.: Samuel, Op. cit. P. 15.

[70] В ориг.: «The identification in folklore of the sixteenth President with the American Dream meets the test of scholarship. The ideal of the open society». См.: Boritt, G. S. Lincoln and the Economics of the American Dream. Chicago, 1994. P. 391.

При этом возникают закономерные вопросы: в какой мере представление о *будущем* связано с *прошлым*? В какой мере одно обусловлено другим? И более того, существует ли «американская мечта» в *настоящем*, или же представления о ней есть либо оправдание прошлого, придающее ему смысл, или же это – сознательное поддержание мифа о будущем, которое будет совершенно не похоже на настоящее?

Возможно, что сложность определения «американской мечты» как раз и определяется подобными *индивидуальными* отсылками в *настоящем* к *прошлому* и *будущему*. Это легко понимается из сравнения надежд и ожиданий Джея Гэтсби из романа Ф. С. Фицджеральда и, например, членов семьи Смирновых – персонажей повести Е. Ахтиорской «Паника в чемодане». В обоих случаях *будущее,* связанное с *формирующимся на глазах читателя* пониманием «американской мечты», определено событиями индивидуального *прошлого* персонажей, и поэтому одно будущее не похоже на другое (перед нами американская «американская мечта» и славянская «американская мечта»; американская «американская мечта» и иммигрантская «американская мечта»…).

§ 2. Потенциализм и оппортунизм

«Эффект потенциальной возможности» – это один из ключевых смыслов «американской мечты», оказывающий магический эффект на ее понимание. Само понятие «возможность» включает в себя возможность стать свободным и богатым, не быть дискриминированным и многое другое, включая даже шанс занять кресло президента США. Это слово повсеместно звучит в США, Америка обещает своим гражданам и иммигрантам главным образом наличие неких возможностей для неких свершений.

Осознание этого укоренилось в американском сознании задолго до того, как понятие «американской мечты» вошло в американский словарь. Первыми «возможностями» были возможность религиозной свободы (в Новый Свет устремлялись те европейцы, которые либо подвергались преследованиям на религиозной почве, либо желали построить новое общество на евангельских принципах – пуритане, баптисты и др.) и возможность личного имущественного процветания, связанная с возможностью получить в личное владение землю (например, к середине XIX в. более трети иммигрантов в США составляли выходцы из экономически отсталой на тот момент Германии, их число приближалось к полутора миллионам, каждый год в среднем приезжало более ста тысяч новых переселенцев). Показательно, что декларирование возможностей будущего оформлялось законодательно. Так, например, уже Первая поправка к Конституции США, принятая 15 декабря 1791 года, провозгласила запрет на установление государственного вероисповедания. А чуть ранее в Декларации независимости отцы-основатели США заявили: «Мы соблюдаем эти истины, чтобы быть самостоятельными, чтобы все люди были равными, с определенными неотъемлемыми Правами, среди которых – Жизнь, Свобода и преследование Счастья»[71].

«Американская мечта» постепенно превращалась в символ, выражающий веру в то, что у любого человека существует возможность достигнуть личного процветания, экономической безопасности и заслужить уважение общества посредством усердной работы и построения честных деловых отношений. Любой, кто упорно работает и использует открывающиеся перед ним возможности, проницательно может предположить, что богатство будет его вознаграждением. Американцы поверили лестным описаниям американских

[71] В ориг.: «We hold these truths to be self-evident, that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable Rights, that among these Life, Liberty and the pursuit of Happiness». См.: Stiles, T. J. The American Revolution: first person accounts by men who shaped our nation. USA, 1999. P. 364.

возможностей Б. Франклина, который утверждал, что любой, кто решит подражать ему, сможет, в конечном счете, повторить его карьеру[72]. Его видение законов жизни стало вдохновляющим для многих других. В большинстве европейских стран на тот момент политические учреждения и социальные институты препятствовали экономическим переменам, сложившая общественная структура в них с трудом допускала какие-либо новации. Демократические взгляды Б. Франклина, революционные по своему наполнению, выдвигали на первое место личный интерес человека. В американских колониях любой мог достигнуть высокого социального положения и упрочить свой экономический статус с помощью своих личных достоинств. Б. Франклин проповедовал, что эти возможности безграничны для тех, кто практикует бережливость и честность. Сама жизнь Б. Франклина, его карьера от подмастерья в типографии до того, чья подпись стоит на трёх документах, определяющих создание Соединённых Штатов Америки как независимого государства, стала иллюстрацией и доказательством его взглядов. М. Шеридан в книге «Америка: чтения в темах и эрах» писала: «С тех пор, как флот Колумба пересек воды Нового Мира, Америка стала другим названием для обозначения возможностей»[73].

Примечательно, что явным идейным последователем Б. Франклина оказался Б. Обама, президент США в 2009–2017 гг. Он также высказывал убеждённость в существовании равных возможностей, играющих огромную роль в американской жизни. В своем обращении к нации в январе 2015 г. он сказал: «то, во что я верю, объединяет людей этой страны... – простая, глубокая вера в возможности для всех – понятие, что, если Вы упорно работаете и берете на себя ответственность, Вы можете продвигаться. Пока я занимаю этот пост, я

---

[72] Rousseau, J., Cellini, B., De Quincey, T., Pompadour, J., Franklin, B., St. Augustine. The World's great confessions. Portland, 1929. P. 903.

[73] В ориг.: «Since the days when the fleet of Columbus sailed into the waters of the New World, America has been another name for opportunity». Sheridan, M.S. America: Readings in Themes and Eras. New York, 1992. P. 188.

буду продолжать бороться, чтобы дать большему количеству молодых людей шанс заработать их собственную часть американской мечты»[74].

Таким образом, Б. Обама пообещал каждому свою часть шанса для осуществления «мечты», желая – подобно Б. Франклину – создать новое оптимистическое поколение, которое бы вновь поверило в «мечту» после ее долгого летаргического «сна». В целом же **потенциальность** экономического процветания и религиозной свободы стали уже стандартной составляющей в том, что люди теперь понимают как «американская мечта».

Итак, использование открывающихся перед человеком возможностей является одним из прав, защищаемых законом и Конституцией Америки. При этом стоит заметить, что с понятием «возможности» априори связывалось и понятие «морали». Никто из американских писателей или публицистов не воспевал достижение «мечты» нечестным путем. Подразумевалось, что «мечту» можно достигнуть упорным трудом, а не обманом. Однако постепенно в процессе осмысления возможностей, предполагаемых «американской мечтой», стал возникать важный вопрос: насколько тесна эта связь между стремлением к личному счастью и высокой моралью? Размышления об этом прошли единой нитью через такие произведения, как «Великий Гэтсби» С. Фицджеральда (1925), «Американская трагедия» Т. Драйзера (1925), «Прощай, оружие» Э. Хемингуэя (1929), «О мышах и людях» Д. Стейнбека (1937), «Смерть коммивояжера» А. Миллера (1949), «Самые голубые глаза» Т. Моррисон (1970), «Костер тщеславия» Т. Вулфа (1987), «Американская пастораль» (1997), «Я вышла замуж за коммуниста» (1998), «Людское клеймо» (2000) Ф. Рота, «Паника в чемодане» Е. Ахтиорской (2014) и др. В них так или иначе

[74] В ориг.: «Opportunity for all – the notion that if you work hard and take responsibility, you can get ahead. As long as I hold this office, I'll keep fighting to give more young people the chance to earn their own piece of the American Dream». См.: Puzder, A. Why Young People Can’t Find Work. The main culprits are policies that make new jobs more expensive. URL: https://www.wsj.com/articles/andrew-puzder-why-young-people-cant-find-work-1402355248 (дата обращения: 01.05.2017).

прозвучало указание на обратную сторону рассматриваемой нами бинарной оппозиции – ***оппортунизм*** человеческого поведения. Писатели показывали персонажей, стремившихся извлечь выгоду из ошибок других, эксплуатировавших возможности, появившиеся вследствие сделанных соперниками или конкурентами ошибок, использующих чужие слабые места. Поведение Холдена Колфилда («Над пропастью во ржи») и Джея Гэтсби («Великий Гэтсби») служит хорошим примером проявления оппортунизма, проявившегося после Первой и Второй мировой войны соответственно. Так, при всём своём негативном отношении к старому миру Холден постепенно приходит к соглашательской модели поведения, к оппортунистическому использованию существующих возможностей. Именно «оппортунистом» называют Холдена Колфилда С. Пинскер и Э. Пинскер в книге «Понимая “Над пропастью во ржи”». Они обращают внимание на определённое расхождение между стремлением персонажа, выступающего в качестве национального волонтера, спасти мир и его же неуклонным стремлением соблюсти личные интересы[75]. Точно так же значимо и расхождение в сознании Гэтсби: с одной стороны, персонаж подчёркнуто отличается от прочих своей наивностью, мечтательностью, простодушием, с другой – он умело приумножает свои капиталы, чтобы добиться осуществления давней мечты.

§ 3. Индивидуализм и коллективизм

Индивидуализм восприятия и принятия «американской мечты» является постоянно культивируемой государством частью американского национального мировоззрения. В силу этого «мечта» прочно укоренилась в темах самореализации, самостояния персонажей американской литературы. Пафос

[75] Pinsker, S., Pinsker, A. Understanding The Catcher in the Rye: A Student Casebook to Issues, Sources and Historical Document. London, 1999. P. 161.

обретения «мечты» – это пафос индивидуального свершения, почти всегда – вопреки обстоятельствам. Р. У. Эмерсон и Л. Зифф в своей книге «Природа и избранные очерки» писали: «Ах, таким образом, Вы будете неправильно поняты? Это плохо, быть неправильно понятым? Пифагор был неправильно понят, и Сократ, и Иисус, и Лютер, и Коперник, и Галилео, и Ньютон и каждый честный и мудрый человек, который когда-либо достигал сердцевины. Быть великим означает быть неправильно понятым»[76]. Великих людей прошлого часто неправильно понимали, несмотря на это, они все оставались верными своему пути. Достижение мечты возможно, по мысли авторов, лишь в том случае, если индивид умеет противостоять авторитетам прошлого и настоящего, умеет не поддаваться как влиянию толпы, так и отдельных великих личностей: «Вера в себя (или самопринятие) означает освобождение от тирании прошлого и от травмирующего превосходства авторитетов»[77]. Эмерсон и Зифф рассматривают возможность личностной эмансипации как необходимый первый шаг к действительно свободной жизни и открытию «необыкновенного себя» в американском обществе, построенном на конкуренции.

Именно это обстоятельство обеспечивает «американской мечте» уникальную «эластичность» понимания, зависящую от личного жизненного опыта и тех или иных обстоятельств (так, например, мечты Холдена Колфилда разительно отличаются от жизненных ожиданий других персонажей, даже от мечтаний Фиби).

Вместе с тем **индивидуализм** «американской мечты» тесно связан в рамках бинарной оппозиции с её **коллективизмом**. Свобода индивидуума, стремящегося к своей «мечте», на самом деле ограничивается принятыми в

---

[76] В ориг.: «Ah, so you shall be sure to be misunderstood? Is it bad then to be misunderstood? Pythagoras was misunderstood, and Socrates, and Jesus, and Luther, and Copernicus, and Galileo, and Newton, and every pure and wise spirit that ever took flesh. To be great is to be misunderstood». Emerson, W., Ziff, R. L. Nature and Selected Essays. NewYork, 2003. P. 183.

[77] В ориг.: «“Self-trust or self-acceptance is liberation from the tyranny of the past and from the injurious superiority of the great and famous». Emerson, W., Ziff, R. L. Op. cit. P. 14.

обществе ценностями. В этом отношении личное понимание «мечты» сталкивается с тем её восприятием, которое свойственно коллективному мифу об Америке. При этом стоит заметить, что *коллективизм* понимания, как правило, не распространяется на сферы религии, национальных традиций или личной культуры человека, однако он в той или иной степени, в тот или иной исторический период, проявляется себя в области политики или общественной этики.

Это обстоятельство легко увидеть в сюжете романа Ф. Рота «Я вышла замуж за коммуниста». Звезда американского радио-эфира Айра Рингольд подвергается в начале 1950-х годов травле со стороны приверженцев курса травли коммунистов, инспирированного сенатором Джозефом Маккарти. В начале повествования брат главного героя и его жена защищают его от нападок со стороны других людей, не разделяющих политические убеждения Айры, однако впоследствии они же предают Айру. Успешная карьера радиоведущего рушится в одночасье после выхода в свет скандальной книги «Я вышла замуж за коммуниста», написанной от лица жены героя. *Индивидуальная* мечта Айры Рингольда была связана с активной помощью пролетариату Америки, бедным и угнетённым, однако в условиях *коллективной* «охоты на ведьм», развернувшейся в американском обществе, следование ей оказалось гибельным.

Примером существования подобной бинарной оппозиции в американском сознании служит и история восхождения на вершину политического Олимпа последнего президента США Дональда Трампа. Его личные убеждения в целесообразности тех или иных действий постоянно сталкиваются с коллективной подозрительностью со стороны американского Конгресса, в особенности это касается отношений с Россией. В этом отношении глубокой иронией пропитаны слова профессора экономики Д. М. Альбрехта о том, что

«поверить в коллективизм… значит увидеть индивидуальность – индивидуальные цели, идеи, желания, действия и энергию воли»[78].

Таким образом, именно оппозиция «индивидуализм / коллективизм» определяет двойственность понимания «американской мечты». Индивидуализм как мировоззрение прочно укоренился в американском сознании, легитимизируя реализацию любых личностных устремлений, однако возможность самостоятельно вершить свою судьбу постоянно корректируется совпадением или несовпадением их с коллективным мифом об «американской мечте». Благодаря существованию этой оппозиции само понимание «американской мечты» оказывается как чрезвычайно размытым – в силу многочисленности индивидуальных её трактовок, так и тяготеющим к определённым штампам – в силу зависимости от коллективного мышления.

§ 4. Фридомизм и трэллизм

В 1940 г. педагог и государственный деятель Р. Банч написал об Америке: «Любой человек на улице, белый, темнокожий, красный или жёлтый, знает, что это – “свободная страна”... [и] “колыбель свободы”»[79].

Нет никакой другой идеи, столь же важной, столь же фундаментальной для осмысления американцами самих себя как людей и как страны, чем *свобода*. Центральный термин в американском политическом словаре – свобода. Декларация Независимости причисляет свободу к неотъемлемым правам человека. Конституция имеет своей целью обеспечение свободы.

---

[78] См.: Albrecht, J. M. Reconstructing Individualism: A Pragmatic Tradition from Emerson to Ellison. New York, 2012. P. 90.

[79] Цит. по: «Every man in the street, white, black, red or yellow», wrote the educator and statesman Ralph Bunche in 1940, «knows that this is «the land of the free» . . . [and] «the cradle of liberty». Myrdal, G. An American Dilemma. The Negro Problem and Modern Democracy. Vol. 1. New York, 2009. P. 4.

Свобода как принцип жизни была положена в основу существования первых американских колоний. Она не означала отсутствие власти. Свобода понималась переселенцами из Старого Света как моральное или духовное условие – оставить жизнь греха, чтобы следовать учению Христа. Таким образом, с самого начала речь шла о *фридомизме* поведения в американском обществе, о глобальном понимании свободы в рамках христианской картины мира. Так, неслучайно религиозный плюрализм сделался образом жизни, несмотря на то, что почти каждая из колоний имела свою официальную церковь. У. Пенн, основатель Пенсильвании, видел Новый Свет местом, где люди смогут наслаждаться духовной свободой.

Американская действительность в этом отношении разительно отличалась от бытия в испанских или французских колониях, где доминирующую роль играла католическая церковь, и даже от положения дел в самой Англии, где квакеры, к которым принадлежал У. Пенн, столкнулись с серьёзными проблемами.

Американская политическая идеология основывается на культивировании неистовой веры в свободу, из-за чего можно наблюдать многократное произнесение в обществе слова «свобода», часто никак не связываемого с конкретной ситуацией. Именно свобода воспринимается как главная особенность и цель американского общества.

«В Декларации независимости говорится, что мы обеспечены нашим Создателем неотъемлемыми правами. <…> Свобода – это… краеугольный камень американской мечты. Нигде во времени и пространстве люди не находили больше свободы, чем в Америке, и не пользовались ей так много», – заявил во время своего выступления 1 марта 2007 г. на 34-й ежегодной Конференции консерваторов Дж. Хенсарлинг, председатель

Исследовательского республикано-консерваторского комитета по политическим вопросам[80].

Фридомизм – это абсолютная свобода человека, имеющего право принимать свои или другие идеи без контроля со стороны общества для достижения «мечты» в его собственном понимании. Подобная вера в свободу собственного выбора всячески поощряется со стороны власти. На государственном уровне осуждается дискриминация в соответствии с цветом кожи, религией, полом или по другим признакам. Таким образом, можно вести речь о «фридомизме» как об одной из сторон значимой оппозиции в понимании «американской мечты».

Однако при этом требуют осмысления несколько важных вопросов. «Американская мечта» предполагает некую частную «свободу» или «*абсолютную* свободу» индивидуума? Какова разница между обычной человеческой свободой (в бытовом понимании слова) и той свободой, которая связывается с концептом «мечты»? Так ли уж безусловна поддержка «свободы» индивидуума со стороны власти? Наконец, могут ли коренные американцы и иммигранты отделять своё личное понимание «свободы» от понимания, внушённого со стороны? От этого зависит и их восприятие самой «американской мечты».

История Америки показывает, что в процессе своего стремления к «мечте» индивидуум до определённого момента не осознаёт границ своей свободы. Тем не менее, эти границы существуют и проявляются в самых неожиданных вещах. Стоит задуматься о том, почему «мечта» белого населения Америки включает преимущественно обретение материальных благ, а «мечта»

---

[80] В ориг.: «Our Declaration of Independence says that we are endowed by our Creator with unalienable rights <…> Freedom is the final – and most unique – cornerstone of the American dream. Nowhere in time and space have human beings found more freedom and enjoyed it more abundantly than in America». См.: Hhensarling. Protecting the American Dream // humanevents. 2007. 2. March. URL: http://humanevents.com/2007/03/02/protecting-the-american-dream/ (дата обращения: 05.04.2017).

цветных и чернокожих (а также иммигрантов) связана в первую очередь с достижением самой «свободы». Часто выясняется, что обретение давно существующей в сознании белых «свободы», с самого начала обещанной Конституцией США, является трудноразрешимой проблемой для не-белых и иммигрантов. Это хорошо показано, например, в романе Р. Эллисона «Невидимка» («Invisible Man», 1952).

Чернокожий герой-рассказчик этого романа приезжает в Нью-Йорк, чтобы работать на красильной фабрике «Краски свободы». Отношения между чёрными и белыми осмысляются автором разнопланово. Рассказчик узнаёт на собственном опыте, что братства рабочих на фабрике не существует, что чернокожие обязаны придерживаться определённых правил поведения. Наличие чёрных на фабрике выгодно тем, что позволяет руководству проводить успешную рекламную компанию по продвижению своей продукции (*краски* свободы). Герою приходится пройти определённый путь иллюзий и разочарования. Вначале он искренне верит в единство рабочих, хотя другие чёрнокожие пытаются разубедить его в этом. Символическим выражением его веры становится восторг по поводу смешивания красок. Добавляя несколько чёрных капель в чистую белую краску, герой получает новый красивый оттенок цвета. Красота, гармония зависят, таким образом, от соединения двух цветов.

Герой оказывается настолько слеп, что готов вступить в конфликт со своими соплеменниками, однако время показывает не его, а их правоту. Пребывая под гипнозом красивых слов о «свободе» человека, он долго не замечает, что между мирами чёрных и белых на фабрике проходит невидимая граница, что именно белые по-прежнему определяют правила поведения чёрных. Самоидентификация «чёрных» ограничена «свободой» белых. Абсолютная свобода оказывается скрытой за вариантом свободы, скорректированным расизмом общества.

Символично в этой связи и название романа. Чернокожий рассказчик, понимая собственную незначительность в обществе, обозначает себя как «невидимку», как человека без имени.

Таким образом, наряду с «фридомизмом», можно говорить и о «*трэллизме*» в рамках понимания «американской мечты». Под *трэллизмом* мы понимаем ту зависимость, которую индивидуум испытывает (в реализации собственного понимания «мечты») от государства или доминирующего большинства граждан. Не отказывая индивидууму в свободе устремлений и помыслов, государство или общество неявным образом устанавливают достаточно жёсткие рамки для них. В силу этого может происходить подмена понятий – индивидуальная «мечта» заменяется чувством сопричастности «мечте», навязанной сверху. Индивидуум, обманываясь, совершает (часто – безуспешные) попытки обрести хотя бы кусочек стандартизированной обществом «мечты»[81].

Л. Е. Морель в своей книге «Ральф Эллисон и “Плот надежды”: политический компаньон для невидимого человека» указал на это различие между трактовками свободы. Реальная свобода чернокожих была далека от декларируемой в обществе абсолютной свободы. Им было позволено шутить о свободе, надеяться на возможность использования ресурсов американского общества, думать о собственном «освобождении», даже – протестовать против несправедливости, однако в реальности чёрные не могли воспользоваться даже минимальной толикой обещанной им белыми свободы[82]. Грубый американский расизм изображён и в рассказе «Аутсайдер» Р. Райта («The Outsider», 1953), и в

[81] На это обратил внимание в книге «Высшее образование и американская мечта: успех и недовольство» М. Лазерсон, когда писал о том, что существует «неразрывная связь между продвижением вперед, захватом куска американской мечты и поступлением в колледж». См.: Lazerson, M. Higher Education and the American Dream: Success and Its Discontent. Budapest; New York, 2010. P. 18.

[82] В ориг.: «here was no need to get all of his instruction in liberty from a racist society. It was incumbent upon the Negro to draw upon his own wit, resources, and the free institutions of American society to free himself and show what he thought freedom…was all ... To do otherwise – to protest one's oppression but not exercise even the limited freedom he already possessed – was a dead-end». Morel, L. E. Ralph Ellison and the Raft of Hope: A Political Companion to Invisible Man. USA, 2004. P. 58.

романе Т. Моррисон «Самые голубые глаза» («The bluest eye», 1970[83]), и во многих других произведениях.

Однако не стоит думать, что проблема невозможности абсолютной свободы является таковой лишь для чёрных. В американском обществе в целом человек не обладает полной свободой, будучи так или иначе скован различными правилами и традициями. «Свобода» белых так же регламентируется государством и обществом, достаточно вспомнить роман «Мой муж коммунист» Ф. Рота.

В силу этого при осмыслении многих аспектов «американской мечты» оппозиция *фридомизма* и *трэллизма* является значимой в целом.

§ 5. Абстракционизм и реализм

Часто возникает вопрос: связывается ли «американская мечта» с чем-то абстрактным или же человек, захваченный ею, подразумевает достижение чего-то реального, конкретного? И если в человеческом сознании присутствуют сразу оба варианта понимания, то какое из них будет доминирующим?

Абстракционизм «американской мечты» ценен тем, что позволяет сохранять веру в успех даже в обстоятельствах поражения, неудачи. Поражение стоит рядом с победой, ни в коем случае не отменяя её.

У. К. Ле Гуин в своей книге «Танцы на краю света: мысли о словах, женщинах, местах» писала: «Успех означает чью-либо неудачу. Успех – это «американская мечта», мы можем продолжать мечтать, потому что

[83] Г. Блум писал: «In addition to the aforementioned developments of this period, which form the political and social background for reading The Bluest Eye, were the efforts by the freedom riders to challenge segregation laws in the Deep South». Bloom, H. Toni Morrison's The Bluest Eye. New York, 2010. P. 16.

большинство людей в большинстве мест, включая тридцать миллионов американцев, в действительности живут в ужасной бедности»[84].

Абстракционизм «американской мечты» оказывается своеобразным охранительным элементом, позволяющим давать ей различные трактовки. Это подпитывает любопытство людей, в то же время избавляя их от возможного разочарования, потому что именно поиск (неудачный) чего-то определённого грозил бы разрушением «мечты». Это прослеживается, например, в словах М. Л. Кинга – младшего, известного негритянского борца за гражданские свободы, который сказал: «Давайте продолжим наш триумфальный марш к реализации американской мечты» [85]. М. Л. Кинг имел в виду не что-то конкретное, важное для его собратьев афроамериканцев, он обращался ко всем людям, вне зависимости от цвета кожи и социального статуса – иными словами, имел в виду некую *абстракцию* счастливого будущего.

Разумеется, абстрактное понимание «американской мечты» предоставляет возможность её же критики, её сведения к некоей иллюзии, обманке. Так, в своем эссе «Американская мечта – иллюзия», изданном Советом по международным отношениям, профессор Г. Кларк[86] объявил, что вообще не существует такого понятия, как «американская мечта». «Правда состоит в том, что “американская мечта” всегда была иллюзией. Слепое преследование этой мечты приведет только к будущему со страшными социальными проблемами»[87].

---

[84] В ориг.: «Success is somebody else's failure. Success is the American Dream we can keep dreaming because most people in most places, including thirty millions of ourselves, live wide awake in the terrible reality of poverty». Le Guin, U. K. Dancing at the Edge of the World: Thoughts on Words, Women, Places. USA, 1989. P. 116.

[85] В ориг.: «Let us therefore continue our triumphal march to the realization of the American dream». Billington, J. Library of Congress Respectfully Quoted: A Dictionary of Quotations. New York, 2010. P. 46.

[86] Clark, G. The American Dream Is an Illusion : Immigration and Inequality // Foreign Affairs. 2014. 26. Aug. URL: https://www.foreignaffairs.com /articles/united-states/2014-08-26/american-dream-illusion (дата обращения: 20.03.2017).

[87] В ориг.: «The truth is that the American Dream was always an illusion. Blindly pursuing that dream now will only lead to a future with dire social challenges». Clark, G. Op. cit.

В определённой степени точка зрения профессора Кларка верна. «Американская мечта» сравнима с фэнтезийными мечтаниями нереалистичной природы. Однако чрезвычайно важным обстоятельством является то, что эти «мечтания» способны обратить внимание людей на реальные социальные проблемы. «Американская мечта» как образ в человеческом сознании формирует надежду на лучшее будущее, на неуклонное приближение каждого к моменту социально-экономического процветания, культивирует веру в будущее самой Америки.

При этом «американская мечта» представляется в виде глубокого озера с сокровищами, куда любой американец может глубоко нырнуть, чтобы получить что-то свое. Все эти сокровища не подобны друг другу – так же, как и «американская мечта» имеет различные интерпретации в действительности. «Американская мечта» – элемент «культурного материала», особенность которого состоит в том, что он быстро раскладывается на множество интерпретаций. Всегда существует возможность (и потребность) перенести «мечту» из ее призрачного и нереалистичного мира в реальный мир. Д. Т. Адамс в книге «Эпопея Америки» стал первым человеком, определившим «американскую мечту» как реальное понятие, значение которого ограничивалось материальным счастьем (собственным домом и т.п.). Адамс попытался связать отдельное усилие человека с пространством коллективной идентичности. Однако другая версия «мечты» проявляется в сознании иммигрантов, третья – в высказываниях людей, захваченных процессами глобализации XXI в.

Таким образом, в американском общественном сознании присутствует конфликт между реальным и абстрактным значением «американской мечты». Переосмысление значения «американской мечты» в ходе различных политических, социальных и исторических событий постепенно привело к

доминированию её абстрактного смысла над конкретным. Показательно, что не абстрактный характер «мечты» возникает из реальных обстоятельств, а напротив, он сам внедряется в реальность.

§ 6. Материализм и спиритуализм

Если обратить свой взор в XVII век, то легко увидеть, что «американская мечта» того времени была пронизана духовно-религиозным смыслом (собственного говоря, она и возникла в среде пуритан). Однако духовно-религиозная «мечта» имела множество минусов и не способна была воплотиться во что-то прочное и конкретное на земле. Поэтому жители Соединённых Штатов Америки закономерно обратились в своих помыслах о будущем к материальному успеху, который также мог принести им внутреннее ощущение счастья.

Так «американская мечта» стала мечтой о деньгах и материальных вещах. В большинстве случаев при обсуждении «американской мечты» упоминают о доме, автомобиле, отпусках, пенсии, устройстве детей в хороший колледж и т.д. Американцы оценивают свою жизнь по степени материальной успешности. В большинстве случаев их личный и деловой имидж определен тем, сколько денег они зарабатывают. Вся американская культура пронизана экономическим и культурным материализмом[88]. Цель жизни многих – упорно работать и иметь свой собственный большой дом, автомобиль, и, по крайней мере, двух детей с женой-домохозяйкой. Подобная способность покупать, что хочешь, владеть чем-либо, нравится всем, независимо от пола, возраста или статуса. Для многих американцев «мечта» связывается исключительно с достижением более высокого уровня жизни.

[88] В ориг.: «Materialism is the “idea that technological and economic factors play the primary role in molding a society”». Carneiro, R. L. Leslie A. White // Totems and Teachers. New York, 1981. P. 218.

Следует заметить, что часто подобные «игры материализма» вытесняют более значимый набор ценностей, связанных с чувством семьи, ответственности перед обществом и коллективизмом. А. Фредерик-Амьель сказал, что «материализм огрубляет и ошеломляет, делая все вульгарным, и каждую правду – ложной»[89]. Именно поэтому «американская мечта» часто связывается с «жадностью» человека-приобретателя.

Профессор-эмерит Гавайского университета У. Фишер высказывает любопытную точку зрения, что «американскую мечту» составляют два отдельных, конкурирующих между собой мифа – миф материализма и миф морализма. Морализм поведения и мировоззрения близок человеческой религиозности, однако не тождественен ей. «Чтобы быть движимым моральными призывами, нужно осудить себя в некотором роде», – пишет У. Фишер, имея в виду не религиозное покаяние[90]. Поэтому более точным определением для второй стороны нашей оппозиции может служить слово «спиритуализм», обозначающее не отношение к Богу, а душевное спокойствие, духовное счастье человека. Ведя речь о «спиритуализме», мы размышляем о таких качествах, как любовь, сострадание, терпение, прощение, ответственность… Духовность в этом контексте может быть вопросом взращивания мыслей, эмоций, слов и действий, которые находятся в гармонии с верой во взаимосвязь всего во Вселенной. Спиритуалисты сознательно отказываются от достижения материальных благ, обещанных «американской мечтой», в пользу достижения удовлетворения духовного характера.

Взаимодействие этих двух мифов отражает активный поиск современного понимания «американской мечты» в обществе. Новые духовные ценности

---

[89] В ориг.: «Materialism coarsens and petrifies everything, making everything vulgar, and every truth false». Цит по: Gerald, B. The Five-Minute Philosopher: 80 Unquestionably Good Answers to 80 Unanswerable Big Questions. UK, 2011. P. 2.

[90] В ориг.: «Put another way: in order to be moved by moralist appeals, one must condemn himself in some way or other». Fisher, W. Reaffirmation and the subversion of the American dream // Quarterly journal of speech. 59 (2). Ipswich, 2003. P. 163.

смешиваются со старыми, не отменяя «мечту» как феномен, но позволяя ей бесконечно развиваться в новых трактовках.

§ 7. Иммортализм и мортализм «американской мечты»

С предыдущими бинарными смысловыми оппозициями в понимании «американской мечты» естественным образом связана своеобразная итоговая оппозиция «мортализма» и «иммортализма» её существования.

«Американскую мечту» можно сравнить с бессмертной мелодией, которая вторгается в сердца американцев и иммигрантов. При этом разного рода «неудачи» в её достижении отнюдь не означают её краха. Феномен «мечты» изначально содержит равные возможности свершения и несвершения. Г. Блум писал: «Существует безвременность и своевременность одновременно… показывающие, что американская мечта всегда включает колебания на тонком краю между успехом и неудачей»[91].

Мортализм «американской мечты» связывается, как правило, с личным опытом существования или с историческими переменами в общественном укладе. Так, например, индивидуальный крах Джея Гэтсби в романе Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби», Клайда Гриффитса в романе Т. Драйзера «Американская трагедия» не может быть расценен как крах надежд и устремлений «американца вообще»[92]. Связывание «американской мечты» с «американской трагедией», на наш взгляд, высвечивает лишь отдельный момент общественных исканий. И Джей Гэтсби, и Клайд Гриффитс окружены множеством людей, понимающих «американскую мечту» так же, как и они, и которые, несмотря на отдельную человеческую трагедию, продолжают идти по

---

[91] В ориг.: «Here lie both the timelessness and timeliness … revealing that the American Dream always involves teetering on the thin edge between success and failure». Bloom, H. The American Dream. New York, 2009. P. 221.

[92] «Индивидуальную» смерть «американской мечты» можно наблюдать также в драме А. Миллера «Смерть коммивояжера», повести Д. Стейнбека «Мыши и люди» и других.

прежнему пути к этой «мечте». Вопрос о «трагедии» в данном случае относится к вопросу, задаваемому автором произведения, но никак не обществом.

Мортализм «американской мечты» проявляет себя в исторической смене ключевых мотивов её понимания, в кажущейся потере того, что было некогда важным и значимым. Так, если в самом начале «американская мечты» связывалась в сознании людей с построением царства Божьего на земле, с созданием идеального религиозного общества, то в последующем подобное понимание существенно трансформировалось. На смену отмирающим религиозным мотивам существования стало приходить стремление к материальному обогащению, что, однако, не сказалось на самом существовании «мечты». Точно так же понимание «мечты» белым населением Америки теряет свой смысл в афроамериканской культурной среде. Однако на смену одному определению «мечты», которое становится неактуальным, тут же приходит другое, уместное в новых культурных условиях. Могут варьироваться надежды, связанные с преодолением классовых, кастовых, религиозных, этнических и других барьеров, но в любом случае идеология «американской мечты» как таковой продолжает сохраняться в общественном сознании.

В силу этого можно говорить уже об *иммортализме* «американской мечты» в целом, о её способности *возрождаться* в каждую новую эпоху в новом обличии.

Примером подобных перемен могут послужить, например, годы американской действительности после Второй мировой войны. Америка стала весьма процветающей страной: экономика и производство быстро развивались, уровень безработицы был низким, и многие думали, что их «мечта» осуществилась. Начало холодной войны с Советским Союзом повлекло за собой негативные перемены, проблемы в экономике, рост безработицы. Это был своеобразный кошмар, к которому американцы не были готовы и который, как

казалось, мог уничтожить их веру в возможность действительной реализации «американской мечты». Тем не менее, мы видим, что и поныне «американская мечта» не исчезла ни как элемент общественного сознания, ни как понятие национального лексикона. «Американская мечта» постоянно подвергается разрушению в силу тех или иных открывающихся фактов политической и общественной жизни и так же постоянно модифицируется, чтобы служить надеждой для человека.

Таким образом, представленная нами теоретическая модель понимания «американской мечты», основывающаяся на элементах мифологического мышления в сознании писателей, даёт возможность более гибко подходить к анализу литературных произведений и учитывать многие нюансы, остававшиеся вне поля зрения литературоведов и критиков. Так же она позволит исследовать произведения второй половины XX – начала XXI вв. и выделить в них важные для их понимания черты. Об этом пойдёт речь в следующей главе.

Глава 3. Отражение бинарных оппозиций феномена «американской мечты» в произведениях отдельных американских писателей вт. пол. XX – нач. XXI вв.

§ 1. «Американская мечта» в декомпозиционном обществе в романе Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи»

Под «декомпозиционным обществом» мы будем понимать общество, лишённое внутренних духовных скреп, что проявляет себя в коррумпированности межчеловеческих связей в нём, в идейной дистанцированности друг от друга представителей разных поколений и во многом другом.

Произведение Д. Сэлинджера точно отразило в этом отношении специфику исторического времени. Америка вступала после 1945 г. в новый период своего развития. На мироощущение людей оказывали несомненное влияние как победа над фашизмом, так и холодная война, развернувшаяся между США и СССР[93], как экономический подъём[94], так и моральные вызовы времени, связанные с опасностью ядерной катастрофы, с оборотной стороной научно-технического прогресса. Нельзя обойти вниманием и «маккартизм» как эпоху столкновения идеологий. Справедливо отмечено, что творчество Сэлинджера – с учётом привлекаемого культурно-исторического контекста – рассматривалось в силу этого с самых разных сторон. Как пишет И. Л. Галинская, например, «в американском литературоведении существовали различные подходы к творчеству Сэлинджера: социологический,

[93] М. Ф. Полынов в своей статье «Холодная война как способ борьбы США против СССР» отмечает, что возникновение холодной войны было результатом сознательной политики администрации США для установления американского господства в послевоенном мире. См.: Полынов, М.Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР // Общество. Среда. Развитие. СПБ, 2008. С. 36–54.

[94] Jorgensen, D. W. Productivity and Postwar U.S. Economic Growth // The Journal of Economic Perspectives Vol. 2. USA, 1988. Pp. 23–41.

структуралистский, лингвистический, фрейдистско-юнгианский, “мифологический” и проч.». В свою очередь она обращает на наиболее продуктивный для понимания Сэлинджера экзистенциалистский подход[95].

В отечественном литературоведении также можно отметить разнообразие подходов к изучению творчества Сэлинджера. На высокий этический пафос его произведений и самобытный стиль с самого начала обратил внимание в монографии «Очерки об американских писателях XX века» Ю. Я. Лидский. Связь размышлений писателя с традициями экзистенциализма и буддизма, с философией Камю и Сартра прослеживали С. Белов, Е. В. Завадская, Ю. А. Петровский, Б. Сучков, В. А. Хомяков и др. О проблеме сочетания в произведениях Сэлинджера противоречивых тенденций – реалистической и модернистско-мистической – писали М. П. Тугушева, Т. Л. Морозова и др. В настоящее время творчество Дж. Сэлинджера по-прежнему пользуется вниманием со стороны литературоведов.

В нашей работе нас будет интересовать самое известное произведение Сэлинджера – «Над пропастью во ржи», воспринимаемое как книга, наполненная множеством символов, важных для понимания эпохи. Обращая внимание на определённые смысловые оппозиции в ней, мы получим возможность выявить и определённую трактовку «американской мечты», существующей в сознании главного героя.

В 1950-е гг. «американская мечта» в сознании многих сводилась к обладанию домом в тихом пригороде, хорошей работой в крупной корпорации и к возможности менять автомобиль каждые несколько лет. «Мечта» сводилась к ощущению потенциальных возможностей в образовании, бизнесе, досуге и давала чувство защищенности, основанное на растущем процветании[96].

---

[95] Галинская, И. Л. Лингвостилистический анализ романа «Ловец во ржи» (обзор) // Вестник культурологии. 2013. № 2 (65). С. 54.

[96] Judt, T. Postwar: A History of Europe Since 1945. New York, 2005. Pp.117–118.

Примером героя, чья «мечта» реализовалась, в романе является Д.Б., старший брат Холдена Колфилда. Рассказчик говорит о нём: «Купил себе недавно “ягуар”. Английская штучка, может делать двести миль в час. Выложил за нее чуть ли не четыре тысячи. Денег у него теперь куча. Не то что раньше»[97]. В другом месте упоминается финансовый попечитель школы, в которой учится Холден Колфилд: «Корпус был назван в честь Оссенбергера, был тут один такой, учился раньше в Пэнси. А когда закончил, заработал кучу денег на похоронных бюро… Так вот этот тип пожертвовал на Пэнси кучу денег и наш корпус назвали в его честь. На первый матч в году он приехал в своем роскошном «кадиллаке», а мы должны были вскочить на трибуны и трубить вовсю, то есть кричать ему “Ура!”»[98].

О том, что перед каждым американцем открыты небывалые возможности будущего, в романе говорится много. Так, например, уже в самом начале произведения Холден Колфилд в своём внутреннем монологе упоминает рекламу школы Пэнси, в которой он сам учится. «Пэнси – это закрытая средняя школа в Эгерстауне, штат Пенсильвания. Наверно, вы про нее слыхали. Рекламу вы, во всяком случае, видели. Ее печатают чуть ли не в тысяче журналов – этакий хлюст, верхом на лошади, скачет через препятствия. <…> И под этим конным хлюстом подпись: “С 1888 года в нашей школе выковывают смелых и благородных юношей”»[99].

То, что школа в Пэнси – элитная, подтверждает и пожилая женщина-секретарь, с которой общается Холден Колфилд, когда хочет забрать Фиби: «Она спросила, где я теперь учусь, и я сказал – в Пэнси, и она сказала, что Пэнси – очень хорошая школа»[100].

---

[97] Сэлинджер, Д. Над пропастью во ржи. М., 1983. С. 3.
[98] Сэлинджер, Д. Указ. соч. С. 9.
[99] Там же. С. 3.
[100] Там же. С. 83.

И в этом отношении ничто и никто не может помешать главному герою поймать свою «американскую мечту». От него требуется лишь принять правила игры. На данном этапе жизни – избавиться от скепсиса, отдать все силы учёбе, затем, возможно, воспользоваться протекцией родственников, занять достойное место в обществе… Именно об этом говорит, по сути, мистер Антолини, когда беседует с Холденом о его успехах. Он указывает на то, что перед подростком открыты все пути, нужно лишь осознать это: «Пропасть, в которую ты летишь, – ужасная пропасть, опасная. Тот, кто в нее падает, никогда не почувствует дна. Он падает, падает без конца. Это бывает с людьми, которые в какой-то момент своей жизни стали искать то, чего им не может дать их привычное окружение. Вернее, они думали, что в привычном окружении они ничего для себя найти не могут. И они перестали искать. <…> как только ты для себя определишь свой дальнейший путь, тебе придется первым делом серьезно отнестись к школьным занятиям. Да, придется. Ты мыслящий человек, нравится тебе это название или нет. <…> ты начнешь все ближе и ближе подходить – разумеется если захочешь, если будешь к этому стремиться, ждать этого, – подойдешь ближе к тем знаниям, которые станут очень, очень дороги твоему сердцу»[101].

Вместе с тем справедливо замечено, что главный герой романа поражен «фальшивостью» людей[102]. Холден Колфилд полагает, что мир потерял свою невинность и единственными чистыми существами остаются лишь дети[103]. К. Чарлтон-Джонс пишет: «Сэлинджер рассказывает свою историю прочувствованным, заглушающим все остальные голоса, вопрошающим голосом Колфилда. Тот не только поглощен фальшивостью почти всех, кого описывает, но и сам страдает от ощущения, что ему тоже, возможно, придется

[101] Сэлинджер, Д. Указ. соч. С. 78.
[102] См., напр.: Scheibach, M. Atomic Narratives and American Youth: Coming of Age with the Atom, 1945–1955. North Carolina, 2003. P. 153.
[103] Campbell, N. Kean, A. American Cultural Studies: An Introduction to American Culture. London, 1997. P. 25.

сделаться фальшивым, чтобы выжить»[104]. Ю. А. Шмакова указывает на то, что «экзистенциальный страх Холдена перед миром воплощен в боязни подражания, уподобления себя «взрослым», в нежелании приспособиться к окружающей лжи. Единственно возможной деятельностью для него становится поэтому бунт, восстание против “показухи”»[105]. Не случайно в начале романа Холден критикует окружающих за различные поступки, тем самым изолируя себя и создавая собственный уровень самозащиты.

И. Галинская в своей книге «Дж. Д. Сэлинджер и М. Булгаков в современных толкованиях» называет главного героя «аутсайдером абсолютно вульгарного материалистического мира» [106] . Уже в первых абзацах повествования Холден свидетельствует о своём неприятии окружаюшего: «Эти вещи наводят скуку на меня»[107].

Да, конечно, своим романом Сэлинджер «даровал молодому американцу определенную “перспективу”: протест должен сочетаться с настоятельными поисками “достойной цели”. Это – роман чувства, но чувства активного, готового к действию», как справедливо замечает М. Тугушева[108]. Тем не менее, в повествовании легко найти не только первую, но и вторую часть соответствующей смысловой оппозиции (*потенциализм – оппортунизм*). Так, например, подвергнув осмеянию жизнь своего брата в Голливуде, посвящённую

---

[104] В ориг.: «Salinger's story is narrated, and dominated, by Caulfield's sensitive, subjective, questioning voice .He is consumed not only by the inauthenticity of almost all those he describes but is also plagued by the sense that he too might have to adopt the phoniness he despises if he is to survive». Charlton-Jones, K. Dismembering the American Dream: The Life and Fiction of Richard Yates. USA, 2014. P. 71.

[105] Шмакова, Ю. А. Холден Колфилд в «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера. URL: http://www.hqlib.ru/st.php?n=49 (дата обращения: 21.04.2017).

[106] Галинская, И. Дж. Д. Сэлинджер и М. Булгаков в современных толкованиях. Москва, 2017. С. 3.

[107] В ориг.: «If you really want to hear about it, the first thing you'll probably want to know is where I was born, and what my lousy childhood was like, and how my parents were occupied and all before they had me, and all that David Copperfield kind of crap, but I don't feel like going into it, if you want to know the truth. In the first place, that stuff bores me, and in the second place, my parents would have about two hemorrhages apiece if I tell you my whole goddam autobiography or anything». Salinger, J. D. The Catcher in the Rye. New York, 1951. P. 3.

[108] Тугушева, М. Предисловие // Salinger J. D. The Catcher in the Rye. M., 1968. P. 20.

не творчеству, а зарабатыванию денег[109], сам герой не отказывается от тех возможностей, которые даёт человеку крупное материальное состояние: «Я велел шоферу везти меня на Центральный вокзал. Это рядом с отелем «Билтмор», где я должен был встретиться с Салли, и я решил сделать так. Сдам вещи на хранение в такой шкафчик, от которого дают ключ, потом позавтракаю. Очень хотелось есть. В такси я вынул бумажник, пересчитал деньги. Не помню, сколько там оказалось, во всяком случае, не такое уж богатство. *За какие-нибудь две недели я истратил чертову уйму. По натуре я ужасный мот. А что не проматываю, то теряю. Иногда я даже забываю взять сдачу в каком-нибудь ресторане или ночном кабаке*. Мои родители просто приходят в бешенство. Я их понимаю. Хотя отец довольно богатый, не знаю, сколько он зарабатывает, – он со мной об этом не говорит, – но, наверно, много. Он юрисконсульт корпорации. А они загребают деньги лопатой. И еще я знаю, что он богатый, потому что он вечно вкладывает деньги в какие-то постановки на Бродвее» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[110].

Холден Колфилд довольно успешно приспосабливается к той жизни, которую критикует. Разумеется, это приспособление проходит трудно[111], однако

---

[109] Такая же уничижающая критика слышится, как легко вспомнить, в его репликах, направленных в адрес попечителя школы в Пэнси Оссенбергера. «После окончания Пэнси, он заработал кучу денег предпринимательской деятельностью. Вот что он делал: он понастроил по всему штату бюро, через которые можно хоронить своих родственников по пять долларов за каждого. Вы бы посмотрели на этого самого Оссенбергера. Он, возможно, просто запихивает покойников в мешок и бросает в речку». В ориг.: «He made a pot of dough in the undertaking business after he got out of Pencey. What he did, he started these undertaking parlors all over the country that you could get members of your family buried for about five bucks apiece. You should see old Ossenburger. He probably just shoves them in a sack and dumps them in the river». Salinger, J. D. Op. cit. P. 22.

[110] В ориг.: «I told the driver to take me to Grand Central Station. It was right near the Biltmore, where I was meeting Sally later, and I figured what I'd do, I'd check my bags in one of those strong boxes that they give you a key to, then get some breakfast. I was sort of hungry. While I was in the cab, I took out my wallet and sort of counted my money. I don't remember exactly what I had left, but it was no fortune or anything. I'd spent a king's ransom in about two lousy weeks. I really had. I'm a goddam spendthrift at heart. What I don't spend, I lose. Half the time I sort of even forget to pick up my change, at restaurants and night clubs and all. It drives my parents crazy. You can't blame them. My father's quite wealthy, though. I don't know how much he makes--he's never discussed that stuff with me--but I imagine quite a lot. He's a corporation lawyer. Those boys really haul it in. Another reason I know he's quite well off, he's always investing money in shows on Broadway». Salinger, J. D. Op. cit. P. 139.

[111] Так, справедливо обращалось внимание на моменты невротического состояния персонажа и даже его символической смерти. См.: Graham, S. J. D. Salinger's The Catcher in the Rye: A Routledge Study Guide. London and New York, 2007. P. 45.

в конце концов он признаёт, что каждый ребенок, в конечном счете «упадёт» – из невинности во взрослую жизнь. Холден не может препятствовать этому, что бы он ни сделал, или спасти их, так же, как он не может спасти себя от взросления[112]. И его собственные скитания заканчиваются принятием правил игры. Вспомним диалог Холдена с Фиби:

«– Ты мне правду говорил? Ты на самом деле никуда не уедешь? Ты на самом деле вернешься домой?

– Да, – сказал я. И не соврал: на самом деле вернулся домой»[113].

Здесь необходимо отметить, что в этом моменте открывается ещё одна смысловая оппозиция в понимании «американской мечты», связанная с противопоставлением *пастизма* и *фьючеризма*.

«Оппортунизм» Холдена Колфилда отражает характер всего так называемого «гибридного поколения» американцев, не способного определиться с тем, в какую версию «американской мечты» им хочется верить, «старую» или «новую». Мир Холдена состоит из противостояния детской и взрослой жизни. Детство, как ему кажется, создано из незрелости и чистой невинности, в то время как взрослая жизнь пропитана фальшью. Вероятно, это соображение дало критику Д. Кларо основание утверждать, что нежелание Холдена взрослеть – это одна из сторон его «мечты»[114]. Г. Блум характеризует поведение главного героя следующим образом: «Когда Холден Колфилд отвергает школу и будущую карьеру в бизнесе, этот жест известен читателю как психологический... Он знает, что другие так же фальшивы, как «американская мечта», и он также знает, что он и сам немного фальшив»[115].

---

[112] «Holden appears to finally achieve happiness at the carrousel when he realizes that he can cope with the trials of growing up». Graham, S. Op. cit. P. 21.

[113] Сэлинджер, Д. Указ. соч. С. 87.

[114] Claro, J. J. D. Salinger's Catcher in the Rye. USA, 1984. P. 70.

[115] В ориг.: «When Holden Caulfield rejects his school and a future business career, it is a gesture known to the beat reader as mental... He knows the others are just as phony as the «American Dream» and he also knows that he's being a bit of a phony». См.: Bloom, H. Holden Caulfield. New York, 1990. P. 15.

При этом Холден стал голосом молодого поколения. Поведение Холдена оказалось своего рода критикой послевоенной американской культуры. 1950-е годы были временем соревнования двух мировых систем практически во всех сферах жизни, от космоса до производства бытовых вещей. Реализация «американской мечты» в это время стала сопрягаться с идеей превосходства США над СССР. Потенциальные возможности окружали американцев на каждом шагу, и идея лучшей жизни проникла в умы всей американской молодежи. *Фьючеризм* существования – появление каждый день всё новых марок автомобилей, лучших стиральных машин и холодильников, всё более совершенной офисной техники и тому подобного – как нельзя лучше характеризовал жизнь американцев. Вместе с тем множество других людей, особенно молодых, испытывало чрезвычайную неудовлетворённость жизнью, страдая от её внутренней пустоты. Поведение Холдена Колфилда отражает серьёзный конфликт между идеалами поколений, который был связан с необходимостью выбора: должны ли молодые копировать жизненные установки старшего поколения или они могут использовать новые потенциальные возможности. Не случайно В. И. Ситникова обратила внимание на частое единодушие критиков, которые писали о мелодраматической борьбе героя, желающего уцелеть в борьбе со «взрослым» миром[116]. Так, в некоторых случаях главный герой романа Д. Сэлинджера выступает в роли *оппортуниста*, принимающего уже сложившееся понимание «американской мечты», использующего достижения старшего – коррумпированного и аморального – поколения. В других ситуациях Холден Колфилд ведёт внутреннюю борьбу с оппортунизмом своего поведения, пытаясь найти новый путь жизни, пытаясь разглядеть новые черты «американской мечты» в существовании, например, Фиби.

---

[116]Ситникова, В. И. Библиографический очерк о герое повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». URL: http://lib.1september.ru/view_article.php?id=200900114 (дата обращения: 22.04.2017).

Для гибридного поколения, представленного в повествовании фигурой Холдена, мир разделяется на две части: старый и новый (детский) мир. Оно всё ещё пытается идентифицировать свои идеалы в их связи с идеалами времени. Однако каждая попытка Холдена сохранить связь с обществом оказывается провальной[117]. В этом отношении можно указать и на проявляющий себя абстракционизм «американской мечты», всякий раз ускользающей от точных определений. «Я продолжал думать о том, как престарелая Фиби ходит по субботам в тот же музей, что и я. Я подумал, как она смотрит на то же, на что я смотрел, а сама каждый раз становится другой. От этих мыслей у меня не то чтобы окончательно испортилось настроение, но веселого в них было маловато. Некоторые вещи должны остаться такими, какие они есть. Хорошо, если бы их можно было поставить в одну из тех больших застекленных витрин и не трогать. Я знаю, что это невозможно»[118]. Холден хотел бы передать по наследству сестре свое видение «американской мечты», но понимает, что свою философию жизни невозможно передать следующему поколению, так же, как и он не унаследовал ее от старшего поколения, поэтому отпускает Фиби к будущим возможностям «американской мечты», отличающимся от предыдущих поколений.

Символическим выражением идейной неустойчивости Холдена Колфилда в романе становятся сцены, в которых фигурирует его охотничья шапка.

Красную охотничью шапку он купил в Нью-Йорке утром после того, как он оставил все фехтовальные принадлежности в метро, а затем поссорился из-за этого со своей командой. Он говорит: «Это была красная охотничья шапка с одним из тех очень-очень длинных козырьков. Я ее увидел в окне спортивного

---

[117] Hurley, S. J. D. Salinger’s The Catcher in the Rye. Australia, 2008. P. 31.

[118] В ориг.:«I kept thinking about old Phoebe going to that museum on Saturdays the way I used to. I thought how she'd see the same stuff I used to see, and how she'd be different every time she saw it. It didn't exactly depress me to think about it, but it didn't make me feel gay as hell, either. Certain things they should stay the way they are. You ought to be able to stick them in one of those big glass cases and just leave them alone. I know that's impossible». Salinger, J. D. Op. cit. P. 221.

магазина, когда мы вышли из метро, тут же после того, как я заметил, что потерял эти чертовы рапиры. Она стоила всего доллар. Я ее надевал задом наперед – глупо, конечно, но мне так нравилось. Я выглядел хорошо таким образом»[119].

Шапка превращается в предмет, компенсирующий его ошибку, рассеянность как капитана школьной команды. Подобную бравую шапку носят победители, удачливые охотники, которым подсознательно хочет ощущать себя Холден. Когда Холден носит эту шапку, он как будто открывает окно в будущее, выступая в роли бравого охотника на «американскую мечту» будущего и освобождая себя от связей со старым коррумпированным поколением. Мы читаем в начале тринадцатой главы: «Я вытащил свою охотничью шапку из кармана и надел ее – мне было безразлично, какой у меня вид»[120].

Холден пытается сделать шапку символом завоевания своей «мечты», однако так же часто он снимает её – в поезде, в баре, в вестибюле гостиницы… В эти моменты он словно забывает о своём бравом «неприятии» «американской мечты» старшего поколения. Ему не хватает уверенности, чтобы носить её на публике: «На ходу я вытащил из кармана охотничью шапку и надел ее. Я знал, что не встречу никого из знакомых, а было очень сыро» (глава шестнадцатая)[121]. Или в начале двадцать первой главы: «Охотничью шапку я уже снял, чтобы вид был не слишком подозрительный»[122].

Ещё одним символом «американской мечты» в романе являются, на наш взгляд, утки, судьбой которых так живо интересуется Холден Колфилд. Образ

---

[119] В ориг.: «I put on this hat that I'd bought in New York that morning. It was this red hunting hat, with one of those very, very long peaks. I saw it in the window of this sports store when we got out of the subway, just after I noticed I'd lost all the goddam foils. It only cost me a buck. The way I wore it, I swung the old peak way around to the back – very corny, I'll admit, but I liked it that way. I looked good in it that way». Salinger, J. D. Op. cit. P. 24.

[120] В ориг.: «I took my red hunting hat out of my pocket and put it on – I didn't give a damn how I looked». Salinger, J. D. P. 115.

[121] В ориг.: «I took my old hunting hat out […] and put it on. I knew I wouldn't meet anybody that knew me». Salinger, J. D. P. 158.

[122] В ориг.: «I'd already taken off my hunting hat, so as not to look suspicious». Salinger, J. D. P. 204.

появляющихся и исчезающих уток представляет красоту «американской мечты» для Холдена. Образ уток представляет образ свободной «мечты», реальной и иллюзорной в одно и то же время. Утки – или, символически, «мечты» – нуждаются в подходящей окружающей среде, чтобы выжить. При этом утки всегда возвращаются в Центральный парк, неважно насколько была холодна зима или насколько беззаботна мать-природа по отношению к ним. Холден не знает, куда они исчезают, точно так же, как не знает, что он будет делать в течение своей собственной «зимы».

Символична в романе и беседа о египетских мумиях. Заметим, что Холден не говорит о том, как в древности вытаскивали органы или оборачивали тканями ноги или руки умерших; все его слова – о лицах, и о том, как лица не сгнивают. Холден утверждает в провальном эссе, которое он пишет, что знает лишь немногое о египтянах, но в то же время знает достаточно, чтобы с энтузиазмом объяснять процесс мумификации двум маленьким мальчикам: «Это очень интересно. Они закутывали их лица в такие ткани, которые пропитывались особым секретным составом. И тогда можно было их хоронить на тысячу лет, и все равно лица у них не сгнивали. Никто не знал, как делать это, кроме египтян. Даже современная наука»[123].

Можно провести параллель между мумиями египтян и деформированным, даже разлагающимся «телом» «американской мечты», всё ещё оказывающей воздействие на воображение людей. Существует ещё надежда на воскрешение потенциальных возможностей «американской мечты» из праха, хотя для многих эта мечта абстрактна. Впечатлённый сохранёнными лицами древних египтян, Холден волнуется по поводу деформации и гниения собственного лица. В этом видится определённая метафора: «гибридное» поколение, им представленное,

[123] В ориг.: «It’s very interesting. They wrapped their faces up in these cloths that were treated with some secret chemical. That way they could be buried in their tombs for thousands of years and their faces wouldn’t rot or anything. Nobody knows how to do it except the Egyptians. Even modern science». Salinger, J. D. Op. cit. Pp. 263–264.

имеет «деформируемое лицо», не похожее на лица старшего (Антолини и др.) или более молодого поколений (Фиби и др.). И Холден Колфилд испытывает определённый страх по поводу того, что он сам и его «гибридное» поколение в целом так и останется «безликим», неопределённым, что оно будет проигнорировано и похоронено, как его одноклассник Джеймс Касл. Символическая деталь – этот мальчик был одет в свитер Холдена[124].

Наконец, следует обратить внимание на два внутренне связанных друг с другом символических образа: разбившуюся на куски грампластинку, купленную Холденом для сестры, и карусель, на которой кружится Фиби.

Главному герою не нравится манера исполнения детской песенки на пластинке, однако при этом что-то вызывает в нём восхищение: «Эстель Флетчер напела ее приблизительно двадцать лет назад. Она ее пела как-то по-уличному, отчего она не казалась мягкой вообще. Если бы ее пела белая девочка, она заставила бы ее казаться милой как ад, но старая Эстель Флетчер знала, черт возьми, что она делала. Такой чудесной пластинки я в жизни не слышал»[125].

Пластинка, очевидно, предназначена для детей – в ней поется о маленьком ребенке, смущенном потерей передних зубов. Кроме того, песня называется «Маленькая Ширли Бинс», что походит на Ширли Темпл[126].

Пластинка разбивается по время пьяной прогулки Холдена по Нью-Йорку. Холден отдает ее Фиби, когда приезжает к ней для эмоциональной поддержки. Фиби говорит: «Дай мне эти куски. Я их собираю». «Она взяла их прямо из моих рук, и затем поместила их в ящик ночного столика. Она убивает меня»[127].

---

[124] Salinger, J. D. Op. cit. P. 221.

[125] В ориг.: «Estelle Fletcher, made about twenty years ago. She sings it very Dixieland and whorehouse, and it doesn't sound at all mushy. If a white girl was singing it, she'd make it sound cute as hell, but old Estelle Fletcher knew what the hell she was doing, and it was one of the best records I ever heard». Salinger, J. D. P. 149.

[126] Ширли Темпл (англ. Shirley Temple) – американская актриса, обладательница «Молодежной награды Академии» за 1934 год, наиболее известная по своим детским ролям.

[127] В ориг.: «Gimme the pieces», she said. «I'm saving them». She took them right out of my hand and then she put them in the drawer of the night table. She kills me». Salinger, J. D. P. 212.

На самом деле Фиби, сохраняющая части сломанной «мечты» Холдена, является его спасительницей, потому что представляет новое поколение «американской мечты», не вовлеченное в мир обманщиков. Здесь можно в определённой мере говорить о **спиритуализме** «американской мечты», поскольку Фиби испытывает не счастье обладания материальной вещью, а радость другого рода[128]. Именно поэтому, как замечает Дж. Смит, «для Холдена Колфилда спасение маленьких детей кажется самым настоящим, нефальшивым видом вещей, который он мог бы сделать»[129].

В конце истории Холден чувствует облегчение, наблюдая, как Фиби катается на карусели, что ассоциируется с новым значением, которое, возможно, получит «американская мечта» в сознании нового поколения.

Во время катания на карусели Холден видит, что Фиби пытается захватить кольцо. Она рискует собой, чтобы достигнуть того, чего хочет. На этой карусели предполагалось, что если в процессе поездки кольцо будет захвачено, то получаешь бесплатную поездку. Холден говорит: «С детьми так, если они хотят захватить золотое кольцо, Вы должны позволить им сделать это. Упадут, так упадут …»[130]. Он начинает признавать, что взросление необходимо.

---

[128] Т. Н. Денисова в работе «Історія американської літератури XX століття» замечала, что Сэлинджер «умело использует американский миф о невинном Адаме, строящем Город на Горе, служивший основой образования Нового Мира отцами-пилигримами». По ее мнению, произведение американского писателя «репрезентует болезненную современность такого мифа. Ночной Нью-Йорк возникает вместо овеянного мечтой города и в нем – впечатлительный чистый подросток, которому просто нет места в этом мире “phony” – вранья». Денисова, Т. Н. Історія американської літератури XX століття. К., 2002. С. 138–143.

На «внимание Сэлинджера к **оппозиции** “материальный – духовный”, “внешний – внутренний”» указывает и О. М. Любимская в статье «Слово и вещь в системе поэтики молчания Сэлинджера». Любимская, О. М. Слово и вещь в системе поэтики молчания Дж. Д. Сэлинджера // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-i-vesch-v-sisteme-poetiki-molchaniya-dzh-d-selindzhera (дата обращения: 29.06.2019).

[129] В ориг.: «To Holden Caulfield, this rescuing of little kids seems the most genuine, nonphony kind of thing he could do». Smith, J. Write and Revise for Publication: A 6-Month Plan for Crafting an Exceptional. Novels and other works of fiction. Canada, 2013. P. 265.

[130] В ориг.: «The thing with kids is, if they want to grab for the gold ring, you have to to let them do it. If they fall off, they fall off…» Salinger, J. D. Op. cit. P. 273.

Холден понимает, что должен позволить Фиби испытать свои собственные неудачи. Проще говоря, карусель кружится и кружится. Она никогда не исчезнет. Символично, что карусель работает, несмотря на зимнее время. В некоторой степени карусель напоминает статуи в музее естественной истории, потому что они тоже никогда не изменяются. Карусель продолжает двигаться по кругу и всегда крутиться в том же самом темпе; она остается той же самой, в то время как дети, которые катаются на ней, продолжают становиться старше. Холден испытывает счастье, наблюдая за новым поколением, которое он пытался защитить.

Таким образом, «американская мечта» главного героя в романе Дж. Сэлинджера со всей отчётливостью проявила себя в бинарных смысловых оппозициях «потенциализма» – «оппортунизма», «фьючеризма» – «пастизма», «материализма» – «спиритуализма».

§ 2. Иллюзорный фридомизм в романе Ральфа Эллисона «Невидимка»

В романе «Невидимка» (1952) рассказывается история молодого темнокожего человека, живущего в Гарлеме. Он молод, энергичен и искренне верит в то, что сможет достичь всего, что пожелает.

Роман построен как повествование от первого лица, что позволяет автору глубже проникнуть в переживания персонажа, с большей достоверностью показать происходящее в его душе.

Сюжет основывается на изображении надежд и разочарований главного героя. Размышляя о себе и своём месте в американском обществе, рассказчик обнаруживает, что он – в первую очередь «чёрный», вынужденный жить по законам расистского общества. В поисках своего места в жизни он проходит

несколько важных этапов, каждый из которых определённым образом обогащает его миропонимание.

Первое «столкновение» с жестокой реальностью жизни происходит уже в самом начале романа. Рассказчик, выпускник высшей школы, должен произнести прощальную речь перед остальными учащимися. Однако герой испытывает сомнение в правильности своих действий. Не станет ли его сближение с «белыми» предательством по отношению к «чёрным»? Как чёрные собратья истолкуют те или иные его действия? Не окажется ли похвала со стороны «белых» поводом для проклятий в среде «чёрных»?

«Меня похвалили самые белые люди города. Меня считали примером желательного поведения – как и моего деда. И меня озадачило то, что старик считал это предательством. Когда меня восхваляли за мое поведение, я чувствовал вину, что каким-то образом я делал то, что действительно противоречило желаниям белых людей, что если бы они поняли, если они хотели бы, чтобы я действовал как раз наоборот, был бы глупым и злым, и что это действительно было то, что они хотели, хотя они были обмануты и думали, что они хотят, чтобы я действовал так, как я. Меня испугало, что когда-нибудь они будут смотреть на меня как на предателя, и я буду потерян. Тем не менее, я больше боялся действовать иначе, потому что им это совсем не нравилось. Слова старика были похожи на проклятие. В день моего окончания я произнес речь, в которой я показал, что смирение является секретом, собственно, самой сущностью прогресса. (Не то, что бы я этому поверил – как я мог, вспомнив моего деда? Я только полагал, что это сработало.)»[131].

---

[131] В ориг.: «I was praised by the most lily-white men of the town. I was considered an example of desirable conduct – just as my grandfather had been. And what puzzled me was that the old man had defined it as treachery. When I was praised for my conduct I felt a guilt that in some way I was doing something that was really against the wishes of the white folks, that if they had understood they would have desired me to act just the opposite, that I should have been sulky and mean, and that that really would have been what they wanted, even though they were fooled and thought they wanted me to act as I did. It made me afraid that some day they would look upon me as a traitor and I would be lost. Still I was more afraid to act any other way because they didn't like that at all. The old man's words were like a curse. On my graduation day I delivered an oration in which I showed that humility was the secret, indeed, the very essence of

При этом рассказчик питает искреннюю надежду, что он всё-таки будет выступать с трибуны вместе с белыми выпускниками и его публичная речь станет символом его вхождения в прежде недоступный его соплеменникам мир. Его надежды оправдываются:

«Это был большой успех. Все хвалили меня, и белые граждане города пригласили меня выступить на собрании. Это было триумфом для всей нашей общины»[132].

В своей речи рассказчик собирается обратиться к опыту деятельности Букера Т. Вашингтона[133]. Он искренне верит, что тоже способен жить по правилам, установленным белыми: «В те невидимые дни я визуализировал себя в качестве потенциального Букера Т. Вашингтона»[134]. Однако реальность несколько корректирует его мечты. Рассказчика втягивают в жестокую драку прямо перед самым выступлением на публике. Другие чернокожие ученики, посчитавшие его предателем интересов «чёрных», заставляют его вступить в так называемую «королевскую битву». Смысл её в том, что нескольким юношам завязывают глаза, после чего они должны драться друг с другом. Подобная драка должна символически подготовить её участников к существованию в «белой» действительности.

Этот эпизод значим в том отношении, что первым, кто разрушает «американскую мечту» чернокожего человека, становится прежде всего другой

---

progress. (Not that I believed this – how could I, remembering my grandfather? – I only believed that it worked.) It was a great success. Everyone praised me and I was invited to give the speech at a gathering of the town's leading white citizens. It was a triumph for our whole community». Ellison, R. Invisible Man. URL: http://rushhonorsenglish.wikispaces.com/file/view/Invisible%2BMan%2BFull%2BText.pdf (дата обращения: 01.02.2017). P. 14.

[132] В ориг.: «It was a great success. Everyone praised me and I was invited to give the speech at a gathering of the town's leading white citizens. It was a triumph for our whole community». Ellison, R. Ibid.

[133] Букер Талиафер Вашингтон (5 апреля 1856 – 14 ноября 1915) – американский просветитель, автор, оратор и советник президентов США, в 1890–1915 гг. был лидером афроамериканской общины, является одним из основателей Historically Black Colleges and Universities, HBCUs. Это особая категория вузов на территории США, созданных для обучения афроамериканского населения до принятия закона о гражданских правах 1964 года.

[134] В ориг.: «In those pre-invisible days I visualized myself as a potential». Booker T. Washington. But the other fellows didn't care too much for me either»». Ellison, R. Pp. 14–15.

чернокожий человек. Рассказчик вспоминает: «Все десятеро из нас пролезли под канатами и позволили завязать себе глаза широкими полосами белой материи»[135].

Следует обратить внимание на символическое «цветовое» оформление происходящего: глаза завязываются *белой* тканью *чёрным* участникам «королевской битвы». Вокруг боксёрского ринга собралось много *чёрной* молодёжи, а также почётных *белых* гостей. Перед началом битвы боевой пыл участников распаляет *белая* женщина, танцующая перед *чёрными* полностью обнажённой, и *белые* заставляют *чёрных* смотреть на неё. Во всём этом видится скрытая параллель к общему состоянию дел в стране: именно *белым* позволено управлять всем, позволено выбирать и решать.

Оказавшись с завязанными глазами, рассказчик «почувствовал внезапный приступ слепого ужаса», но затем «привык к темноте» [136]. Белая ткань символизирует здесь власть. Свобода является основной частью достижения «американской мечты», но в данном случае она находится под контролем *белых* людей.

Уже в эти минуты рассказчик приближается к пониманию **абстрактного характера «**американской мечты». Афроамериканцы, ранее умом поверившие в свободу и равенство для всех, на практике ощущают себя обманутыми. Это передаётся в тексте на уровне физических ощущений: «…с завязанными глазами я больше не мог контролировать свои движения. У меня не было достоинства... Дым становился плотнее, и с каждым новым ударом он, казалось, обжигал и сковывал меня»[137]. Бой вслепую без веских на то причин предстаёт унизительным актом, низводящих *чёрных* до уровня зверей, вначале

---

[135] В ориг.: «There was nothing to do but what we were told. All ten of us climbed under the ropes and allowed ourselves to be blindfolded with broad bands of white cloth». Ellison, R. Op. cit. P. 17.

[136] В ориг.: «I felt a sudden fit of blind terror. I was unused to darkness»». Ellison, R. P. 17.

[137] В ориг.: «Blindfolded, I could no longer control my motions. I had no dignity…The smoke had become thicker and with each new blow it seemed to sear and further restrict my»; «I felt a sudden fit of blind terror. I was unused to darkness»». Ellison, R. P. 18.

вынужденных лицезреть раздетую женщину, а затем драться друг с другом по принуждению.

Метафора «слепоты», используемая применительно к «американской мечте», повторяется и в эпизоде, когда рассказчик проходит мимо статуи основателя колледжа – Букера Т. Вашингтона.

Прежде всего, его мучит тягостное ощущение, что у статуи – «пустые глаза»[138], которые так диссонируют с идеей подражания[139] человеку, в честь которого она воздвигнута.

Помимо этого, рядом в скульптурной композиции рядом с фигурой основателя колледжа есть другая – коленопреклонённая рабыня, у которой на лице – вуаль. Вуаль воспринимается рассказчиком как символическое препятствие, затрудняющее свободу зрения. К тому же ему кажется неясным, поднимает ли белый «основатель» вуаль или, напротив, закрывает с её помощью мир перед глазами рабыни: перед проходящими мимо «равнодушный символ основателя, его руки протянуты в захватывающем дух жесте – поднимая вуаль, которая трепещет твёрдой, металлической складкой над лицом стоящей на коленях рабыни; и я стою озадаченный, неспособный решить, действительно ли вуаль поднимается, или опускается ещё больше»[140].

Об основателе мы можем многое узнать из уст Гомера А. Барби. Преподобный Гомер А. Барби рассказывает на службе в часовне колледжа о

---

[138] В ориг.: «I gaze, there is a rustle of wings and I see a flock of starlings flighting before me and, when I look again, the bronze face, whose **empty eyes** look upon aworld I have never seen, runs with liquid chalk – creating another ambiguity to puzzle my groping mind». Ellison, R. Op. cit. P. 29.

[139] В ориг.: «I'm sure you've heard it time and time again; of this godly man's labors, his great humility and his undimming vision, the fruits of which you enjoy today; concrete, made flesh; his dream, conceived in the starkness and darkness of slavery, fulfilled now even in the air you breathe, in the sweet harmonies of your blended voices, in the knowledge which each of you – daughters and granddaughters, sons and grandsons, of slaves – all of you partaking of it in bright and well-equipped classrooms. You must see this slave, this black Aristotle, moving slowly, with sweet patience, with a patience not of mere man, but of God-inspired faith». В ориг.: «I felt a sudden fit of blind terror. I was unused to darkness»». Ellison, R. P. 94.

[140] В ориг.: «The cold Father symbol, his hands outstretched in the breathtaking gesture of lifting a veil that flutters in hard, metallic folds above the face of a kneeling slave; and I am standing puzzled, unable to decide whether the veil is really being lifted, or lowered more firmly in place». Ellison, R. P. 29.

жизни и смерти основателя учебного заведения. Он – слепой темнокожий человек, чей облик похож на образ древнегреческого поэта Гомера. Драматическая речь Барби об основателе также стилистически похожа на повествование в «Одиссее» и «Илиаде». Он рассказывал свои истории об основателе таким торжественным языком, что можно было подумать, будто это – сакральный текст: «Человеческая надежда может рисовать розовые мечты, может превращать парящего грифа в благородного орла или стонущего голубя. О да! Я знал, – закричал он, поразив меня. – Несмотря на эту великую, мучительную надежду во мне, я знал – знал, что великий дух снижается, приближается к своей одинокой зиме; великое солнце садится»[141].

Однако не зря автор упоминал «вуаль» на статуе. Эта важная подробность может быть применима и к характеристике мировидения самого Гомера А. Барби. Он сам взирает на фигуру основателя колледжа *через вуаль*, бессознательно и некритично принимая сторонний образ «американской мечты». Гомер А. Барби говорит: «Я уверен, что вы слышали о его трудном детстве, о его драгоценной жизни, почти отнятой сумасшедшей кузиной, которая плеснула на младенца щелоком … он лежал девять дней в коме, а затем внезапно чудесным образом вернулся. Вы могли бы сказать, что это было так, как если бы он воскрес из мертвых или возродился»[142]. Подобная параллель с библейской историей, аллюзия на воскресение Иисуса Христа призвана продемонстрировать реальность «американской мечты» для афроамериканцев.

Однако, по мысли автора, современные афроамериканцы по-прежнему остаются рабами, даже если они собираются стать великими как Аристотель. Р. Эллисон с иронией показывает, что любой из них будет «черным»

---

[141] В ориг.: «Man's hope can paint a purple picture, can transform a soaring vulture into a noble eagle or a moaning dove. Oh, yes! But I knew, he shouted, startling me. In spite of that great, anguished hope within me, I knew - knew that the great spirit was declining, was approaching its lonely winter; the great sun going down». Ellison, R. Op. cit. P. 99.

[142] В ориг.: «I'm sure you have heard of his precarious infancy, his precious life almost destroyed by an insane cousin who splashed the babe with lye … he lay nine days in a deathlike coma and then suddenly and miraculously recovered. You might say that it was as though he had risen from the dead or been reborn». Ellison, R. P. 93.

Аристотелем, дискриминируемым «белыми» людьми. Скульптурная композиция основателя колледжа и рабыни символизирует **фридомизм** «американской мечты», мало применимый к *чёрным*.

Оппозиция *фридомизма* и *трэллизма* в понимании «американской мечты» здесь особенно ясна. События романа показывают, что в истории Америки всегда существовали два вида «свободы» – для «белых» и для «черных». Свобода *белых* всегда превосходила свободу *чёрных*, и даже в XX чернокожий человек имел лишь столько свободы, сколько ему позволялось иметь. *Фридомизм* «американской мечты» – это вера в абсолютную свободу человека, но в реальности приходится скорее вести речь о *трэллизме*, о различном смысле слов «свобода» и «мечта» для *белых* и для *чёрных*. При этом парадоксально, но в абсолютную свободу могут верить скорее *чёрные*, нежели *белые*. Именно о чернокожем населении писал в своей книге К. Картрайт: это они – «самые верные мечтатели Нового Света, привносящие в мечту нечто основополагающее и интенсивное...»[143]

Трэллизм в понимании «американской мечты» проявляется в романе, например, в том отношении, что чернокожий никогда не сможет рассчитывать на обладание абсолютной свободой (что подразумевает «американская мечта»), в какие бы круги общества он ни входил. Для передачи этой мысли Р. Эллисон использует особую метафору, лишая своего героя-рассказчика привычного имени и называя его Невидимкой. Персонаж замечает: «Та невидимость, на которую я ссылаюсь, возникает из-за своеобразия места, занимаемого мною в глазах тех, с кем общаюсь» [144]. В *белом* обществе чернокожих попросту не замечают. Типичен, например, такой эпизод: «Однажды вечером я случайно

---

[143] В ориг.: «The truest dreamers of the New World dream-bringing to the dream something foundational and intensely ... Invisible Man gives voice to the nightmare-shadow of the African». Cartwright, K. Reading Africa into American Literature: Epics, Fables, and Gothic Tales. USA, 2002. 271 p.

[144] В ориг.: «That invisibility to which I refer occurs because of a peculiar disposition of the eyes of those with whom I come in contact». Ellison, R. Op. cit. P. 3.

наткнулся на мужчину, – говорит рассказчик, – возможно, из-за сумерек. Он разглядел меня и обозвал»[145].

В конце концов, рассказчик понимает, что именно расовые предрассудки других людей являются причиной подобной избирательности времени. Отсюда проистекают и многие общественные запреты для чёрных. Его собственное «имя» – Невидимка – метафорично по своей сути. Рассказчик «невидим» по единственной причине: мир полон «слепых» людей, не видящих его реального[146]. Отсюда возникает проблема поиска собственной идентичности, главный герой не может определить, в какой мере он действительно живёт.

Г. Зинн в своей книге «Народная история США: с 1492 года до наших дней» писал: «Нет в мировой истории другой страны, где расизм играл бы такую заметную роль и в течение столь долгого времени, как в Соединённых Штатах. И проблема «межрасовых барьеров», как охарактеризовал её У. Дюбуа, всё ещё актуальна»[147].

Тема двойной реальности американской жизни обстоятельно развивается автором в сценах, связанных с нью-йоркской фабрикой «Краски свободы».

Название этой фабрики выступает в качестве всеобъемлющей, сложной метафоры, применимой к расовым отношениям в американском обществе.

На этой фабрике производят «оптически белую» краску: «…я задавался вопросом, использовалась ли в кампусе та же краска Свободы, или эта «оптически белая» краска была сделана исключительно для правительства»[148]. «Оптически белый» цвет возникает в процессе, предполагающем сочетание темноокрашенных химических веществ, одним из которых является

---

[145] В ориг.: «One night I accidentally bumped into a man, and perhaps because of the near darkness he saw me and called me an insulting name». Ellison, R. Op. cit. P. 4.

[146] На это же обратила внимание в своей статье и О. Ю. Анцыферова: «Ральф Эллисон убедительно показал <…> черный цвет кожи в расистской Америке равносилен невидимости: отсутствию в истории, социальной прозрачности, политическому бесправию и человеческой опустошенности». Анцыферова, О. Ю. Quo vadunt Studia americana: поиск нового или повторение пройденного? // Литература двух Америк. 2016. № 1. С. 291.

[147] Зинн, Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней. М., 2006. С. 37.

[148] В ориг.: «I wondered if the same Liberty paint was used on the campus, or if this “Optic White” was something made exclusively for the government». Ellison, R. Op. cit. P. 155.

«смертельно черный». В ходе бурной химической реакции тёмные цвета исчезают и появляется сверкающий белый цвет, глядя на который, невозможно себе представить, из каких компонентов он составлен. Все эти технологические подробности есть не что иное, как уже знакомая метафора неравноправия. «Чёрные» рабочие выполняют всю физическую работу, а «белые» занимаются сбытом продукции, получая более высокую зарплату и даже не допуская мысли о своей зависимости от темнокожих коллег.

Символичны в романе и сцены, в которых описывается производство самой краски. Рассказчик получает задание – добавлять десять капель чёрного тонера в каждое ведро: «Медленно я отмерял блестящие черные капли, наблюдая за тем, как они оседают на поверхности и становятся ещё чернее, внезапно распространяясь к краям»[149]. Сцена содержит явную проекцию на историю самой Америки: её считают страной *белых*, не осознавая вклада *чёрных* в её становление и развитие. Фабричные рекламные слоганы утверждают, что их «оптический белый» цвет может перекрыть любой оттенок или пятно на любом предмете. Это легко соотнести с существующим положением вещей: чернокожее население может существовать в мире белых, однако лишь в строго ограниченных рамках. Невидимка получает от своего наставника точные указания: «Теперь отмерь десять капель в краску... Нет, не слишком быстро. Сейчас. Требуется не более десяти и не менее»[150]. *Чёрная* идентичность должна быть заретушированa *белой* культурой. Таким образом, *чёрные* работают фактически ради исполнения «американской мечты» *белых*.

Заметим здесь, что именно подобная метафоричность повествования позволяет обращаться к роману Р. Эллисона как к примеру взаимодействия различных социальных групп в обществе. А. Хоннет – глава третьего поколения

---

[149] В ориг.: «Slowly, I measured the glistening black drops, seeing them settle upon the surface and become blacker still, spreading suddenly out to the edges». Ellison, R. Op. cit. P. 154.

[150] В ориг.: «Now measure ten drops into the paint…There, that's it, not too goddam fast. Now. You want no more than ten and no less». Ellison, R. Ibid.

философов Франкфуртской школы, в работе «Видимость и невидимость: к эпистемологии признания» рассуждал о том, «невидимость» определяется как раз нежеланием других социальных групп устанавливать какие-либо структурные отношения с субъектом, нежеланием видеть в нём даже «чужого»[151].

Подобная специфика взаимоотношений между *белыми* и *чёрными* последовательно дополняется – эпизод за эпизодом. Так, после лаконичного собеседования с менеджером по персоналу главного героя направляют работать под начало мистера Кимбро, получившего от своих сотрудников прозвище «полковник» и «эксплуататор». К Кимбро рассказчика провожает офисный мальчик. От него Невидимка узнаёт, что фабрика выполняет правительственные заказы. Попутно всплывает и ещё одна значимая деталь: Невидимку специально наняли на достойное место в числе других шести «цветных мальчиков из колледжа», чтобы предотвратить забастовку профсоюза. Рассказчик невольно задумывается о лицемерии правительства, прикрывающего благопристойными лозунгами дискриминацию одних людей другими.

Тему двойной реальности (для «черных» и «белых») развивают сцены романа, связанные с изображением фабричной больницы, куда Невидимка попадает после взрыва бойлера с «оптически белой» краской[152].

Р. Эллисон обращает внимание на то, что, в отличие от «белых» пациентов, которые ожидали встретить добрых, отзывчивых врачей и медсестёр, готовых позаботиться о них и облегчить их боль, «черные» готовились быть растерзанными медперсоналом. Это ощущение страха было естественно, потому что на тот момент «черные» в американском обществе не могли получать медицинскую помощь в «белых» больницах.

---

[151] Хоннет, А. Невидимость. О моральной эпистемологии признания // Кантовский сборник. 2009. № 1. С. 79–91.

[152] Ellison, R. Op. cit. P. 178.

Переживания рассказчика в фабричной больнице ассоциируются с опытом афроамериканцев, подвергнутых печально известному исследованию Таскиги[153] (Tuskegee Study), в котором группа бедных «черных» людей была использована в качестве подопытных кроликов правительством США, чтобы детерминировать эффекты нелечения сифилиса на организме человека[154].

Исследование Таскиги – печально известный эксперимент, длившийся с 1932-го по 1972-й год в городе Таскиги штата Алабама. Исследование проводилось под эгидой Службы общественного здравоохранения США и имело цель исследовать все стадии заболевания сифилисом на 600 испольщиках из числа бедного афроамериканского населения (причем 201 из них не были заражены сифилисом до начала эксперимента над ними). К 1947 году пенициллин уже стал стандартным методом лечения, но больным не сообщали об этом. Вместо этого ученые продолжали исследования, скрывая информацию о пенициллине от пациентов. Кроме того, ученые следили, чтобы участники исследования не получили доступ к лечению сифилиса в других больницах. Исследование продолжалось до 1972 года, когда лишь утечка информации в прессу привела к его прекращению. В результате очень многие люди умерли от сифилиса, заразив при этом своих жен и детей. Многие дети также уже рождались с сифилисом. Этот эксперимент называют длиннейшим в истории медицины исследованием на людях, проводившимся не для терапевтических целей и «наиболее ярким символическим источником подозрительности черных [к белым] в двадцатом веке»[155].

Именно в больнице мечта об абсолютной «свободе» уходит из сознания рассказчика.

---

[153] Панова, О. Роман «Невидимка» Ральфа Эллисона // Иностранная литература. 2013. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/inostran/2013/1/p13.html (дата обращения: 23.05.2017).

[154] Raboteau, A. J, Mosely, L. M., Shawn Copeland, M. The Black Catholic Experience : Uncommon Faithfulness. The Black Catholic Experience: Uncommon Faithfulness. New York, 2009. P. 164.

[155] Dula, A. African American suspicion of the healthcare system is justified: what do we do about it? // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. Vol. 3. UK, 1994. Pp. 347–357.

Хотя он изначально принимал свою «невидимость» как должное, в конце концов он приходит к выводу, что подобное пассивное поведение следует изменить. Это побуждает его выйти из внутреннего «подполья», попытаться распространить свою убеждённость в необходимости перемен на других людей. Он говорит: «Спячка закончилась. Я должен стряхнуть с себя старую кожу и подняться, чтобы дышать. Смрад в воздухе, который, с такого расстояния под землей, может быть запахом либо смерти, либо весны – я надеюсь, что весны»[156].

Невидимка начинает понимать, что человеческая личность много шире того упрощённого образца, которым руководствуются различные общественные и государственные организации, будь то правительство или «братство» чёрных, в котором он состоит. И хотя вначале он соглашался с вариантом ограниченной свободы для чернокожих, теперь начинает протестовать против её трэллистского понимания.

§ 3. Иммортализм и спиритуализм «американской мечты» в романе Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей»

Чтобы уловить несомненную внутреннюю связь романа К. Воннегута с феноменом «американской мечты», нам следует вновь обратиться к известной книге Дж. Т. Адамса.

Дж. Т. Адамс сомневался, что всеобщее благоденствие в Америке наступит только благодаря повышению материального уровня жизни. Он замечал: «…Если американская мечта должна стать реальностью, наша духовная и интеллектуальная жизнь должны быть значительно выше, чем в

[156] В ориг.: «Nevertheless, the very disarmament has brought me to a decision. The hibernation is over. I must shake off the old skin and come up for breath. There's a stench in the air, which, from this distance underground, might be the smell either of death or of spring – I hope of spring». Ellison, R. Op. cit. P. 450.

других местах, где классы и группы имеют свои частные интересы, привычки, рынки, искусство и жизнь». Таким образом, по мнению Адамса, непременно следует стремиться к воспитанию в человеке высокого духовного начала[157].

К. Воннегут не раз размышлял над обозначенной проблемой. Так, например, он писал в рецензии на нашумевший фильм о вьетнамской войне «Сердца и умы» П. Дэвиса (1974): «Наша культура, вдохновленная такими идеалами, как возможность приобрести деньги, власть и славу, не останавливается ни перед чем. Подделывается все, даже прошлое. <…> Поедающие ее плоды утрачивают связь не только с реальностью, но и с людьми, окружающими их. Эта культура взращивает психически больных»[158].

Глубокие раздумья о сущности «американской мечты» отразились и в лучшем романе писателя «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» (1969), который соединил в себе элементы сатиры, черного юмора и научной фантастики. В его основу легли автобиографические события – пленение писателя во время Второй мировой войны, бомбардировка и тотальное разрушение союзной авиацией Дрездена. Воспоминания о случившемся Воннегут дополнил фантастической историей Билли Пилигрима – персонажа, познакомившегося с представителями одной инопланетной цивилизации – тральфамадорцами. То, что перед нами *фантастическая* история, не должно смущать нас. Как справедливо замечает М. Л. Купченко в статье о философских основах произведений Воннегута, «главной задачей фантастики в реалистическом произведении, главной ее функцией становится обобщение…

---

[157] В ориг.: « if the American dream is to be a reality, our communal spiritual and intellectual life must be distinctly higher than elsewhere, where classes and groups have their separate interests, habits, markets, arts, and lives. If the dream is not to prove possible of fulfillment, we might as well become stark realists, become once more class-conscious, and struggle as individuals or classes against one another». См.: Truslow Adams, J. Op. cit. P. 404.

[158] Цит. по.: Голенпольский, Т. Г., Шестаков, В. П. Указ. соч. С. 148.

возможность выявить сущность жизни целого общества, выявить ее в сгущенной, максимально концентрированной форме»[159].

Сразу же следует обратить внимание на особенное значение имени персонажа. «Пилигрим» (*англ. pilgrim* – паломник) не равен обыкновенному путешественнику во времени и пространстве. Его перемещения из Америки в Дрезден и обратно, с Земли на Тральфамадор и обратно, из внешнего мира в мир мечты и обратно, из настоящего в прошлое или будущее и обратно – это именно *паломничество* персонажа, выражающее движение авторской мысли, связанное с «американской мечтой».

Американский писатель Д. Парини высказал мнение, что «“Бойня номер пять” сама по себе структурирована таким образом, что не соответствует линейности наших ожиданий, и очень похожа на тексты с Тральфамадора»[160]. Действительно, роман К. Воннегута по своей композиции может быть имитацией романов тральфамадорцев, которые следует читать «все сразу»[161], у которых «нет ни начала, ни середины, ни конца»[162], потому что все времена можно увидеть одновременно, все события уже произошли. События в романе представлены не как прямое, линейное повествование, а напротив, как беспорядочные истории, рассказанные частично и дополненные в дальнейшем. Это позволяет читателю сосредоточиться не на сюжете, как таковом, а на своих ассоциациях, рождающихся в тот или иной момент чтения.

К. Воннегут расставляет в своем тексте важные опорные точки, позволяющие связать воедино все смысловые нити повествования. Важнейшей из таких точек является варварская бомбардировка и разрушение Дрездена. Как

---

[159] Купченко, М. Л. Роман Курта Воннегута «Колыбель для кошки» как философский роман. Часть 1 // Вестник СПбГУК. 2015. № 2 (23). С. 44.

[160] В ориг.: «In fact, Slaughterhouse-Five itself seems structured in a way alien to the linearity of our expectations, very much like the texts from Tralfamador». Parini, J. The Oxford Encyclopedia of American Literature. Vol. 1. UK, 2003. P. 272.

[161] В ориг.: «all at once». См.: Vonnegut, K. Slaughterhouse-Five or The Children’s Crusade. UK, 1972. P. 40.

[162] В ориг: «no beginning, no middle, no end». См.: Vonnegut, K. Ibid.

замечает рассказчик: «Все эти годы знакомые меня часто спрашивали, над чем я работаю, и я обычно отвечал, что главная моя работа – книга о Дрездене»[163].

Упоминание в том или ином контексте бомбардировки Дрездена становится проверочным средством для оценки происходящего. Так, например, Гаррисон Старр, кинорежиссер, ничего не хочет слышать обо всех этих событиях.

«Он поднял брови и спросил:

– Книга антивоенная?

– Да, – сказал я, – похоже на то.

– А знаете, что я говорю людям, когда слышу, что они пишут антивоенные книжки?

– Не знаю. Что же вы им говорите, Гаррисон Стар?

– Я им говорю: а почему бы вам вместо этого не написать антиледниковую книжку?»[164]

Не менее дистанцирован от трагических событий прошлого и однополчанин рассказчика, в настоящем окружной прокурор в Пенсильвании Бернард В. О'Хэйр. Несмотря на личное участие в военных действиях, он также не хочет вспоминать о Дрездене:

«– Слушай, – сказал я. – Я пишу книжку про Дрезден. Ты бы помог мне кое-что вспомнить. Нельзя ли мне приехать к тебе, повидаться, мы бы выпили, поговорили, вспомнили прошлое.

Энтузиазма он не проявил. Сказал, что помнит очень мало…

---

[163] В ориг.: «Over the years, people I've met have often asked me what I'm working on, and I've usually replied that the main thing was a book about Dresden». Vonnegut, K. Op. cit. P. 3.

[164] В ориг.: « <…> he raised his eyebrows and inquired, 'Is it an anti-war book?'
'Yes,' I said. 'I guess.'
'You know what I say to people when I hear they're writing anti-war books?'
'No. What do you say, Harrison Starr?'
'I say, "Why don't you write an anti-glacier book instead?"».
Vonnegut, K. Ibid.

– Ничего я в этом не понимаю, – сказал он, – это твоя специальность, а не моя» [165].

Даже представитель интеллектуальной элиты Америки, профессор Чикагского университета, которому рассказчик живописует свои личные впечатления от пережитого авианалета, совершенно не способен что-либо воспринять, не способен на эмоциональный отклик. Мышление профессора стандартно. Вместо разговора на неудобную тему – о военных преступлениях самих американцев – он мгновенно, подобно хорошо заведённому механизму, переключается на осуждение фашизма:

«Он был членом так называемого Комитета по изучению социальной мысли. И он стал мне рассказывать про концлагеря и про то, как фашисты делали мыло и свечи из жира убитых евреев и всякое другое» [166].

Устами рассказчика К. Воннегут резюмирует:

«Тогдашним американцам эта бомбежка вовсе не казалась чем-то выдающимся. В Америке не многие знали, насколько это было страшнее, чем, например, Хиросима. Я и сам не знал. О дрезденской бомбежке мало что просочилось в печать» [167].

И далее:

«Я написал в управление военно-воздушных сил, чтобы выяснить подробности налета на Дрезден: кто приказал бомбить город, сколько было послано самолетов, зачем нужен был налет и что этим выиграли. Мне ответил человек, который, как и я, занимался внешними связями. Он писал, что очень сожалеет, но все сведения до сих пор совершенно секретны.

---

[165] В ориг.: « 'Listen,' I said, 'I'm writing this book about Dresden. I'd like some help remembering stuff. I wonder if I could come down and see you, and we could drink and talk and remember.' He was unenthusiastic. He said he couldn't remember much. <…> I don't know anything about it,' he said. 'That's your trade, not mine.'». Vonnegut, K. Op. cit. P. 4.

[166] В ориг.: « He was a member of a thing called The Committee on Social Thought. And he told me about the concentration camps, and about how the Germans had made soap and candles out of the fat of dead Jews and so on». Vonnegut, K. P. 6.

[167] В ориг.: «It wasn't a famous air raid back then in America. Not many Americans knew how much worse it had been than Hiroshima, for instance. I didn't know that, either. There hadn't been much publicity». Vonnegut, K. Ibid.

Я прочел письмо вслух своей жене и сказал:

– Господи ты боже мой, совершенно секретны – *да от кого же?*» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[168]

Мысль Воннегута таким образом поднимается до широкого обобщения, соединяя отдельные фрагменты в общую печальную картину происходящего: Америка отнюдь не является лучшей страной на земле, которую можно было бы воспринимать в качестве образца для подражания. Откровенно ироничен, например, такой фрагмент, где показывается типичность духовного кризиса, в который погрузился Билли Пилигрим. В психиатрической лечебнице его соседом является капитан пехоты по имени Элиот Розуотер, также страдающий от ощущения бессмысленности жизни.

«Обоим жизнь казалась бессмысленной, отчасти из-за того, что им пришлось пережить на войне <…> И теперь они оба пытались преобразовать и себя, и свой мир. И *научная фантастика* была им большим подспорьем» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*) [169].

Здесь уместно вспомнить постоянно декларируемый в обществе «психотерапевтический» и «жизнеутверждающий» эффект «американской мечты». Если человек будет старательно трудиться и т.п., то он легко сможет построить свой рай на земле. Однако ни Билли Пилигрим, ни Элиот Розуотер уже не думают так.

«Билли услыхал, как Розуотер говорил психиатру:

---

[168] В ориг.: « I wrote the Air Force back then, asking for details about the raid on Dresden, who ordered it, how many planes did it, why they did it, what desirable results there had been and so on. I was answered by a man who, like myself, was in public relations. He said that he was sorry, but that the information was top secret still. I read the letter out loud to my wife, and I said, 'Secret? My God-from whom?'». Vonnegut, K. Op. cit. Pp. 6–7.

[169] В ориг.: «They had both found life meaningless, partly because of what they had seen in war. <…>So they were trying to re-invent themselves and their universe. Science fiction was a big help». Vonnegut, K. P. 45.

– По-моему, вам, господа, придется насочинять тьму-тьмущую всякой потрясающей новой *брехни*, иначе людям станет совсем неохота жить» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*) [170].

«Американская мечта» в этих сценах фактически приравнивается либо к «научной фантастике», либо, что ещё хуже, к «брехне».

Автор выстраивает сюжет так, что Билли Пилигрим показательно проходит путь человека, чья «американская мечта» успешно реализовалась.

Прежде всего, Билли благодаря упорному труду достигает профессионального успеха: «он окончил Илиумские оптометрические курсы – третьим из сорока семи учащихся своего выпуска»[171]. Его знания и умения оказываются абсолютно востребованными: «Илиум – особенно выгодное место для оптиков, потому что там расположена Всеобщая сталелитейная компания. Каждый служащий компании обязан иметь пару защитных очков и надевать их на производстве. В Илиуме на компанию служило шестьдесят восемь тысяч человек. Значит, нужно было изготовить массу линз и массу оправ» [172].

Билли очень быстро становится богатым человеком – благодаря женитьбе по расчету: «Теперь он был богат, потому что женился на девице, на которой никто в здравом уме жениться бы не стал. Тесть[173] подарил ему новый “бьюик”, сплошь электрифицированную квартиру и назначил заведующим самого процветающего кабинета в Илиуме, где Билли мог надеяться заработать по меньшей мере тридцать тысяч долларов в год. Это было хорошо»[174].

---

[170] В ориг.: «Billy heard Rosewater say to a psychiatrist, 'I think you guys are going to have to come up with a lot of wonderful new lies, or people just aren't going to want to go on living' ». Vonnegut, K. Op. cit. P. 46.

[171] В ориг.: « He had graduated from the Ilium School of Optometry-third in his class of forty-seven». Vonnegut, K. P. 56.

[172] В ориг.: «He married his fiancée, finished his education, and was set up in business in Ilium by his father-in-law. Ilium is a particularly good city for optometrists because the General Forge and Foundry Company is there. Every employee is required to own a pair of safety glasses, and to wear them in areas where manufacturing is going on. GF&F has sixty-eight thousand employees in Ilium. That calls for a lot of lenses and a lot of frames. Frames are where the money is. Bill became rich». Vonnegut, K. P. 12.

[173] Основатель и владелец оптометрических курсов, на которых учился Билли после Второй мировой войны.

[174] В ориг.: «He was rich now. He had been rewarded for marrying a girl nobody in his right mind would have married. His father-in-law had given him a new Buick Roadmaster, an all-electric home, and had made him manager of

«Приемная Билли находилась в здании огромного универмага. Прямо под окном стоял собственный “кадиллак” Билли “Эльдорадо Купэ дэ Виль”»[175].

«В Илиуме у Билли был прелестный старинный дом. Он был богат как Крез, хотя раньше считал, что богатства ему и за миллион лет не добиться»[176].

Однако всё это не приносит счастья и удовлетворения жизнью герою. Не случайно в повествовании постепенно актуализируется смысловая оппозиция «мортализм» – «иммортализм» «американской мечты», высвечивая серьезный социально-критический пафос произведения.

Первые симптомы разрушения американской мечты в сознании Билли появились, когда он попал в госпиталь: «Билли поступил в госпиталь в середине последнего семестра на илиумских курсах оптометрии. Никто и не подозревал, что он свихнулся. Все считали, что он чудесно выглядит и чудесно ведет себя. А он попал в госпиталь. И доктора согласились. Он действительно свихнулся»[177].

«Сумасшествие» Билли Пилигрима заключается в совершенно изменившемся отношении к «священным коровам» «американской мечты» – публичному успеху, материальному богатству[178], кланово-семейному счастью, восприятию Америки как земли обетованной.

Впервые это проявилось после авиакатастрофы над Вермонтом, в которой выжил он один, а особенно заметно – после похищения Билли тральфамадорцами. Билли неожиданно занялся сочинительством открытых писем в газету «Новости Илиума»: «Он считал, что сейчас он *прописывает*

---

his most prosperous office, his Ilium office, where Billy could expect to make at least thirty thousand dollars a year. That was good». Vonnegut, K. Op. cit. P. 53.

[175] В ориг.: «Billy's office was part of a suburban shopping center. Right outside the window was Billy's own Cadillac El Dorado Coupe de Ville». Vonnegut, K. P. 26.

[176] В ориг.: «Billy owned a lovely Georgian home in Ilium. He was rich as Croesus, something he had never expected to be, not in a million years». Vonnegut, K. P. 28.

[177] В ориг.: «Billy had committed himself in the middle of his final year at the Ilium School of Optometry. Nobody else suspected that he was going crazy. Everybody else thought he looked fine and was acting fine. Now he was in the hospital. The doctors agreed: He was going crazy». Vonnegut, K. P. 45.

[178] См.: «Американцы, как и люди повсюду, верят во многие вещи, которые, очевидно, не соответствуют действительности. Их самая деструктивная неправда заключается в том, что любому американцу очень легко зарабатывать деньги». В ориг.: «Americans, like human beings everywhere, believe many things that are obviously untrue. Their most destructive untruth is that it is very easy for any American to make money». Vonnegut, K. P. 58.

душам землян корректирующие очки – ни более, ни менее. Билли считал, что на Земле столько несчастных заблудших душ, потому что земляне не могут видеть все так же ясно, как его маленькие друзья тральфамадорцы» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[179].

Помимо этого, «Билли с некоторых пор *совершенно наплевательски относился к деньгам*» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[180].

В общем и целом, «Билли старался сохранить свое достоинство, доказать Барбаре и всем остальным, что он вовсе не постарел и, напротив, посвятил себя гораздо *более важному делу, чем прежняя его работа*» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[181].

Меняясь, Билли Пилигрим вдруг понимает, насколько иллюзорным и фальшивым было и его собственное семейное «счастье». Билли ничего не знал про своих детей, потому что был занят самим собой, а дети, не чувствуя душевной привязанности к ним отца, мало что знали о нём. Например, Билли пришлось признать, что он ничего не знает о сыне. «Сын Билли, Роберт, плохо учился, но потом он поступил в знаменитую воинскую часть «зеленые береты». Он выправился, стал красивым юношей и сражался во Вьетнаме»[182]. «Билли его любил, но знал его довольно плохо. Билли смутно подозревал, что и знать про Роберта особенно нечего»[183]. Настолько же далека была от него и дочь Барбара, не понявшая внутренней перемены в своем отце. Она «стала ругательски ругать Билли за письмо в газету. Она сказала, что он выставляет на посмешище себя и

---

[179] В ориг.: «he thought, then prescribing corrective lenses for Earthling souls. So many of those souls were lost and wretched, Billy believed, because they could not see as well as Ws little green friends on Tralfamadore». Vonnegut, K. Op. cit. P. 14.

[180] В ориг.: «Billy didn't seem to give a damn for business any more». Vonnegut, K. Ibid.

[181] В ориг.: «And Billy, meanwhile, was trying to hang onto his dignity, to persuade Barbara and everybody else that he was far from senile, that, on the contrary, he was devoting himself to a calling much higher than mere business». Vonnegut, K. Ibid.

[182] В ориг.: «Billy's son Robert had a lot of trouble in high school, but then he joined the famous Green Berets. He straightened out, became a fine Young man, and he fought in Vietnam». Vonnegut, K. P. 12.

[183] В ориг.: «Billy couldn't help suspecting that there wasn't much to know about Robert». Vonnegut, K. P. 78.

всех, кто с ним связан»[184]. Барбара посчитала, что после катастрофы Билли впал в детство. «Барбаре было всего двадцать один год, но она считала своего отца престарелым, хотя ему-то было всего сорок шесть, – престарелым, потому что ему повредило мозги во время самолетной катастрофы»[185]. Она говорит: «Если ты будешь вести себя как ребенок, нам и обращаться с тобой придется как с маленьким»[186]. Она в раздражении от непонятных речей отца была готова отправить его в тот дом престарелых, где уже лежала без движения мать Билли[187].

Рассказчик так описывает душевное состояние своего знакомого: «уже став пожилым оптометристом, Билли иногда плакал втихомолку наедине с собой»[188].

Все это приводит к тому, что Билли Пилигрим сознательно отгораживается от обычной жизни. Придя в сознание после авиакатастрофы, «Билли почти ничего не говорил ни о смерти Валенсии, ни о возвращении Роберта с войны, вообще ни о чем, так что считалось, что он превратился во что-то вроде растения. Шел даже разговор о том, чтобы ему впоследствии сделать операцию и тем самым улучшить кровообращение в мозгу»[189].

---

[184] В ориг.: «Now she raised hell with him about the letter in the paper. She said he was making a laughing stock of himself and everybody associated with him». Vonnegut, K. Op. cit. P. 14.

[185] В ориг.: «Barbara was only twenty-one years old, but she thought her father was senile, even though he was only forty-six-senile because of damage to his brain in the airplane crash. She also thought that she was head of the family, since she had had to manage her mother's funeral, since she had to get a housekeeper for Billy, and all that. Also, Barbara and her husband were having to look after Billy's business interests, which were considerable, since Billy didn't seem to give a damn for business any more». Vonnegut, K. Ibid.

[186] В ориг.: «If you're going to act like a child, maybe we'll just have to treat you like a child». Vonnegut, K. P. 59.

[187] В ориг.: «'It's all just crazy. None of it's true!' 'It's all true. ' Bill's anger was not going to rise with hers. He never got mad at anything. He was wonderful that way. 'There is no such planet as Tralfamadore.' 'It can't be detected from Earth, if that's what you mean,' said Billy. 'Earth can't be detected from Tralfamadore, as far as that goes. They're both very small. They're very far apart.' 'Where did you get a crazy name like "Tralfamadore?"' 'That's what the creatures who live there call it. 'Oh God,' said Barbara, and she turned her back on him. She celebrated frustration by clapping her hands». Vonnegut, K. P. 14.

[188] В ориг.: «Later on, as a middle-aged optometrist, he would weep quietly and privately sometimes, but never make loud boo-hoo-ing noises». Vonnegut, K. P. 87.

[189] В ориг.: «Billy hadn't said much since regaining consciousness, hadn't responded very elaborately to the news of Valencia's death and Robert's coming home from the war and so on-so it was generally believed that he was a vegetable. There was talk of performing an operation on him later, one which might improve the circulation of blood to his brain». Vonnegut, K. P. 84.

Отношение Билли к привычным для американцев вещам теперь категорически не совпадает, например, с позицией профессора Рэмфорда, который «работал над однотомной историей военно-воздушных сил США во второй мировой войне»[190]. Профессор Рэмфорд, как мы понимаем, – один из творцов того самого мифа, в котором Америка предстает идеальным государством. И он недоволен открывающейся правдой о бомбардировке Дрездена. Неважно, что ее на протяжении 23 лет знали немцы или русские. В самой Америке о масштабах налета не говорили – как признает Рэмфорд, «из страха, что во многих чувствительных сердцах может возникнуть сомнение, что эта операция была такой уж блестящей победой»[191].

Билли – свидетель, бывший в Дрездене в момент бомбардировки, – оказывается сильным раздражителем для стандартно мыслящего Рэмфорда. Его свидетельство может оказаться причиной разрушения мифа, может вскрыть **мортализм** «американской мечты». Невозможно гордиться страной, которая варварски убивает десятки тысяч мирных людей. Именно поэтому Рэмфорд убежден, что Билли лучше было бы самому умереть, что его слова – словно «иностранная речь» (то есть иностранная пропаганда – от тех же русских или немцев, упоминавшихся ранее)[192].

Таким образом, ни кинорежиссер Гаррисон Старр, ни окружной прокурор Бернард В. О'Хэйр, ни профессор Рэмфорд, ни тем более «отчаянный американка… Поль Лазарро», вёзший домой «кварты алмазов, изумрудов, рубинов и всякого такого», которые он «снимал с мертвецов в подвалах

---

[190] В ориг.: «He was working on a one-volume history of the United States Army Air Corps in the Second World War». Vonnegut, K. Op. cit. P. 81.

[191] В ориг.: «For fear that a lot of bleeding hearts' said Rumfoord, 'might not think it was such a wonderful thing to do». Vonnegut, K. P. 85.

[192] В ориг.: «It was difficult for Rumfoord to take Billy seriously, since Rumfoord, had so long considered Billy a repulsive non-person who would be much better off dead. Now, with Billy speaking clearly and to the point, Rumfoord's ears wanted to treat the words as a foreign language that was not worth learning». Vonnegut, K. Ibid.

Дрездена»[193], не являются примерами людей высокого духовного начала, о которых писал Дж. Т. Адамс.

Тем не менее, постоянные перемещения Билли Пилигрима (и стоящего за ним рассказчика) во времени, привязанные в смысловом отношении к бомбардировке Дрездена, становятся в романе символическим выражением **иммортализма** «американской мечты».

Воннегут особенным образом выстроил повествование. Ещё Парменид и элейская школа философии выдвинули так называемую статическую концепцию времени, согласно которой прошлое, настоящее и будущее сосуществуют. Соответственно, нельзя утверждать, что какое-либо мгновение проходит безвозвратно. Именно поэтому «американская мечта» будет существовать всегда. Она может оказываться в прошлой жизни или в будущей, однако она всегда существует. Даже если Билли Пилигрим погружается в такие события истории, которые ставят под сомнение возможность исполнения мечты, сама мечта парадоксальным образом не отрицается.

«Ничего вразумительного про бойню написать нельзя. Всем положено умереть, навеки замолчать, и уже никогда ничего не хотеть. После бойни должна наступить полнейшая тишина»[194], – со скепсисом говорится в начале повествования, однако вновь и вновь линия повествования возвращается к вопросам добра и зла, вновь и вновь нарушается правило замалчивания. «Безучастность Билли была просто ширмой, – замечает рассказчик, описывая пребывание своего знакомого в психиатрической клинике. – За этой безучастностью скрывалась кипучая, неустанная деятельность мозга»[195]. Билли Пилигрим «много раз видел и свое рождение, и свою смерть и то и дело попадал

---

[193] В ориг.: «The rabid little American ... Paul Lazzaro <…> a quart of diamonds and emeralds and rubies and so on <…> He had taken these from dead people in the cellars of Dresden». Vonnegut, K. Op. cit. P. 4.

[194] В ориг.: «…there is nothing intelligent to say about a massacre. Everybody is supposed to be dead, to never say anything or want anything ever again. Everything is supposed to be very quiet after a massacre, and it always is». Vonnegut, K. P. 10.

[195] В ориг.: «Billy's outward listlessness was a screen. The listlessness concealed a mind which was fizzing and flashing thrillingly». Vonnegut, K. P. 84.

в разные другие события своей жизни между рождением и смертью»[196]. И главная задача, которую он решал в своих умозрительных путешествиях, была попытка ответить на вопросы: чем было наполнено его существование? Достойно ли он жил?

«Билли отдернул занавески и не понял, что там, на дворе. Окно закрывала штора, и Билли с шумом поднял ее. Ворвался яркий солнечный свет. На улице стояли тысячи автомобилей, сверкающих на черном асфальте. Приемная Билли находилась в здании огромного универмага.

Прямо под окном стоял собственный ‘кадиллак” Билли “Эльдорадо Купэ дэ Виль”. <…> На регистрационном номере стояла дата: 1967 год. Значит Билли было сорок четыре года, и он спросил себя: “*Куда же ушли все эти годы?*”» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[197].

Билли одержим идеей переиграть случившееся, исправить произошедшее. Так, весьма специфическим способом он пересматривает военный фильм о бомбардировщиках Второй мировой войны: «Бомбардировщики открывали бомболюки, и словно каким-то чудом пламя съеживалось, собиралось, собиралось в цилиндрические оболочки бомб, и бомбы втягивались через бомболюки в чрево самолета. Бомбы аккуратно ложились в свои гнезда. Внизу, у немцев, были свои чудо-аппараты в виде длинных стальных труб. Эти трубы высасывали осколки из самолетов и летчиков. <…> Когда бомбы возвращались на базу, стальные цилиндры из гнезд вынимались и отправлялись обратно, в Америку, где заводы работали днем и ночью, разбирая эти цилиндры, превращая их опасную начинку в безобидные минералы. <…> Американские летчики выскальзывали из своего обмундирования, снова становились

---

[196] В ориг.: «He has seen his birth and death many times, he says, and pays random visits to all the events in between». Vonnegut, K. Op. cit. P. 12.

[197] В ориг.: «Right outside the window was Billy's own Cadillac El Dorado Coupe de Ville <…> The date on the license plate was 1967, which would make Billy Pilgrim forty-four years old. He asked himself this: 'Where have all the years gone?' Vonnegut, K. P. 26.

школьниками. “А Гитлер, наверно, стал младенцем”, – подумал Билли. Но этого в фильме не было. Билли *экстраполировал события назад*» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[198].

Несмотря ни на что, Билли верит, что его соотечественники небезнадежны, что их жизнь можно повернуть к лучшему. Тральфамадорцы научили его пониманию иллюзорности того, что кажется мёртвым. «Когда тральфамадорец видит мертвое тело, он думает, что этот человек в данный момент просто в плохом виде, но он же вполне благополучен во многие другие моменты», – говорит Билли. Именно поэтому он не подвергает критике сам строй американского существования, а решает частные задачи, настойчиво пытаясь пересмотреть случившееся, вернуться к прошлому из опыта будущего.

Вернёмся здесь к смысловому наполнению имени персонажа – Билли *Пилигрим*, чтобы уловить ещё один элемент понимания «американской мечты». «Пилигримом» называют странника, совершающего паломничество к святым местам. Сразу отметим, что религиозный подтекст ослаблен благодаря критике автора, направленной против лицемерного поведения «верующих» людей. «Пришелец из космического пространства серьезно изучил христианство, чтобы узнать, если это возможно, почему христианам так просто быть жестокими. Он пришел к выводу, что, по крайней мере, часть неприятностей – от сказочности повествования в Новом Завете. Он полагал, что цель Евангелия заключалась в том, чтобы научить людей, среди прочего, быть милосердными, вплоть до

[198] В ориг.: «The bombers opened their bomb bay doors, exerted a miraculous magnetism which shrunk the fires, gathered them into cylindrical steel containers, and lifted the containers into the bellies of the planes. The containers were stored neatly in racks. The Germans below had miraculous devices of their own, which were long steel tubes. They used them to suck more fragments from the crewmen and planes. <…> When the bombers got back to their base, the steel cylinders were taken from the racks and shipped back to the United States of America, where factories were operating night and day, dismantling the cylinders, separating the dangerous contents into minerals. <…> The American fliers turned in their uniforms, became high school kids. And Hitler turned into a baby, Billy Pilgrim supposed. That wasn't in the movie. Billy was extrapolating». Vonnegut, K. Op. cit. Pp. 33–34.

самого низшего из низких. Но Евангелие действительно учило этому: прежде чем вы кого-нибудь убьете, убедитесь, что он плохо связан»[199].

«На Тральфамадоре, – говорит Билли Пилигрим, – не очень интересуются Иисусом Христом. Земной образ, который является наиболее интересным для разума тральфамадорцев, – говорит он, – это Чарльз Дарвин…»[200]

Тральфамадор становится, по сути, *идеальным* местом воплощения «американской мечты». Именно с жизнью на Тральфамадоре сравнивает Билли всё происходящее в Америке. С суждениями тральфамадорцев о бытии сравнивает он воззрения американцев.

Так, например, Билли говорит про свою мать: «Как и многие американцы, она пыталась построить жизнь, создающую смысл из вещей, которые она нашла в сувенирных магазинах»[201]. На Тральфамадоре всё иначе: материальное не имеет значения. Другая планета для Билли – пространство духовного бегства от реальной Америки (**спиритуализм** «американской мечты»). Можно уловить определённую символику зелёного цвета, который имеет кожа тральфамадорцев. Подобно тому, как в «Великом Гэтсби» в будущее звал «зелёный огонёк», так и здесь опыт общения с тральфамадорцами побуждает Билли встать на путь учительства. В то же время стоит указать и на пародийное осмысление одного из элементов традиционной «американской мечты» – желания разбогатеть. Тральфамадорцы с лёгкостью награждают Билли и его девушку Монтану миллионом долларов, с которыми те могут делать, что захотят. Однако тральфамадорцы внешним видом напоминают вантуз,

---

[199] В ориг.: «The visitor from outer space made a serious study of Christianity, to learn, if he could, why Christians found it so easy to be cruel. He concluded that at least part of the trouble was slipshod storytelling in the New Testament. He supposed that the intent of the Gospels was to teach people, among other things, to be merciful, even to the lowest of the low. But the Gospels actually taught this: Before you kill somebody, make absolutely sure he isn’t well connected». Vonnegut, K. Op. cit. P. 49.

[200] В ориг.: «On Tralfamadore, says Billy Pilgrim, there isn't much interest in Jesus Christ. The Earthling figure who is most engaging to the Tralfamadorian mind, he says, is Charles Darwin – who taught that those who die are meant to die, that corpses are improvements»». Vonnegut, K. P. 93.

[201] В ориг.: «Like so many Americans, she was trying to construct a life that made sense from things she found in gift shops». Vonnegut, K. P. 21.

инструмент для чистки туалетов. Они «чистят» типичное американское сознание Билли[202], не случайно «многое, что говорил Билли, было бредом для тральфамадорцев»[203].

Отмеченные в романе К. Воннегута моменты хорошо показывают, что чрезвычайно важными для понимания идейного замысла книги являются именно смысловые оппозиции «мортализм» – «иммортализм» и «спиритуализм» – «материализм», которые помогают понять зависимость отражённого в книге феномена «американской мечты» от культурного и исторического контекста.

§ 4. Доминанта реализма и абстракционизма «американской мечты» в романе Хантера Стоктона Томпсона «Страх и отвращение в Лас-Вегасе: дикое путешествие в сердце американской мечты»

Хантер Стоктон Томпсон – американский журналист и писатель, основатель гонзо-журналистики[204], наиболее известный в литературной среде

---

[202] «Они двух футов ростом, зеленые и напоминают по форме «прокачку» — ту штуку, которой водопроводчики прокачивают трубы. Присосок у них касается почвы, а чрезвычайно гибкие, стержни обычно смотрят вверх. Каждый стержень кончается маленькой рукой с зеленым глазом на ладони. Существа настроены вполне дружелюбно и умеют видеть все в четырех измерениях. Они жалеют землян, оттого что те могут видеть только в трех измерениях. Они могут рассказать землянам чудеснейшие вещи, особенно про время. Билли обещал рассказать в своем следующем письме о многих чудеснейших вещах, которым его научили тральфамадорцы». В ориг.: «The letter said that they were two feet high, and green., and shaped like plumber's friends. Their suction cups were on the ground, and their shafts, which were extremely flexible, usually pointed to the sky. At the top of each shaft was a little hand with a green eye in its palm. The creatures were friendly, and they could see in four dimensions. They pitied Earthlings for being able to see only three. They had many wonderful things to teach Earthlings, especially about time. Billy promised to tell what some of those wonderful things were in his next letter». Vonnegut, K. Op. cit. P. 13.

[203] В ориг.: «There was a lot that Billy said that was gibberish to the Tralfamadorians». Vonnegut, K. P. 51.

[204] Гонзо-журналистика (англ. Gonzo — «рехнувшийся, чокнутый, поехавший») — направление в журналистике, для которого характерны глубоко субъективный стиль повествования от первого лица, при этом репортёр выступает не как беспристрастный наблюдатель, а в качестве непосредственного участника описываемых событий, используя свой личный опыт и открыто выражая эмоции, благодаря чему подчёркивает основной смысл этих событий. Для «гонзо-журналистики» также характерны активное использование цитат, сарказма, юмора, преувеличений и даже ненормативной лексики, что является неотъемлемой чертой этого стиля. См. также: Игошина, О. А., Носков, А. С. Место гонзо-журналистики в системе современных СМИ // Огарёв-Online. 2014. № 5 (19). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-gonzo-zhurnalistiki-v-sisteme-sovremennyh-smi (дата обращения: 30.06.2019)..

как автор романа «Страх и отвращение в Лас-Вегасе: дикое путешествие в сердце американской мечты» [205].

Действие романа разворачивается в 1971 г. Журналист Рауль Дюк и его адвокат Доктор Гонзо едут в Лас-Вегас, чтобы подготовить статью об автомобильной гонке «Минт 400».

Лас-Вегас является в их сознании городом реализованных надежд и чаяний американцев. Рассказчик прямо заявляет об этом: «Мы направляемся в Лас-Вегас на поиски Американской мечты»[206].

И чуть позже: «Еще час назад мы сидели в тухлом кабаке без цента в кармане и планов на выходные, и тут из Нью-Йорка звонит совершенно незнакомый человек и велит мне отправляться в Лас-Вегас – на расходы плевать – потом посылает меня в какую-то контору в Беверли-Хиллс, а там еще один совершенно незнакомый человек дает мне триста баксов просто так… Вот это, друг мой, американская мечта в действии!»[207]

Ироническое отношение к смысловому наполнению «американской мечты» проявилось у Х. Томпсона уже в его раннем произведении «Ромовый дневник» («The Rum Diary», нап. в 1959, опубл. в 1998). Не случайно в критике обращалось внимание на ассоциативные связи между авторской позицией в этом романе и взглядами на жизнь таких культовых персонажей, как Гэтсби и Холден Колфилд[208].

Начальные страницы «Страха и отвращения в Лас-Вегасе…» также открывает сатирический характер книги. Х. Томпсон обыгрывает абстрактность того, что люди называют «американской мечтой», выступая ярким

---

[205] См.: Augustyn, A. American Literature from 1945 Through Today. New York, 2010. P. 194.

[206] В ориг.: «… we’re on our way to Las Vegas to find the American Dream». Thompson, H. S. Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream. New York, 2010. P. 6.

[207] В ориг.: «…just one hour ago we were sitting over there in that stinking baiginio, stone broke and paralyzed for the weekend, when a call comes through from some total stranger in New York, telling me to go to Las Vegas and expenses be damned – and then sends me over to some office in Beverly Hills where another total stranger gives me $300 raw cash for no reason at all . . . I tell you, my man, this is the American Dream in action! We’d be fools not to ride this strange torpedo all the way out to the end». Thompson, H. S. P. 8.

[208] См., напр.: Jann, S. W., Corey, S. Gonzo: the life of Hunter Thompson. USA, 2008. P. 45.

представителем американской «контркультуры» 1960-х гг.[209] Город Лас-Вегас символизирует «американскую мечту», однако что именно в нём можно назвать относящимся к «мечте», только предстоит выяснить. Ещё не ясно в полной мере, могут ли неожиданно полученные триста долларов за невыполненную еще работу по-настоящему быть приравнены к «мечте».

Более того, автор прибегает в повествовании к развернутой метафоре, характеризующей расплывчатый, неопределенный, абстрактный характер поездки, которая практически с самого начала носит характер увеселительного странствия с места на место – под сильнейшим воздействием разнообразных наркотических веществ. Оба персонажа переживают наркотический бред, оставляющий в их сознании ужасающие воспоминания… [210] Как замечает Ж. Г. Коновалова, «Томпсон разрушает читательские ожидания, создавая фантасмагорическую картину путешествия своих героев по Лас-Вегасу. Герои балансируют на грани реальности и сумасшествия»[211].

Для того чтобы лучше понять смысловые нюансы авторской идеи, следует оценить культурный фон описываемых событий.

Поездка Дюка и Гонзо происходит в 1971 году, спустя четыре года после «лета любви» (The summer of love) – Монтерейского фестиваля 16 июня 1967 года, устроенного движением хиппи. «Дети цветов» создали уникальный феномен культурного, социального и политического бунта против сложившихся условий жизни. И хотя ряды общин хиппи уже редели к моменту создания романа, контркультура как таковая играла свою роль в понимании смысла «американской мечты». Так, общепринятая версия «американской мечты» включает в себя возможность подняться с самых низов бедности до вершины

---

[209] См., напр.: Файзуллина, О. Р. Функция иллюстраций в произведении «Проклятие Гавайев» Х. Томпсона // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. Искусствознание. № 2 (3). Нижний Новгород, 2014. С. 326.

[210] Например, это видение своры летучих мышей над машиной, на которой герои едут в Лас-Вегас, встреча с «мерзкими существами» вместо людей в казино и т.п.

[211] Коновалова, Ж. Г. Автор – повествователь – герой в художественно-документальных книгах Н. Мейлера, Х. Томпсона, Г. Тейлиза // Филология и культура. № 3 (37). Казань, 2014. С. 247.

богатства и успеха. Именно в этом проявляется символическое значение неожиданно полученных от редакции 300 долларов. Позднее, когда персонажи оказались в ситуации полного безденежья в Лас-Вегасе и должны были фактически бежать из отеля, они также неожиданно получили новое редакционное задание, подкреплённое опять-таки солидной денежной суммой.

Рассказчик не случайно пафосно заявляет о своей несокрушимой вере в лучшее. Он отдает дань «уважения фантастическим возможностям, что открывает эта страна – но только тем, кто крепок духом»[212]. И в **реальность** «мечты», заключающейся в обретении материального, верит не один рассказчик:

«Вокруг дерьмовых столов по-прежнему толпы. Кто эти люди? Что за лица! Откуда они? Они напоминают карикатуры на дилеров автомобилей из Далласа. Однако они настоящие. И, сладкий Иисус, их чертовски много – они все еще кричат вокруг этих дерьмовых столов в пустынном городе в четыре тридцать воскресным утром. Все еще дрочат на Американскую Мечту, на образ Большого Выигрыша, вырисовывающегося в предрассветном хаосе затхлого казино.

Большая удача в «Силвер-сити». Обыграй крупье и вернешься домой богачом»[213].

О сатирическом представлении в книге подобного, реально существующего гротескного материализма «американской мечты», уже упоминалось в критике[214].

---

[212] В ориг.: «… salute to the fantastic possibilities of life in this country – but only for those with true grit». Thompson, H. S. Op. cit. P. 18.

[213] В ориг.: «… big crowds still tight around the crap tables. Who are these people? These faces! Where do they come from? They look like caricatures of used-car dealers from Dallas. But they're real. And, sweet Jesus, there are a hell of a lot of them – still screaming around these desert-city crap tables at four-thirty on a Sunday morning. Still humping the American Dream, that vision of the Big Winner somehow emerging from the lastminute pre-dawn chaos of a stale Vegas casino. Big strike in Silver City. Beat the dealer and go home rich». Thompson, H. S. P. 57.

[214] См., напр.: Stanley, I. Tennessee Philological Bulletin. USA, 1982. P. 74; о «неловком материализме» («gauche materialism») писал М. Л. Мартинез. См.: Martínez, M. L. The migrating text: movement discourse and the «counterculture». Stanford, 1997. P. 165; Р. Мигес также указывал на то, что «изображение Томпсоном ощущений

Представленная в повествовании реальность исключительно хаотична. Квинтэссенцией беспорядка становится загаженный номер в отеле:

«Я лежу, распластавшись на своей кровати во «Фламинго», чуя опасный сдвиг по фазе с окружавшим меня миром. Сейчас случится что-то скверное. Не иначе. Номер похож на место катастрофического зоологического эксперимента с гориллами и виски. Трехметровое зеркало разбито, но пока висит – дурное напоминание о том дне, когда у моего адвоката сорвало крышу и он молотком для кокосов побил зеркало и лампы.

Лампы мы заменили красными и синими фонариками для рождественской елки, но зеркало было не спасти. Кровать моего адвоката выглядела как выжженное крысиное гнездо. Огонь уничтожил верхнюю половину, а от нижней остались пружины и обуглившаяся набивка. К счастью, горничные даже близко к нашему номеру не подходили после того жуткого происшествия во вторник.

В то утро, когда зашла горничная, я спал. Мы забыли повесить табличку «Не беспокоить» … она вошла в комнату и напугала моего адвоката. Тот стоял совершенно голый на коленях в кладовке и блевал в свои туфли … думал, он в туалете»[215].

Описание наркотических безумств в романе производит на неподготовленного читателя странное впечатление, однако Х. Томпсон делает это сознательно. Алкоголь и наркотики помогают человеку оторваться от

страха и гадливости открывают авторское видение жестокого американского мира с его институтами – образчиками материального успеха». В ориг.: «Thompson's narratives of fear and loathing reveal that the author's fiendish vision of American society ... and institutions; to images of material success». См.: Miguez, R. Op. cit. P. 305.

[215] В ориг.: «I was slumped on my bed in the Flamingo, feeling dangerously out of phase with my surroundings. Something ugly was about to happen. I was sure of it. The room looked like the site of some disastrous zoological experiment involving whiskey and gorillas. The ten-foot mirror was shattered, but still hanging together – bad evidence of that afternoon when my attorney ran amok with the coconut hammer, smashing the mirror and all the lightbulbs. We'd replaced the lights with a package of red and blue Christmas tree lights from Safeway, but there was no hope of replacing the mirror. My attorney's bed looked like a burned-out rat's nest. Fire had consumed the top half, and the rest was a mass of wire and charred stuffing. Luckily, the maids hadn't come near the room since that awful confrontation on Tuesday. I had been asleep when the maid came in that morning. We'd forgotten to hang out the "Do Not Disturb" sign ... so she wandered into the room and startled my attorney, who was kneeling, stark naked, in the closet, vomiting into his shoes . . . thinking he was actually in the bathroom». Thompson, H. S. P. 180.

привычной действительности, выйти из стандартной американской схемы жизни, подразумевающей стандартную «мечту». Томпсон признавал, что его книга стала «своего рода странным праздником эпохи», которой, как он думал, «пришел конец». Он описал последний всплеск её, потому что в рамках политики нового президента Никсон всё подобное уже было невозможным[216].

Одна из глав книги представляет собой расшифровку магнитофонной записи, сделанной Дюком и Гонзо во время их поездки. Персонажи останавливаются в круглосуточной закусочной, чтобы перекусить, и в разговоре с официанткой они упоминают, что являются журналистами и находятся в поисках «американской мечты». Официантка не понимает их, считая, что они просто ищут место с таким названием, и спрашивает у поварихи, не знает ли она маршрута к нему. Повариха высказывает, глядя на героев книги, в сущности, глубоко ироничное предположение, что Дюк и Гонзо на самом деле ищут «Клуб психиатров» на Парадайз. Именно там может находиться «американская мечта». Хотя «единственные люди, которые ошиваются там – это куча барыг, торговцев стимуляторами и транквилизаторами и всем таким»[217]. Это «место, где все подростки принимают наркотики, когда они идут туда, – добавляет она, – но это не называется, как ты сказал, американской мечтой»[218].

Следует обратить внимание на символические детали в этой истории. Наибольшая ирония заключается в том, что это клуб находится на углу Парадайз-стрит. Идёт ли речь всего лишь об улице, на которой располагается

---

[216] В ориг.: «…a kind of a weird celebration for an era that I thought was ending… kind of assumed that this was sort of a last fling; that Nixon and Mitchell and all those people would make it very soon impossible for anybody to behave that way and get away with it». См.: Torgoff, M. Can't Find My Way Home: America in the Great Stoned Age 1945-2000. New York, 2004. P. 256.

[217] В ориг.: «…the only people who hang out there [are] a bunch of pushers, peddlers, uppers and downers, and all that stuff». Thompson, H. S. Op. cit. P. 87.

[218] В ориг.: «…a place where all the kids are potted when they go in, and everything ... but it's not called what you said, the American Dream». Thompson, H. S. P. 88.

клуб, или о Земле обетованной (Paradise – *рай* в пер. с англ.), где находится «американская мечта» контркультуры?

Когда Рауль Дюк и доктор Гонзо находят, наконец, это место, они вместо процветающего заведения видят сгоревшие останки здания. Клуб теперь представляет собой «огромный кусок потрескавшегося, обгоревшего бетона на пустыре среди сорняков»[219]. Им говорят, что клуб «сгорел дотла около трех лет назад»[220], то есть в 1968 году. Эта дата имеет значение для понимания замысла автора. В том же году были убиты Мартин Лютер Кинг - младший и Роберт Кеннеди, а на улицах происходили массовые беспорядки из-за избрания Р. Никсона на пост президента Соединенных Штатов (в которых участвовал и Х. Томпсон). В избрании Никсона Томпсон видел конец контркультуры и надежд ее представителей. И сгоревший клуб – явный символ её разрушения и – разрушения образа той «американской мечты», который присутствовал в сознании хиппи.

Таким образом, в повествовании постепенно вырисовывается смысловая оппозиция **реализма и абстракционизма** в понимании «американской мечты».

Жизнь, казалось бы, предлагает путешествующим героям все возможности, подразумеваемые стандартной «американской мечтой». И Дюк с Гонзо последовательно перебирают, пробуют их на вкус[221].

Во-первых, реальность «мечты», как мы уже замечали ранее, допускает возможность быстрого получения сумасшедших денег. Для персонажей это не только аванс от редакции в 300 долларов за освещение гонок, но и последовавшее затем новое журналистское задание – освещать съезд полиции в одном из отелей Лас-Вегаса. Абсурд всей ситуации состоит в том, что Дюк и

---

[219] В ориг.: «…a huge slab of cracked, scorched concrete in a vacant lot full of weeds». Thompson, H. S. Op. cit. P. 168.

[220] В ориг.: «burned down about three years ago». Thompson, H. S. P. 168.

[221] Интересно, что М. Блок считает этот роман наиболее кинематографичной попыткой представить американскую мечту. «Fear and Loathing in Las probably the most explicit cinematic effort to envision the American dream as seen from Las Vegas». См.: Block, M. World Film Locations: Las Vegas. UK, 2011. P. 105.

Гонзо, потратив всё, что у них было, осуществляют побег из неоплаченной гостиницы и из города, когда на их головы сваливается новая сумма денег. Реальностью является мгновенный переход от полнейшего безденежья к абсолютному изобилию. Этот переход, само собой разумеется, может происходить и в одном из бесчисленных игорных заведений Лас-Вегаса, например, в казино «Цирк-цирк», куда заглядывают Дюк и Гонзо.

Во-вторых, реальной является абсолютная свобода человеческого поведения.

Дюк и Гонзо нарушают все существующие правила поведения в обществе. Их поездка началась с того, что багажник их автомобиля «напоминал мобильный склад конфиската наркополиции». У них было «два мешка травы, семьдесят пять катышков мескалина, пять листов промокашки с мощной кислотой, полсолонки кокаина и целый арсенал разноцветных таблеток: разогнаться, притормозить, повопить и посмеяться … а еще кварта текилы, кварта рома, ящик «Бадвайзера», пинта чистого эфира и две дюжины капсул амилнитрита»[222].

Дюк в гостинице на стойке регистрации посетителей первым делом «запугал этих несчастных так, что они чуть не обосрались! Размахивал своим гребаным гарпуном и вопил про рептилий»[223].

Адвокат Гонзо нахамил официантке в казино: «Тебе платят за случку с медведем? – спросил он»[224].

Выбирая себе новый автомобиль напрокат Дюк с легкостью смешал всех немцев с фашистами: «Ну … ясное дело, – ответил мне клерк. – По-моему, вам нужен “Мерседес 600 Таун-Крузер Спешл” с кондиционером. В нем можно

[222] В ориг.: «… two bags of grass, seventy-five pellets of mescaline, five sheets of high-powered blotter acid, a salt shaker half full of cocaine, and a whole galaxy of multi-colored uppers, downers, screamers, laughers … and also a quart of tequila, a quart of rum, a case of Budweiser, a pint of raw ether and two dozen amyls». Thompson, H. S. Op. cit. P. 4.

[223] В ориг.: «You scared the shit out of those people! Waving that goddamn marlin spike around and yelling about reptiles. You’re lucky I came back in time». Thompson, H. S. P. 28.

[224] В ориг.: «Do they pay you to screw that bear?» Thompson, H. S. P. 48.

даже возить свой бензин, если хотите. Мы предусмотрели такую возможность …

– Я что, похож на фашиста? Мне нужна только настоящая американская машина»[225].

Всё повествование представляет нескончаемую вереницу эпизодов раскрепощённого до предела поведения двух граждан свободной страны, вольных делать всё, что им вздумается.

В-третьих, реальным является самоощущение «победителя», даруемое причастностью к «американской мечте».

Уже в начале повествования рассказчик с гордостью подчёркивает, что именно он был послан редакцией в Лас-Вегас. Его задание – «“Минт-400”, самая роскошная внедорожная гонка среди мотоциклов и багги в истории профессионального спорта. Фантастическое зрелище, организованное в честь какого-то толстосума по фамилии Дель Уэбб, владельца фешенебельного отеля в самом центре Лас-Вегаса»[226].

Общение Рауля Дюка и доктора Гонзо с окружающими строится по одной и той же модели. Дюк и Гонзо ни во что не ставят ни продавцов в магазинах, ни служащих в отелях, ни кого-либо ещё. Вот лишь один характерный эпизод поведения человека – «победителя», которому всё позволительно:

«Когда мы доехали, магазин уже закрылся. За стеклянной дверью были люди, но открывать они не хотели, пока *мы несколькими сильными ударами по двери не объяснили, кто мы такие*.

Наконец к двери подошли два продавца с разводными ключами, и через узкую прорезь нам удалось договориться о покупке. Потом они приоткрыли

[225] В ориг.: « “Well ... of course” said the man behind the desk. “What you need, I think, is one of our Mercedes 600 Towne-Cruiser Specials, with air-conditioning. You can even carry your own fuel, if you want; we make that available...” “Do I look like a goddamn Nazi?” I said. “I’ll have a natural American car, or nothing at all!”» Thompson, H. S. Op. cit. P. 104.

[226] В ориг.: «“The Mint 400,” I said. “It’s the richest off-the-road race for motorcycles and dune-buggies in the history of organized sport – a fantastic spectacle in honor of some fatback grossero named Del Webb, who owns the luxurious Mint Hotel in the heart of downtown Las Vegas». Thompson, H. S. P. 10.

дверь, просунули магнитофон, захлопнули и заперли. “Забирайте и катитесь отсюда ко всем чертям!” — крикнул один сквозь прорезь.

Адвокат погрозил им кулаком и прокричал: “Мы еще вернемся! Я вам как-нибудь сюда бомбу захуячу! У меня на чеке ваши фамилии! *Найду, где живете, спалю дом*!”»[227] (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*).

В самой ёмкой и ясной форме ощущение «победителя», становящегося над любыми правилами и обстоятельствами жизни, выражено в тираде рассказчика, собирающегося в качестве журналиста-наблюдателя на Конференцию по наркотикам: «Мы обманным путем проникнем на конференцию и сразу окажемся среди тех, кто собрался ради того, чтобы сажать в тюрьму таких, как мы. Мы будем для них Угроза, причем не таящаяся, а вызывающе невменяемая и бесцеремонно дерзкая»[228].

В-четвёртых, в тексте романа постоянно присутствует ощущение бесконечных возможностей, которые имеются у человека, несмотря ни на что.

Гражданин Соединённых Штатов может получить всё, что он пожелает, и даже то, о чём он в настоящий момент не мог помыслить. Рассказчик и доктор Гонзо безо всяких затруднений пользуются услугой «дамы без верха и без комплексов»[229], заказывают лучшую еду в кафе и ресторанах, арендуют лучшие автомобили в прокатных бюро. Жизнь предоставляет им возможность почувствовать себя на вершине славы, будь то репортажи с гонок или

---

[227] В ориг.: «The store was closed by the time we got there. There were people inside, but they refused to come to the double-glass door until we gave it a few belts and made ourselves clear. Finally two salesmen brandishing tire irons came to the door and we managed to negotiate the sale through a tiny slit. Then they opened the door just wide enough to shove the equipment out, before slamming and locking it again. “Now take that stuff and get the hell away from here,” one of them shouted through the slit. My attorney shook his fist at them. “We’ll be back,” he yelled. “One of these days I’ll toss a fucking bomb into this place! I have your name on this sales slip! I’ll find out where you live and burn your house down!”» Thompson, H. S. Op. cit. P. 13.

[228] В ориг.: «We would be attending the conference under false pretenses and dealing, from the start, with a crowd that was convened for the stated purpose of putting people like us in jail. We were the Menace – not in disguise, but stone-obvious drug abusers, with a flagrantly cranked-up act that we intended to push all the way to the limit...» Thompson, H. S. P. 109.

[229] В ориг.: «Stopless and Topless». Thompson, H. S. P. 41.

полицейские сводки. «Это мой клиент, мистер Дюк, известный журналист», – представляет своего спутника доктор Гонзо[230].

Вместе с тем следует обратить внимание на заметную **абстрактность** всех возможностей, которые мы перечислили выше.

Прежде всего, абстрактным оказывается счастье, получаемое при помощи внезапного обогащения. Если проследить следующую логическую цепочку: легко получить деньги, чтобы легко приобрести некие вещи, чтобы обладание этими вещами принесло человеку счастье – то выяснится удивительная вещь. Никакого конкретного, реального счастья в жизни Дюка и Гонзо не случается. Напротив, все полученные деньги они тратят на наркотики и психотропные вещества, чтобы *убежать из реального мира*, в котором они ищут «американскую мечту». Таким образом, искомая мечта также переходит в разряд весьма абстрактных понятий. Ярким образом здесь становится «воронка американской мечты»[231], с которой рассказчик сравнивает казино «Цирк-цирк». Его сарказм распространяется, разумеется, не только на игорное заведение, которое видится скорее чем-то ужасающим, нежели идиллическим, но и на всю американскую модель жизни.

Абсолютная свобода человеческого поведения так же абстрактна, потому что она возникает лишь после употребления наркотиков. В целом абстрактно подразумеваемая *свобода* сводится лишь к свободе уйти из реальности. При этом рядом с привычной реальностью возникает параноидальная параллельная, населённая различными монстрами, в которой персонажи по-прежнему страдают от принуждения к чему-то. Так, например, рассказчик после наркотического припадка своего товарища замечает: «Я рухнул на кровать. Его представление выбило меня из колеи. На миг мне показалось, что он спятил и в

[230] В ориг.: «…this is my client; this is Mister Duke, the famous journalist». Thompson, H. S. Op. cit. P. 111.
[231] В ориг.: «the vortex of the American Dream». Thompson, H. S. P. 29.

самом деле решил, что на его напали *невидимые враги*»[232] (курсив наш. *С.К.Б.Р.*).

Победы Дюка и Гонзо над окружающими людьми и обстоятельствами не менее абстрактны, чем их *свобода*. Все их поступки проникнуты хаосом разрушения. Во всей истории поездки в Лас-Вегас невозможно назвать ни одной действительной победы над чем-либо. Рассказчик и его спутник постоянно надевают разнообразные маски, отказываясь от себя настоящих, что лишает всякого смысла образ *победителя*. Чтобы таковым быть, следует в первую очередь обрести внутреннюю цельность и самостоятельность, а этого не происходит. Фигура *победителя* оказывается таким образом очередной маской, иллюзией. Даже на последних страницах повествования рассказчик выступает не в своём облике, а в обличии «доктора богословия, аттестованного священнослужителя Церкви Новой Истины», обладающего почему-то при этом «полицейским значком», чувствующим себя «как чудовищное воплощение Горацио Элджера», как «Человек Движения»[233].

Есть важная символическая деталь в повествовании. Д. Дж. Файф утверждает, что в мифе об «американской мечте» героический путь всегда связывался с движением на запад[234]. Однако Х. Томпсон выбирает обратное направление – на восток (из Лос-Анджелеса в Лас-Вегас). Таким образом, героические свершения заменяются откровенным прожиганием жизни.

И, наконец, абстрактными оказываются и все *возможности*, выпадающие на долю Дюка и Гонзо. Их путь – это путь не возрастания, а последовательной деградации человеческого начала в них. Об этом говорит и эпиграф к произведению: «Тот, кто превращается в животное, избавляется от боли быть

---

[232] В ориг.: «I slumped on the bed. His performance had given me a bad jolt. For a moment I thought his mind had snapped – that he actually believed he was being attacked by invisible enemies». Thompson, H. S. Op. cit. P. 130.

[233] В ориг.: «…like a monster reincarnation of Horatio Alger… a Man on the Move». Thompson, H. S. P. 220.

[234] В ориг.: «…mythos of the American Dream the heroic trek westward has always been a defining aspect of American character». См.: Fyfe, D. J. Brightkite // brightkite. URL: https://brightkite.com/essay-on/fear-and-loathing-in-las-las-vegas-the-death-of-the-american-dream (дата обращения: 25.06.2017).

человеком»[235]. Показательно, что путь деградации проходят не только главные действующие лица, но и многие из тех, с кем их сводит судьба[236].

Таким образом, оппозиция «реализм» – «абстракционизм» в произведении Х. Томпсона отражает фундаментальный сдвиг в системе ценностей общества и понимании «американской мечты» в целом. Персонажи по воле автора сознательно выступают против элементов и символов того, что они считают массовой американской культурой, против гротескного реализма «американской мечты».

§ 5. Индивидуализм и коллективизм «американской мечты» в трилогии Филипа Рота («Американская пастораль», «Я вышла замуж за коммуниста», «Людское клеймо»)

Известный американский писатель Филип Милтон Рот (Philip Milton Roth, 1933–2018) родился в семье еврейских иммигрантов из Галиции. Его родители были американцами в первом поколении. Рот окончил Бакнеллский университет в 1954 году, затем три года преподавал литературу в Чикагском университете, рецензировал кинофильмы и телепрограммы для газеты «New Republic». В художественную литературу он вошёл со сборником повестей и рассказов «Прощай, Коламбус» (Goodbye, Columbus) в 1959 году, за который был удостоен Национальной книжной премии.

Важное место в творчестве Ф. Рота занимает трилогия, состоящая из романов «Американская пастораль», «Я вышла замуж за коммуниста» и «Людское клеймо». «Авторская ирония (как повествователя Цукермана, так и самого Рота) заключена уже в названии первого романа: “Американская

[235] В ориг.: « He who makes a beast of himself gets rid of the pain of being a man». Thompson, H. S. Op. cit. P. 4.

[236] Например, девушка в отеле, с которой рассказчик застаёт своего товарища, «выглядела как зверь, которого только что бросили в яму биться насмерть». В ориг.: «She had the look of a beast that had just been tossed into a sawdust pit to fight for its life». Thompson, H. S. P. 111.

пастораль” предполагает описание идеального мира, воплощения “американской мечты”», – пишет О. Б. Карасик[237].

Роман «Американская пастораль» (*American Pastoral,* 1997), повествует о Шведе Лейвоу (Swede Levov), успешном «образцовом» американце, чья спокойная жизнь в 1960-е гг. была разрушена антиобщественными поступками собственной дочери, протестовавшей против войны во Вьетнаме. События книги «Я вышла замуж за коммуниста» (*I Married a Communist,* 1998) разворачиваются в Америке конца 1940-х гг., пропитанной настроениями антикоммунизма. Это история взлета и падения радиозвезды Айры Ринголда (Ira Ringold), чья жена обвинила его в выполнении приказов Москвы. Роман «Людское клеймо» (*The Human Stain,* 2000), действие которого происходит в 1998 году[238], посвящен истории пожилого профессора Коулмена Силка (Coleman Silk), вынужденного уйти на пенсию по надуманному обвинению в расизме.

Названные произведения интересны тем, что в них Ф. Рот исследует противоборство двух принципов человеческого поведения в сознании героев – коллективистского и индивидуалистского, проецируемое на типичные представления об «американской мечте».

Семейство Лейвоу в романе «Американская пастораль», по замечанию рассказчика, всегда выступало в авангарде приобщения постэмигрантского поколения ньюаркских евреев к благам и ценностям «американской» жизни. Все они, «словно суровые пионеры былых времен, пробивались к нормализующим жизнь американским удобствам»[239].

---

[237] Карасик, О. Б. От «американской мечты» к «американской трагедии»: трилогия Филипа Рота // Вестник ТГГПУ. Филология и культура, № 2(24). Казань, 2011. С. 166.

[238] Время, когда Америка была взбудоражена возможным импичментом президента Клинтона.

[239] В ориг.: «…laying claim like audacious pioneers to the normalizing American amenities». Roth, P. American Pastoral. New York, 1997. P. 5.

Судьба Шведа – «светловолосого голубоглазого викинга, родившегося в нашем роду-племени и носившего имя Сеймур Ирвинг Лейвоу»[240] – это зримое воплощение того случая, как говорится в эпиграфе к роману, «когда ожидаемое приходит»[241]. Успехи Шведа на баскетбольной площадке, его привлекательная внешность и сладость духа – все это превращало его в американского героя, «золотого мальчика», который, казалось, был благословлен бесконечной удачей. По окончании школы он стал морским пехотинцем, женился на «мисс Нью-Джерси» 1949 года, продолжил перчаточный бизнес своего отца и купил большой старинный дом в сельской местности Нью-Джерси. «В 1958 году, заработала новая фабрика в Пуэрто-Рико, и Швед стал молодым президентом компании, каждое утро приезжавшим на Централ-авеню из своего дома, стоящего далеко за пределами городских окраин, примерно в тридцати милях к западу от Ньюарка. Владелец фермы площадью в сто акров, раскинувшейся среди тихих холмов за Морристауном, в облюбованном богачами сельском Олд-Римроке, штат Нью-Джерси, он был своего рода первопроходцем, ох как далеко ушедшем от сыромятни, в которой дедушка Лейвоу начинал свой трудовой путь в Америке» [242].

Желая вписать судьбу Шведа в типичные рамки успешной «американской» судьбы, рассказчик без тени сомнения сравнивает судьбу своего школьного кумира с судьбой президента Кеннеди – «другого любимца фортуны, бывшего всего на десять лет старше Шведа, блестящего олицетворения Америки. <…> Он был нашим Кеннеди»[243].

---

[240] В ориг.: «… insentient Viking mask of this blue-eyed blond born into our tribe as Seymour Irving Levov». Roth, P. Op. cit. P. 1.

[241] В ориг.: «… the rare occurrence of the expected». Roth, P. Ibid.

[242] В ориг.: «Little more than a decade later, with the opening of a factory in Puerto Rico in 1958, the Swede would himself become the young president of the company, commuting every morning down to Central Avenue from his home some thirty-odd miles west of Newark, out past the suburbs – a short-range pioneer living on a hundred-acre farm on a back road in the sparsely habitated hills beyond Morristown, in wealthy, rural Old Rimrock, New Jersey, a long way from the tannery floor where Grandfather Levov had begun in America…» Roth, P. P. 7.

[243] В ориг.: «…only a decade the Swede's senior and another privileged son of fortune, another man of glamour exuding American meanin <…> He is our Kennedy». Roth, P. P. 47–48.

Необходимо указать на то, что успех Шведа – это успех человека, играющего по заранее установленным правилам. Его представления об «американской мечте» не критичны, они взяты из опыта предшествующих поколений и остаются неизменными на всем протяжении романа – это деловая репутация, материальный достаток[244], внешне благопристойная семейная жизнь. Потрясенный до глубины души уходом дочери из семьи и крахом первого брака, Швед «искусственно», «отгораживаясь и от себя, и от прошлого»[245], выстраивает жизнь в новом браке. Рассказчик находит точное объяснение происходящему: «Снова вступили в действие *общие правила*, дающие ориентиры в большом и малом, заградительные барьеры против всего, что не укладывается в голове» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[246], «он учится жить под маской»[247].

При внешней разнице существования, правила жизни Шведа разительным образом напоминают правила жизни его отца. Лу Лейвоу также был сосредоточен на том, чтобы быть успешным – «мгновенно одолеть все препятствия и оказаться на вершине»[248]. Лу Лейвоу старательно вел общественную жизнь – «несмотря на изрядную занятость, всегда находил время принять и ньюаркских школьников, и отряд скаутов, и заезжих знаменитостей, появлявшихся в сопровождении чиновников городской управы или Торговой палаты»[249]. Деловая репутация была для него абсолютом: «Лу Лейвоу продает только безупречные перчатки», – говорит он о своей фирме[250]. И всё это было

---

[244] О материальном благополучии мечтает «эстонская эмигрантка Хельги, пригашенная к Айре в качестве массажистки и ставшая впоследствии его любовницей», которая «сводит свою мечту к материальному благополучию, ради которого готова на все», как пишет О. Б. Карасик. См.: Карасик, О. Б. Указ. соч. С. 168.

[245] В ориг.: «…bought at the price of an obstinate estrangement from oneself and one's history». Roth, P. Op. cit. P. 46.

[246] В ориг.: «…once again convention shaping everything, large and small, and serving as barrier against the improbabilities». Roth, P. Ibid.

[247] В ориг.: «He learns to live behind a mask». Ibid.

[248] В ориг.: «…to cut through all obstructions and go right to the top…» Roth, P. P. 7.

[249] В ориг.: «…busy as he might be, always made time for the Newark school classes, or Boy Scout troops, or visiting notables chaperoned by a functionary from City Hall or the Chamber of Commerce». Roth, P. P. 66.

[250] В ориг.: «Lou Levov doesn't sell a table cut glove unless it is a perfect table-cut glove…» Roth, P. P. 129.

подчинено главной цели – обретению материального достатка: «Я не в игрушки играю. Я… делаю деньги»[251]. Заметим здесь, что образ Лу Лейвоу во многом навеян воспоминаниями автора о собственном отце, обладавшем «абсолютно тоталитарными представлениями о том, что хорошо и что правильно», о чем Ф. Рот написал в автобиографической книге «По наследству. Подлинная история»[252].

В поведении Шведа и его отца мы легко различаем далекое от самостоятельности, подчас лицемерное следование коллективистским, принятым в обществе представлениям об «американской мечте».

Судьба успешного американца была сломлена его дочерью. Сеймур Лейвоу неожиданно обнаружил, что долгое время обманывал себя, когда считал, что его жизнь реализовалась лучшим образом. Он искренне считал, что на него сверху «льется благодатный свет»[253]. Он принял без сомнений и целиком «милую старомодную Америку» и «американскую старомодность»[254], «он был из тех, кто имел твердые устои»[255], традиционные для американского общества.

Однако его дочь Мэри внезапно, в самый разгар протестов против Вьетнамской войны, взорвала бомбу на почте в Римроке, «убив человека, опускавшего в пять утра письмо в почтовый ящик… Взрывая почту, она осуждала Линдона Джонсона за войну»[256].

Мэри своим поступком ломает сложившийся порядок их жизни. До того момента у нее было все, чего она только могла пожелать. Швед, «мягкий, широко мыслящий отец», «король-философ обыденной жизни»[257], боготворил

---

[251] В ориг.: «I'm not here to play games. I'm here like you are - I'm here to make money». Roth, P. Op. cit. P. 129.
[252] В ориг.: «…absolutely totalistic notions of what is good and what is right». Roth, P. P. 127.
[253] В ориг.: «…something is shining down on me». Roth, P. P. 39.
[254] В ориг.: «… Quaint Americana <…> Seymour was into quaint Americana». Roth, P. Ibid .
[255] В ориг.: «He was one of the people who knew his way». Ibid.
[256] В ориг.: «…by blowing up somebody out mailing a letter at five a.m. <…> Brought the war home to Lyndon Johnson by blowing up the post office in the general store». Roth, P. P. 38.
[257] В ориг.: «Just a liberal sweetheart of a father. The philosopher-king of ordinary life». Roth, P. P. 39.

дочь и старался оградить ее от трудностей. Однако «бомба взорвала его жизнь. Безукоризненное существование закончилось. Чего она и добивалась»[258].

Этот сюжетный поворот позволяет Ф. Роту подвергнуть критике преувеличенно идеальный образ «американской мечты», существующий в американском обществе. По справедливому замечанию О. Б. Карасик, «стремление к осуществлению “американской мечты” оборачивается трагедией в романах, объединенных писателем в так называемую “Американскую трилогию”» [259]. Швед, как и многие другие, верил, что светлое будущее приближается с каждым новым поколением, которое становится все «ближе ко всему спектру прав, даруемых Америкой», что его дочь окажется ближе, чем он, «к образу идеального гражданина, отбросившего ветошь еврейских манер и обычаев, свободного от доамериканских страхов и неотступно мучающих идей, ни перед кем не склоняющего голову, равного среди равных…»[260]

Его сосредоточенность на «обретении» Америки была так сильна, что ничто в мире более не интересовало Сеймура Лейвоу. Америка была для него идеальной страной.

«И вдруг – выбывает из игры дочь, дитя четвертого поколения, – замечает рассказчик, – сбегает дочь, которой подобало стать его улучшенным подобием, как сам он стал улучшенным подобием отца, а тот — улучшенным подобием собственного родителя… Недовольная, раздраженная нигилистка презрительно отметает роль процветающего представителя следующего поколения Лейвоу и этим выталкивает отца из обжитой ниши – вышвыривает в совершенно не знакомую ему Америку. Дочь и шестидесятые годы развеяли созданную в мечтах утопию. Бациллы американских бедствий просочилась в домашнюю

[258] В ориг.: «That bomb detonated his life. His perfect life was over. Just what she had in mind». Roth, P. Op. cit. P. 39.

[259] Карасик, О. Б. Указ. соч. С. 166.

[260] В ориг.: «…out of the desire to go the limit in America with your rights, forming yourself as an ideal person who gets rid of the traditional Jewish habits and attitudes, who frees himself of the pre-America insecurities and the old, constraining obsessions so as to live unapologetically as an equal among equals». Roth, P. Op. cit. P. 49.

крепость Шведа и заразили его домочадцев. Дочь депортировала его из вожделенной американской пасторали в мир, противоположный пасторали, дышащий яростью, неистовством, отчаянием»[261].

Конфликт между Мэри Лейвоу и ее отцом не просто отражает символическое противостояние «отцов» и «детей». Он превращается во внутренний конфликт между групповой, коллективной, не критично принимаемой «мечтой» и «мечтой» индивидуальной [262]. Сеймуру Лейвоу сложно понять масштаб катастрофы: «И что не так с их жизнью? Что на земле менее предосудительно, чем жизнь Лейвоу?»[263] В свою очередь Мэри не может понять уникального душевного спокойствия своего отца. Интуитивно она ощущает, что образ мыслей, усвоенный ее отцом от окружающего общества, лишает того критичности мышления, не позволяет отцу видеть что-либо, выходящее за рамки «благополучной» американской жизни. Она бросает ему в лицо обвинение: «Я знаю, что *ты* за в-в-войну отвечать не хочешь… Не так сильно война тебя волнует, чтобы ты хоть однажды нарушил свой распорядок дня… Мысли о войне не мешают тебе спать спокойно. Война тебя совершенно, ну никак не к-к-колышет»[264]. Заметим, что наслаждается своей реализовавшейся «мечтой» и мать Мэри, которой так же «не с-с-совестно», что «американцы взрывают целые в-в-вьетнамские деревни» и «американские бомбежки в к-к-клочья разносят вьетнамских д-д-детей»[265].

---

[261] В ориг.: «…out of the desire to go the limit in America with your rights, forming yourself as an ideal person who gets rid of the traditional Jewish habits and attitudes, who frees himself of the pre-America insecurities and the old, constraining obsessions so as to live unapologetically as an equal among equals». Roth, P. Op. cit. P. 49.

[262] «Основным конфликтным фоном всех романов является противостояние современного американского образа жизни и традиционного еврейского уклада, от которого пытаются отказаться герои, порою доводя свои попытки до абсурда». Карасик, О. Б. Указ. соч. С. 10.

[263] В ориг.: «And what is wrong with their life? What on earth is less reprehensible than the life of the Levovs». Roth, P. Op. cit. P. 252.

[264] В ориг.: «"You don't care enough to let it upset a single day of yours. You don't care enough to make you spend another night somewhere. You don't stay up at night worrying about it. You don't really care, Daddy, one way or the other"». Roth, P. P. 61.

[265] В ориг.: «America b-blows up Vietnamese villages <…> America is b-blowing little b-babies to b-b-b-b-bits». Roth, P. P. 61.

И в этой ситуации возникает трагическая оппозиция между «коллективистским» и «индивидуалистским» пониманием «мечты». Мэри не понимает и не принимает образа жизни родителей – внешне благопристойного, соответствующего общественным приличиям и традиционным идеалам, а Сеймур и Доун Лейвоу не понимают перемен в ее духовной жизни. Сеймур Лейвоу был «скроен по общей мерке и так далее и тому подобное. Жил самой обычной, приличной жизнью, о которой все мечтают. Соблюдал социальные нормы»[266]. Его же дочь, став затворницей, внезапно для отца «обрела интеллект, свободный от пут»[267]. «Молодое поколение чувствовало фальшь американских лозунгов», – пишет Е. А. Цурганова [268] . Протест против благостной, но лицемерной «американской мечты» выражается даже в том, что девушка перестает следить за своим внешним видом. Любопытно, что именно эта перемена во внешности особенно шокирует Сеймура: «Отец с матерью – загляденье, а дочь превратила себя в уродину. Я отвергаю то, другое, третье! Я отвергаю! Я отвергаю все на свете! Что же это такое? Вместе со всем прочим отказаться даже от похожести на родителей?»[269]

Во второй книге трилогии Ф. Рота «Я вышла замуж за коммуниста» alter ego автора – рассказчик Цукерман встречается со своим старым школьным учителем английского языка, девяностолетним Мюрреем Ринголдом. Тот рассказывает о некоторых подробностях жизни своего брата – радиозвезды 50-х годов Айры Ринголда (Железного Рина), чья карьера и жизнь была разрушена маккартизмом и черными списками. Айра на свою беду был членом Коммунистической партии, что повлекло сложности в карьере не только для

---

[266] В ориг.: «Bred to be dumb, built for convention, and so on. That ordinary decent life that they all want to live, and that's it. The social norms». Roth, P. Op. cit. P. 37.

[267] В ориг.: «An intelligence no longer impeded by the blight of stuttering». Roth, P. P. 142.

[268] Цурганова, Е. А. «Американская пастораль» Филипа Рота: от пасторали к постмодернизму // Человек: образ и сущность. № 1(22). М., 2011. С. 147.

[269] В ориг.: «The ugliest daughter ever born of two attractive parents. I renounce this! I renounce that! I renounce everything! That couldn't be it, could it?» Roth, P. Op. cit. P. 139.

него самого, но и для Мюррея, и даже для самого рассказчика, о чем он даже не подозревал.

История Айры – это история человека, чей путь полностью совпадает с образом пути того, чья «американская мечта» реализовалась. Сирота в итальянском квартале Ньюарка, рабочий на цинковой шахте, чернорабочий, он открыл в себе талант пародировать Авраама Линкольна на митингах профсоюза. Айра много читал, работал над качеством своей речи и постепенно дорос до уровня звезды – «отважного рыцаря радиоволн Железного Рина»[270]. Его семейная жизнь также сложилась удачно в видимом отношении – он женился на кинозвезде и театральной актрисе. Э. Конноли пишет по этому поводу: «Личная история Айры – это один из стремительных подъемов, который отражает классические индивидуалистические концепции американского самообразования»[271].

Об «американской мечте» в романе говорится часто. Ф. Рот рассыпает по тексту произведения – часто в ироническом свете – указания на тот или иной фрагмент общей картины американского счастья и американской исключительности, бытующей в общественном сознании.

Так, например, сам повзрослевший рассказчик свидетельствует о своей юности и о том, как в правильном направлении осуществлялась промывка мозгов граждан США: «Мои политические взгляды (как и вообще мое представление о человечестве) развивались по двум параллельным линиям – одна нарисовалась под влиянием книжек о чемпионах бейсбола, которым *трудно давались победы, и они прокладывали к ним дорогу вопреки напастям, унижениям и неудачам*, а другую прочертили романы о героях-американцах, которые *боролись против тирании и несправедливости, воюя за свободу для*

---

[270] В ориг.: «…the natural, hardy American of the airwaves Iron Rinn…» Roth, P. I married a communist. New York, 1998. P. 20.

[271] В ориг.: «Ira's personal story is one of meteoric rise that reflects classic individualist concepts of American self-fashioning». См.: Connoly, A. Philip Roth and the American Liberal Tradition. – USA, 2017. P. 61.

Америки и всего человечества. Героизм и страдание» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[272].

Радиодраматург Норман Корвин в пьесе «На победной ноте», которую «передавали по Си-Би-Эс в тот вечер, когда в Европе закончилась война (а потом, через восемь дней – еще раз, по просьбам радиослушателей)», вывел «“нормального малого”, который оказался не больше и не меньше, как *победителем в патриотической войне* и теперь возвращался в лоно обожающей его нации. *Маленький человек был истинным воплощением простого американца*!» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[273].

Речь идёт и о сплаве разных наций в едином американском «котле». Рассказчик снова свидетельствует: «Я был еврейским мальчиком, это без сомнения, но у меня не было желания становиться частью какого-то еврейского характера. Я толком не знал даже, что бы это такое могло быть. И не очень хотел знать. *Я хотел участвовать в становлении американского национального характера*. Что было в высшей степени естественно для моего рожденного в Америке отца, моей рожденной в Америке матери и в высшей степени естественно для меня» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[274].

У нормального американца обязательно должна быть крепкая семья и свой дом. Не случайно Айра, узнав о беременности жены, испытывает такую радость: «Ребенок! Своя собственная семья. И не с какой-то там бывшей стриптизеркой, которая не понравилась брату, а со знаменитой артисткой, звездой американского радио. Такое даже близко никогда ему не выпадало. И

---

[272] В ориг.: «My idealism (and my idea of a man) was being constructed along parallel lines, one fed by novels about baseball champions who won their games the hard way, suffering adversity and humiliation and many defeats as they struggled toward victory, and the other by novels about heroic Americans who fought against tyranny and injustice, champions of liberty for America and for all mankind. Heroic suffering.…» Roth, P. Op. cit. P. 21.

[273] В ориг.: «…for the little man - who turned out to be nothing less than the Americans who had fought the patriotic war and were coming back to an adoring nation. The little man was nothing less than Americans themselves!» Roth, P. P. 30.

[274] В ориг.: «I was a Jewish child, no two ways about that, but I didn't care to partake of the Jewish character. I didn't even know, clearly, what it was. I didn't much want to. I wanted to partake of the national character. Nothing had seemed to come more naturally to my American born parents, nothing came more naturally to me». Ibid.

положения такого он никогда не занимал. Ему самому с трудом верилось. Два года – и пожалуйста! Он закрепился, он больше не перекати-поле»[275].

Разумеется, невозможно представить американскую жизнь и без декларируемой возможности открыто высказывать свои убеждения. «Я верю в свободу убеждений. В *абсолютную* свободу убеждений», – заявляет брат Айры[276].

Ф. Рот показывает, что счастье Айры возможно лишь до тех пор, пока он следует коллективно принятому пониманию «американской мечты». Каждый может достичь её, однако это достижение должно проходить по определенным правилам. Катастрофа же в жизни Айры случается в тот момент, когда он приравнивает возможность каждого добиваться исполнения «мечты» и возможность каждого самостоятельно избирать свой путь. Декларируемая *абсолютная свобода* оказывается не равна *индивидуальной свободе*.

Айра осмелился высказать личное мнение о том, что дружба сенатора Гранта с Вернером фон Брауном, «грязным нацистом и сукиным сыном»[277], бывшим конструктором боевых ракет, которыми нацисты обстреливали европейские города, ныне работающим на правительство Соединенных Штатов, – дело презренное, недостойное честного человека. «Когда человек просто работает над вещами, которые служат для убийства, это и само по себе довольно скверно, но ваш-то приятель был другом Гитлера, Грант. Работал на Адольфа Гитлера! Может быть, вы об этом обо всем слыхом не слыхивали:

[275] В ориг.: «A child. A family of his own. And not with an ex-stripper whom his brother had disapproved of but with a renowned actress whom American radioland adored. It was the greatest thing ever to come his way. That solid foothold he'd never had before. He could hardly believe it. Two years – and this! The man wasn't impermanent anymore». Roth, P. Op. cit. P. 49.

[276] В ориг.: «I told her I thought as she did, that it was dead wrong to fire a person for his political beliefs. I believed in freedom of thought. Absolute freedom of thought. But I told her you don't go looking for that kind of fight. It's not an important issue». Roth, P. P. 54.

[277] В ориг.: «A Nazi son-of-a-bitch engineer. A filthy fascist son of a bitch». Roth, P. P. 98.

конечно, люди, которых он хотел убить, были не из таких, как вы, Грант, – это были люди вроде меня!» – кричит Айра политику в лицо[278].

В этой сцене как раз проявляется заблуждение Айры относительно собственной свободы:

«Он вдруг опять выскочил на верхнюю площадку и закричал:

– Здесь демократия, миссис Грант! Мои убеждения – это *мои* убеждения. Если хотите ознакомиться с убеждениями Айры Рингольда, достаточно спросить. И плевать мне, если они вам не понравятся или я сам вам не понравлюсь. Это мои убеждения, и даже если *никому* они не нравятся, мне плевать с высокой колокольни! Но тут другое: ваш-то муж зарплату получает от фашиста, так что едва кто-нибудь посмеет сказать что-то, что фашистам не нравится, он сразу же коммунист – «ах, коммунист, коммунист забрался в наш культурный и приличный дом»! Но если б вы могли чуть половчее ворочать мозгушками, догадались бы, что при демократии коммунистическая идеология, *любая* идеология…»[279]

Айра не договаривает свою речь, потому что его жена истошным воплем прерывает бурную дискуссию. Она выступает в роли гласа общества, нетерпимого к инакомыслию. Очень легко угадать непроизнесенное: «*любая* идеология…» – это, по сути, *любое* индивидуальное мнение, отличающееся от общепринятого в настоящий момент. Чуть позже это подтверждается публичным успехом книги Эвы, в которой она открывает тайну своего мужа – его принадлежность к коммунистической партии, «пять или шесть месяцев…

---

[278] В ориг.: «People who work and make things that kill people are bad enough, but this friend of yours was a friend of Hitler's, Grant. Worked for Adolf Hitler. Maybe you never heard about all this because the people he wanted to kill weren't Grants, Grant – they were people like me". Roth, P. Op. cit. P. 99.

[279] В ориг.: «He was instantly up out of the stairwell, and shouting, "This is a democracy, Mrs. Grant! My beliefs are my beliefs. If you want to know Ira Ringold's beliefs, all you have to do is ask him. I don't give a damn if you don't like them or me. These are my beliefs, and I don't give a damn if nobody likes them! But no, your husband draws his salary from a fascist, so anyone comes along daring to say what the fascists don't like to hear, it's Communist, Communist, there's a Communist in our civilized home.' But if you had enough flexibility in your thinking to know that in a democracy the Communist philosophy, any philosophy…» Roth, P. P. 100.

била рекорды продаж» в стране[280]. Автор обращает внимание на то, что «одним ударом Эва *лишила свою жизнь индивидуальности*»[281] (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*), совершив предательство по отношению к Айре. «Мой муж – коммунист, я вышла замуж за коммуниста, я спала с коммунистом, коммунист мучил мое дитя, из каждой радиоточки со всей ничего не подозревающей Америкой говорил коммунист, переодетый патриотом. *Лукавый двуличный негодяй, да на фоне настоящих имен настоящих звезд*, да еще и на зловещем фоне холодной войны… – конечно же, это стало бестселлером»[282] (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*). Брат Айры с грустью констатирует: «Айра стал воплощением коммунизма, олицетворением коммунизма для всей нации; Железный Рин стал для каждого личным врагом»[283].

Последующие события вновь подводят читателя к размышлениям о «коллективистском» и «индивидуалистском» началах в «американской мечте», об их противоборстве. После краха карьеры и всей жизни Айра пытается понять, что и где он сделал неправильно. Должен ли он был жить так, как *принято*, чтобы не устраивать себе ненужных сложностей. «Его послушать, так у него буквально все в жизни было неправильно с тех пор, как он уехал со Среднего Запада. Всякий живой человек стремится в жизни что-то постигать, достигать чего-то, но нет, послушать Айру – это неправильно, не надо было…»[284]

Общество показало ему, что индивидуальное начало опасно в принятии решений, однако Айра вновь и вновь пытается понять, мог ли *лично он*

---

[280] В ориг.: «…five or six months the book was at the top of the charts five or six months the book was at the top of the charts ». Roth, P. Op. cit. P. 176.

[281] В ориг.: «In a single stroke Eve managed to depersonalize her own life…» Ibid.

[282] В ориг.: «…married a Communist, I slept with a Communist, a Communist tormented my child, unsuspectingly America listened to a Communist, disguised as a patriot, on network radio. A wicked two-faced villain, the real names of real stars, a big Cold War backdrop - of course it became a best-seller». Ibid.

[283] В ориг.: «Ira became the personification of Communism, the personalized Communist for the nation: Iron Rinn was Everyman's Communist traitor…» Roth, P. P. 181.

[284] В ориг.: «In Ira's own estimation he should never have done any of the living he did once he left the Midwest. He shouldn't have had a human being's appetite for experience…» Ibid.

предвидеть что-либо. При этом его размышления доходят до крайней точки иронического самоуничижения: «Конечно, никто не может угадать будущее, и все склонны совершать ошибки, – а он говорит: нет, опять все не так, я мог, я должен был предвидеть. Он не должен был позволять себе устремляться ни к одной из житейских целей нормального взрослого, амбициозного мужчины. Надо было стать рабочим-коммунистом и сидеть в Ист-Чикаго посреди голой комнаты под шестидесятиваттной лампочкой в одиночестве – вот что провозглашалось теперь верхом совершенства, аскетической высотой, с которой он низвергнут в преисподнюю»[285].

В целом же отношения в романе развиваются от частной драмы к национальному скандалу, вскрывающему несостоятельность *индивидуальных* упований на свободу, обещанную человеку с самого начала существования американского общества.

Роман «Людское клеймо»[286]является финальной частью трилогии Ф. Рота, посвященной исследованию самоидентификации человека в мультикультурном обществе США. В нем, как и в двух предыдущих произведениях, в центре авторского внимания стоит оппозиция «индивидуализма» и «коллективизма» в понимании «американской мечты».

На первом плане в повествовании оказывается Коулмен Силк, профессор античной словесности в колледже города Афины в западном Массачусетсе. Рассказывает историю уже знакомый читателю Натан Цукерман, сосед Коулмена.

Личность Коулмена чрезвычайно интересует рассказчика. Тот впервые встречается с Коулменом после смерти от инсульта Айрис, его жены. Бывший

---

[285] В ориг.: «…human being's inability to read the future or a human being's propensity for making mistakes. He shouldn't have allowed himself to pursue a single one of a virile and ambitious man's worldly goals. Being a Communist laborer dwelling alone in a room in East Chicago under a sixty-watt bulb—that was now the ascetic height from which he had fallen into hell». Roth, P. Op. cit. P. 181.

[286] См.: Roth P. The Human Stain. New York, 2000. 361 p.

профессор колледжа никак не может прийти в себя после истории с обвинением в расизме в его адрес и просит Цукермана написать книгу с разоблачением лицемерного поведения преподавателей и администрации учебного заведения. Хотя Цукерман отказывается играть роль секретаря Коулмена, он находит его неотразимым и вскоре становится другом этого человека. Доброжелательность Цукермана к Коулмену еще более возрастает благодаря ощущению близкой национальной идентичности – как выясняется, они оба *не* принадлежат к «белым» американцам.

Внимание Цукермана устремлено к процессу реализации «американской мечты» Коулмена.

Коулмен Силк родился в афроамериканской семье с уровнем жизни ниже среднего, но зато с серьезными культурными устремлениями. Будучи блестящим студентом и непобедимым чемпионом на боксерском ринге, он никогда не задумывался о возможных проблемах из-за своей этнической принадлежности. Он считал, что как свободный человек может легко достичь своей «мечты». Благодаря сильному характеру и ясному осознанию своих индивидуальных возможностей, он создавал в жизни свои «правила», по которым жил. Так, например, его мать однажды в разговоре «почти два часа рассуждала о его стремлении обособиться, очевидном еще с младенчества»[287].

По иронии судьбы, первый поворотный момент в жизни Коулмена происходит не в момент близкого знакомства с «белой» Америкой, а тогда, когда его семью посещает отец одноклассника Берта Фенстермана. Это врач-еврей, работающий в той же больнице, что и мать Коулмена. Фенстерман предлагает три тысячи долларов в обмен на то, чтобы Коулмен, сознательно получив на паре экзаменов оценку «хорошо» вместо «отлично», уступил место

[287] В ориг.: «…his autonomy dating back to infancy, expertly taking in this autonomy dating back to infancy, expertly taking in the pain by delineating all she was up against and couldn't hope to oppose and would have to endure». Roth, P. Op. cit. P. 140.

Берту в качестве лучшего студента-выпускника. Смысл просьбы доктора Фенстермана заключался в том, чтобы с помощью этого трюка его собственный сын смог преодолеть дискриминационные квоты, устанавливаемые для евреев, желавших получить высшее образование.

Этот случай производит сильное воздействие на сознание Коулмена и его семьи. «Коулмен пришел от услышанного в… восторг»[288]. Перед его глазами оказался пример отчаянной борьбы за свои права, образец поведения человека, считающего допустимым идти на любые ухищрения, чтобы занять достойное место под солнцем. Так же думал и отец Коулмена: «для мистера Силка евреи, даже такие наглые и противные, как доктор Фенстерман, были вроде индейцев-следопытов – опытные, толковые люди, которые могут показать новичку дорогу, могут помочь культурной негритянской семье в поисках социальных возможностей и путей к успеху»[289].

Путь Коулмена к успеху связан с цветом его кожи. Она настолько светла, что несведующие люди принимают его за белого. И Коулмен принимает эту игру, пытаясь (в отличие от Мэри из «Американской пасторали») войти в американское общество на полных правах.

Абсолютно серьезной игра становится в тот момент, когда Коулмен должен произвести впечатление на тренера по боксу, работавшего со студентами Питтсбургского университета. Док Чизнер, взявший Коулмена в поездку, «не говорил в пути, чтобы Коулмен соврал питтсбургскому тренеру, будто он белый. Велел промолчать, и только»[290]. При удачном стечении обстоятельств представители Питтсбургского университета могли дать ему стипендию, которую Коулмен отрабатывал бы на соревнованиях боксированием

[288] В ориг.: «So delighted was he». Roth, P. Op. cit. P. 87.

[289] В ориг.: «For Coleman's father, the Jews, even audaciously unsavory Jews like Dr. Fensterman, were like Indian scouts, shrewd people showing the outsider his way in, showing the social possibility, showing an intelligent colored family how it might be done. That was how Coleman got to Doc Chizner and became the colored kid whom all the privileged Jewish kids got to know – probably the only one they would ever know». Roth, P. P. 97.

[290] В ориг.: « … it wasn't that on the way up Doc told him to tell the Pitt coach that he was white. He just told Coleman not to mention that he was colored». Roth, P. P. 98.

за учебное заведение. В крайнем бы случае, благодаря светлой коже Коулмена, все вокруг подумали бы, что он еврей, раз приехал с доком Чизнером.

Тем не менее, Коулмен поступил сначала не в Питтсбург, а в негритянский университет Хауарда, сделав это по настоянию отца. Отец желал приобщить сына к семейной традиции, по-своему, а в сущности – стандартно, видя счастливое будущее сына: «У мистера Силка был в голове план на долгие годы: Коулмен едет в Хауард, выучивается там на врача, знакомится со светлокожей негритянкой из хорошей семьи, женится, покупает дом и заводит детей, которые, когда вырастут, тоже будут учиться в Хауарде. В чисто негритянском университете Коулмен благодаря своему замечательному уму и внешности выдвинется в высшие круги негритянского общества, станет человеком, на которого другие неизменно будут смотреть снизу вверх»[291].

Коулмен очень быстро возненавидел и сам университет Хауард, и весь навязанный ему образ жизни. Лишь после смерти отца он смог самостоятельно выбирать свой путь в жизни. Для этого, правда, пришлось пройти через серьезный душевный кризис, связанный с внезапным осознанием принятой ответственности. «До того дня, как он приехал в Вашингтон и поступил в Хауард, именно отец, нравилось это Коулмену или нет, сочинял историю его жизни; теперь надо было писать ее самому, и эта перспектива ужасала. А потом перестала ужасать. Миновали три жутких дня, жуткая неделя, две жуткие недели – и вдруг, неизвестно откуда, радость»[292].

Коулмен решил реализовать свою индивидуальную «американскую мечту» – достичь успеха как «белый». Он «не мог допустить, чтобы ему подрезало крылья такое случайное обстоятельство, как раса», надумав «взять

---

[291] В ориг.: «…it wasn't that on the way up Doc told him to tell the Pitt coach that he was white. He just told Coleman not to mention that he was colored». Roth, P. Op. cit. P. 98.

[292] В ориг.: «Coleman was going to Howard to become a doctor, to meet a light-skinned girl there from a good Negro family, to marry and settle down and have children who would in turn go to Howard. At all-Negro Howard, Coleman's tremendous advantages of intellect and of appearance would launch him into the topmost ranks of Negro society, make of him someone people would forever look up to». Roth, P. P. 102.

будущее в свои руки вместо того, чтобы подчиниться судьбе, навязанной отсталым обществом». Он был уверен, «что в его решении стать белым нет ничего плохого – наоборот, это совершенно естественно для человека с его отношением к жизни, темпераментом и цветом кожи. С самого раннего детства он хотел одного – быть свободным. Не только не черным, но даже и не белым, просто свободным»[293].

Коулмен отказался от своей афроамериканской идентичности, приняв взамен образ жизни белого человека. С этого момента он бесконечно приспосабливается к новой реальности существования. Он отрекается от своей семьи, скрывая обстоятельства своего рождения. Он отрекается от самой мысли, что он на самом деле – «черный»[294]. Это обусловливалось его знанием о недостижимости «американской мечты» для «черных». Одним из первых доказательств этой недостижимости стал, например, отказ девушки Коулмена связать с ним свою судьбу из-за того, что она узнала о его негритянском происхождении.

Ф. Рот не сразу показывает глубину конфликта между действительным и кажущимся в судьбе Коулмена Силка. В начале повествования перед нами вполне успешный человек – в юности оригинальный боксер, побеждавший всех соперников, затем – победитель фашизма, служивший в военно-морском флоте США, затем – студент-отличник «белого» университета в Нью-Йорке, затем – декан, радикально реформировавший учебный процесс в колледже Афин, устроивший «революцию качества»[295]… Рассказчик отмечает «лидирующее

---

[293] В ориг.: «…he could not allow his prospects to be unjustly limited by so arbitrary a designation as race <…> he had chosen to take the future into his own hands rather than to leave it to an unenlightened society <…> He would get her to see that far from there being anything wrong with his decision to identify himself as white, it was the most natural thing for someone with his outlook and temperament and skin color to have done. All he'd ever wanted, from earliest childhood on, was to be free». Roth, P. Op. cit. P. 120.

[294] Во время одного из боев на профессиональном ринге боксерский агент просит Коулмена сначала «прощупать» соперника – «ниггера», а лишь потом, в четвертом раунде, его прикончить. Коулмен никак не реагирует на слово «ниггер». Завершив бой очень быстро, он заявляет: «С черномазыми нянчиться не желаю». В ориг.: «Because I don't carry no nigger». Roth, P. P. 117.

[295] В ориг.: «the revolution of quality». Roth, P. P. 9.

положение, какое он привык занимать всегда и везде», положение, которое «превращалось в систему: успехи вовлекали его то в одно, то в другое»[296]. По замечанию сестры Коулмена: «Самый белый колледж в Новой Англии – и там-то Коулмен делает карьеру. Самый белый предмет в расписании – и его-то Коулмен выбирает, чтобы преподавать… Коулмен белее белых, и этим все сказано»[297].

На этом фоне катастрофа, случившаяся с Коулменом, выглядит подчеркнуто нелепой.

Во время занятий в колледже, отмечая отсутствующих учеников, он, профессор античной словесности, безо всякой задней мысли задал аудитории метафорически невинный вопрос: «Кто-нибудь знает этих людей? Они существуют или они *призраки*?» (курсив наш. – *С.К.Б.Р.*)[298].

Формулировка «призраки» была мгновенно использована нерадивыми студентками-негритянками и теми, кого раздражали реформы Коулмена. Коулмена обвинили в расовой неприязни к прогульщицам его занятий, ухватившись за жаргонное значение слова «spooks» («призраки») – «*ниггер*».

«В тот же день он был вызван к новой деканше, его преемнице, и, к своему изумлению, проинформирован, что две студентки, которые оказались чернокожими и которым отсутствие на занятиях не помешало мгновенно узнать про использованное профессором выражение, обвинили его в расизме. Коулмен сказал ей: „Я имел в виду их, возможно, призрачную природу – неужели не ясно? Эта парочка не была на занятиях ни разу. Больше мне ничего о них не было известно. Я употребил слово „духи“ в его обычном и первичном значении – „привидения, призраки“. Я понятия не имел об их цвете кожи. Лет пятьдесят

---

[296] В ориг.: «…his performance at school as outstanding as it had always been. <…> This was beginning to look like a pattern: he kept getting co-opted because of his academic prowess». Roth, P. Op. cit. P. 110.

[297] В ориг.: «As white a college as there was in New England, and that's where Coleman made his career. As white a subject as there was in the curriculum, and that's what Coleman chose to teach. To Walter, Coleman is more white than the whites. There is nothing beyond that for him to say». Roth, P. P. 318.

[298] В ориг.: «Does anyone know these people? Do they exist or are they spooks?» Roth, P. P. 6.

назад я, может быть, и знал, что духами иногда уничижительно называют черных, – но с тех пор начисто об этом забыл»[299].

Ирония заключается в том, что в расовой ненависти к «черным» в политкорректном обществе обвиняют черного по происхождению человека[300]. И он почти проговорился об этом («Лет пятьдесят назад я…»). Трагедия Коулмена в том, что он не желает признаваться в своем «черном» происхождении, потому что тогда вскроется глобальный обман его жизни. Ведь даже его жена Айрис не знала, что он негр[301].

Автор показывает, как *личная* правда капитулирует перед *правдой* общества. Коулмен мог бы продолжить свою преподавательскую деятельность в колледже, принеся необходимые извинения, что, собственно, признает и его главная гонительница, Дельфина Ру. Однако это означало бы его публичную капитуляцию, означало бы крах всей его программы успеха, и Коулмен предпочитает уволиться из университета и выйти на пенсию. Не случайно М. Киммедж характеризует Коулмена как слишком романтичного индивидуалиста, который воспринимает свой уход как героический поступок[302].

---

[299] В ориг.: «I was referring to their possibly ectoplasmic character. Isn't that obvious? These two students had not attended a single class. That's all I knew about them. I was using the word in its customary and primary meaning: 'spook' as a specter or a ghost. I had no idea what color these two students might be. I had known perhaps fifty years ago but had wholly forgotten that 'spooks' is an invidious term sometimes applied to blacks». Roth, P. Op. cit. P. 6.

[300] Рассказчик «не мог даже уследить за хронологией ужаса, пять месяцев окружавшего и его, и покойную Айрис Силк: изматывающая череда встреч, слушаний и собеседований, документы и докладные записки, представляемые им руководству колледжа, преподавательским комитетам, чернокожему адвокату, защищавшему интересы обиженных студенток на общественных началах… обвинения, отрицания и контробвинения, тупость, невежество и цинизм, грубые, сознательные передержки, утомительные многократные объяснения, вопросы, задаваемые прокурорским тоном, — и везде и всюду, неизменно, чувство нереальности происходящего». В ориг.: «… could not even begin to follow the chronology of the horror that, for five months now, had engulfed him and the late Iris Silk: the punishing immersion in meetings, hearings, and interviews, the documents and letters submitted to college officials, to faculty committees, to a pro bono black lawyer representing the two students . . . the charges, denials, and countercharges, the obtuseness, ignorance, and cynicism, the gross and deliberate misinterpretations, the laborious, repetitious explanations, the prosecutorial questions—and always, perpetually, the pervasive sense of unreality». Roth, P. P. 12.

[301] «Коулмен сказал Айрис, что он еврей. Силк – это на самом деле Зильберцвейг, новую американизированную фамилию подарил его отцу великодушный таможенник на Эллис-Айленде…». В ориг.: «…he told Iris was that he was Jewish, Silk being an Ellis Island attenuation of Silberzweig, imposed on his father by a charitable customs official». Roth, P. P. 130.

[302] См.: Kimmage, M. In History's Grip: Philip Roth's Newark Trilogy. Stanford, 2012. P. 91.

Ф. Рот на этом не заканчивает историю Коулмена Силка. Герой по-прежнему считает, что имеет возможность самостоятельно выстраивать свой путь к мечте, что его личностное, индивидуальное понимание своего счастья неизмеримо важнее того, что могут думать в обществе. После смерти жены, не вынесшей травли мужа, он завязывает сексуальные отношения с молодой женщиной Фауни – уборщицей в колледже. Его не смущает ни разница в возрасте (ему на тот момент 71 год, ей – 34), ни разница в социальном положении, ни прошлое избранницы [303]. Если ранее Коулмен постоянно оглядывался на условности, принятые в обществе, то теперь он демонстративно безразличен к ним. Он наслаждается счастливым случаем, выпавшим на его долю, откровенно признавая: «Я не собираюсь применять к ней мою чудесную добродетель. И к себе тоже. С этим покончено»[304].

Однако окружающие негативно воспринимают близость Коулмена и Фауни. Бывший муж молодой женщины приходит в бешенство, узнав, что она сошлась с кем-то другим. «Жена ложится под пархатого профессоришку? Что-то не очень их видно было во Вьетнаме, этих пархатых. Не до того – диссертации защищали. Еврейский ублюдок. Что-то с ними, с этими еврейскими ублюдками, не то. Как-то не так они выглядят. И она *с ним?* Боже ты мой. Куда блевануть? И за что, *за что?*»[305] При этом следует обратить внимание на очередной парадокс национальной идентификации Коулмена: его вновь воспринимают не как негра! Совершается очередная подмена. И Коулмен вновь соглашается с происходящим, отказываясь от себя настоящего.

---

[303] «Он не только предполагал, что в семнадцать лет ее могла завлекать идея стать проституткой, но и думал, что эта идея претворялась в реальный опыт». В ориг.: «Not only did he think that at seventeen she thought being a hooker might be a good idea, he thought that it was an idea that she had more than simply entertained». См.: Roth P. The Human Stain. P. 160.

[304] В ориг.: «I'm not going to impose my wonderful virtue on her. Or on myself. That's over». Roth, P. Op. cit. P. 35.

[305] В ориг.: «… wife goes down on some two-bit kike professor? There weren't too many kikes in Vietnam, not that he can remember. They were too busy getting their degrees. Jew bastard. There's something wrong with those Jew bastards. They don't look right. She goes down on him? Jesus Christ. Vomit, man. What was it all for?» Roth, P. P. 70.

Прослеживая историю Коулмена Силка, Ф. Рот обращает внимание на тончайшие нюансы его поведения и мировоззрения. Коулмен, пережив психологическую травму после расставания с девушкой, вызванную несовпадением их рас (он – негр, она – из Скандинавии), решает отказаться от собственной индивидуальности и принять правила игры, установленные обществом. Его сестра была права, когда утверждала[306], что подобный отказ приведет только к внутреннему расколу в человеке, что Коулмен может с успехом надеть маску белого человека, однако он никуда не спрячет свои чувства. «От нас он мог себя отрезать, но от своих чувств – никогда. Особенно от своих чувств к детям. Я думаю, он понял, что это ужасно, когда от человека скрывают нечто важное о том, кто он есть…»[307] Тем не менее Коулмен живёт по *общепринятым* правилам успешного человека, что оборачивается катастрофой. «Коллективное» и «индивидуальное» в понимании «американской мечты» в данном случае не связываются друг с другом. Однако и затем, в истории любви Коулмена к Фауни, не прослеживается гармонии между индивидуальным пониманием счастья и общественной моралью. Коулмен после увольнения из колледжа решает жить уже по *собственным* правилам, что опять-таки приводит к конфликту с обществом и в конечном отношении к катастрофе.

Таким образом, мы видим, что герой Ф. Рота в этом романе, как и в предыдущих произведениях трилогии, становится жертвой общества. Восприняв идею «американской мечты» – личностный успех, материальный достаток, высокое положение в обществе, он оказывается заложником общественного мнения, заложником существующего *коллективного* понимания того, что есть хорошо и что есть плохо. Его *индивидуальные* устремления, *индивидуальное* понимания успеха в жизни неизбежно приводит к конфликту с

---

[306] В разговоре с Цукерманом уже после смерти Коулмена.

[307] В ориг.: «Coleman suffered for his decision. Nothing ever escaped Coleman's attention, and that held true for his own feelings. He could cut himself away from us, but not from his feelings». Roth, P. Op. cit. P. 320.

обществом. Так реализуется оппозиция «индивидуализм» – «коллективизм» в авторской трактовке феномена «американской мечты».

§ 6. «Американская мечта» между прошлым и будущим в романе Елены Ахтиорской «Паника в чемодане»

Уже в XIX веке обнаружилось, что колоссальное количество европейцев и выходцев из Азии стремилось в США, будучи захваченным представлениями о лучшей жизни. Таким образом, совершенно очевидно, что «американская мечта» существует в сознании не только американцев. Соответственно, значимым оказывается условие её культивирования вне Америки, распространение представлений о ней как представления о самих США. На это указывал, например, Р. де Висм Уильямсон, университетский преподаватель (Принстон, Теннесси, Луизиана и др.) и один из ведущих теоретиков-политологов 1950-1960-х гг., который считал, что «американская мечта» должна существовать не только для американцев, но и для других народов[308]. О подобном энвайронментализме «американской мечты» писал и известный журналист Д. Фореман (публиковался в журналах «The New Yorker», «The National Review», «The London Daily Telegraph», «The Weekly Standard», «City Journal», «the National Law Journal», «Los Angeles and Spy»): «Если «американская мечта» будет только для американцев, то она останется только нашей мечтой и никогда не станет нашей судьбой»[309].

Подобные взгляды подразумевают распространение высоких идей, сформулированных отцами-основателями США, по всему миру и превращение

---

[308] Williamson, R. Independence and Involvement: A Christian Re-Orientation in Political Science. Louisiana, 1964. 269 p.

[309] В ориг.: «If the American dream is for Americans only, it will remain our dream and never be our destiny». Foreman, J. The Pocket Book of Patriotism. Canada, 2005. P. 91. Его высказывание является, по сути, цитатой из Рене де Висма Уильямсона, что доказывает не единичность подобных представлений.

Америки в самую привлекательную страну в сознании людей. Декларация независимости, основополагающий документ американской революции в XVIII в., может быть принята любым человеком на земле.

В этой связи вполне закономерно, что отражение феномена «американской мечты» можно проследить и в сознании писателей-иммигрантов. Так, в романе Е. Ахтиорской «Паника в чемодане» изображается жизнь еврейской семьи Насмертовых, большая часть которой ещё в советские годы покинула Украину и перебралась в Соединённые Штаты Америки. Лишь дядя Паша, сын Эстер, остался в Одессе. Эта незримая связь между Одессой и Брайтон-Бич заставляет читателя задуматься о связи различных культур и поколений и позволяет писательнице показать особенности надежд и переживаний иммигрантов, стремящихся к реализации своей «американской мечты»[310].

Роман имеет несомненную автобиографическую природу. Писательница, родившаяся на Украине в 1985 г., также переехала со своей семьей на Брайтон-Бич (в 1992 г.). «Половина нашей семьи все еще в Одессе – мой дядя, тетя, мои родственники, которые очень близки нам»[311], – говорит Ахтиорская. – «Мы вспоминаем о них практически каждый день»[312].

Отражением этого обстоятельства является отдельная интрига в романе: укоренившиеся в Америке Насмертовы отчаянно хотят, чтобы дядя Паша также переехал к ним[313]. Именно здесь открывает себя смысловая оппозиция «фьючеризма» / «пастизма», связанная с феноменом «американской мечты».

---

[310] Неслучайно газета «Вашингтон пост» назвала книгу Елены Ахтиорской великим романом об иммиграции. См.: Мухаметов, О. Неблагодарный иммигрант // HSE PRESS. б.д. URL: http://hsepress.ru/article/2056 (дата обращения: 03.05.2017).

[311] В ориг.: «Half of our family is still in Odessa – my uncle, my aunt, my cousins who are very close to us». См.: Interview with Elena Akhtorskaya // pri. URL: https://www.pri.org/node/69150/popout (дата обращения: 20.06.2017).

[312] В ориг.: «We speak to them basically every single day». Ibid.

[313] «Его сестра, Марина, сделала все возможное, чтобы упростить процесс, за исключением аренды частного самолета. Она определилась с датами и отправила ему деньги на билет». В ориг.: «His sister, Marina, had done everything within her power to simplify the process short of chartering a private jet. She'd decided on the dates and sent him the fare for his ticket». Akhtiorskaya, E. Panic in a Suitcase. New York, 2014. P. 4. Чтобы лучше понимать

Америка представляется членам семьи Насмертовых если не землёй обетованной, то, по крайней мере, страной, в которой можно нормально жить. Следует учитывать важное обстоятельство: действие романа разворачивается сразу же после распада Советского Союза. «Американская мечта» в этой ситуации связана в сознании персонажей с целой суммой переживаний – желанием обрести устойчивый мир вокруг себя, стремлением к элементарному бытовому комфорту, надеждой воспользоваться качественным социальным или медицинским обслуживанием. Неслучайно Е. Ахтиорская рисует комичный эпизод посещения Пашей и Мишей, друзьями детства, уличной закусочной Нью-Йорка. Несмотря на разнообразие пунктов меню, на стол к ним «приехали гамбургеры, на гигантских тарелках разлетелись ломтики помидоров и лука, похожие на пластик». Гамбургер выступает здесь символом настоящей Америки, к которой происходит приобщение Паши. Проблема в том, что Паша, выросший в Советском Союзе, не очень похож на «настоящего» американского гражданина:

«Паше не хватало сноровки, чтобы справиться со своим гамбургером. После того, как он испробовал разные стратегии, котлета была порезана на мелкие кусочки, которые жевались только на левой стороне его рта. Всякий раз, когда мясо норовило сдвинуться вправо, Паша морщился от боли»[314].

Паша являет собой пример того, как плохо **не быть** американским гражданином: у него «на зубах имелся чайный налёт; между ними виднелись щели; серебряные коронки[315] были утоплены в кровоточащие десны. Миша провел языком по своему ряду зубов, где царил порядок <…> Любые сомнения

отношения между персонажами, приведем генеалогию Насмертовых: Роберт и Эстер представляют первое поколение. Их дети – старшая сестра Марина и Паша. Марина замужем за Левиком, у них есть дочь Фрида. Миша и Паша ровесники и вместе ходили в одесскую школу. Миша влюблен в Марину.

[314] В ориг.: «Pasha wasn't coordinated enough to tackle his burger. After he'd tried various strategies, the patty was chopped up into tiny pieces, which were chewed only on the left side of his mouth. Whenever the meat snuck over to the right, Pasha winced in pain». Akhtiorskaya, E. Op. cit. P. 38.

[315] Серебряные коронки – хоть и проверенный, но уже устаревший способ протезирования и реставрации зубов.

относительно пользы иммиграции могли быть смягчены одним взглядом в пасть Паши. Паша не заметил ужаса, с которым его анализировали»[316]. Ироничный авторский намек совершенно очевиден: живи Паша в Америке, перед ним бы открывались все возможности передовой медицины.

Е. Ахтиорская изображает стандартный путь человека, который хочет чего-то достичь. Этот человек должен много работать, некоторое время, возможно, испытывать лишения, затем он сможет подняться по социальной лестнице и обеспечить своё будущее и будущее своих детей. Именно такой видит свою судьбу в Америке Миша: он «работает до кровавого пота в течение двух лет, затем делает респектабельную карьеру с достойным жалованьем и видами на пенсию, он надеется на то, что его потомству будет легче в жизни»[317]. Хотя при этом ему не всегда удается делать хорошую мину при плохой игре, не всегда удается изображать, что все проходит гладко. «Он пытался жить так, как будто его жизнь была успешной, что неизбежно приводило к несоответствиям и несовпадениям», – замечает автор[318]. Тем не менее перед глазами у Миши и ему подобных иммигрантов всегда был «полный пакет американской мечты, который включал в себя сертификат о завершении борьбы, пентхаус на Парк Авеню, со вкусом подобранную коллекцию автомобилей, новое лицо для жены еще до того, как старое стало дерьмом, и квартиру в центре города для их художественно одарённого сына»[319].

---

[316] В ориг.: «The teeth were tea-stained, wobbly; there were gaps, silver crowns, recessed gums swollen with blood. Misha ran his tongue over his own set, where order reigned, but was only partially reassured. A clammy streak formed at his taut hairline. Any doubts as to the benefit of immigration could be assuaged by one glance into Pasha's mouth. Pasha didn't notice the horror with which he was being analyzed». Akhtiorskaya, E. Op. cit. P. 38.

[317] В ориг.: «…sweat blood for two years, then fall into a respectable career with decent pay and a retirement plan, fueled by the hope that your progeny will have a better go of it but too old to attempt camouflage, hoping only that the seams don't show». Akhtiorskaya, E. P. 25.

[318] В ориг.: «He tried to live as if his life were a success, which inevitably led to discrepancies and incongruities». Akhtiorskaya, E. P. 26.

[319] В ориг.: «They abridged the struggle and settled for nothing short of the full American-dream package, which included a certificate of struggle completion, Park Avenue penthouse, tasteful collection of automobiles, new face for the wife even before the old one went to shit, and a downtown apartment for their artistic son». Akhtiorskaya, E. P. 25.

Насколько реальны эти ожидания? *Фьючеризм* «американской мечты» подчас граничит с абсурдом, ибо наивные ожидания легко разбиваются о суровую реальность. В 1993 году Насмертовы вместо обладания собственным пентхаусом «снимали крошечный уголок в старом разрушающемся доме, из которого они сделали аккуратную копию неряшливого, несовершенного оригинала»[320]. Они мечтали об улучшении материального положения, однако день за днём им приходилось всячески преодолевать безденежье. «Она [Эстер. – *С.К.Б.Р.*] могла сварить на неделю суп из топора и, возможно, завядшего кочана капусты, использовать изношенные шторы, чтобы одеть свою семью (в том числе дальних двоюродных братьев, если это будет необходимо), вылечить простуду и любые другие болезни, не вызывающие рвоты (рвота не вызывала жалоб), и вытащить свою семью из беды без единой царапины». При этом Насмертовы жили с ощущением какой-то «ужасной неисправности» в новом мире[321]. На углу их дома существовали «маленькие старушки, продававшие рецептурные таблетки и старые шубы», и бывший «профессор физики, предлагавший всем старые часы», там играли горячие, хотя и не профессиональные музыканты»[322]. Сама писательница после переезда в Америку достаточно трезво оценивала подобную ситуацию. Она так высказалась о постоянных ожиданиях счастливого *будущего*: «Мы живем в футуристическом абсурде. Удивительно, насколько это скучно»[323].

Отложенный *фьючеризм* «американской мечты» находит свое выражение во множестве характерных деталей повествования.

---

[320] В ориг.: «…they'd borrowed a tiny nook at the very rear of someone else's crumbling estate to make a tidy replication of the messy, imperfect original». Akhtiorskaya, E. Op. cit. P. 13.

[321] В ориг.: «…she could produce a week's worth of meals from iron shavings, lint, and maybe a wilted head of cabbage, use a threadbare curtain to dress her family (distant cousins included if need be), cure the common cold and any other malady non emetic in nature (puking elicited no sympathy), and get her family out of a disaster without a scratch. But they were witness to a terrible malfunction». Akhtiorskaya, E. P. 16.

[322] В ориг.: «…for example the little grandmas selling prescription pills and old furs on the corner, the physics professor with his pile of used watches, the open-air concerts by ardent if not expert musicians». Akhtiorskaya, E. P. 85.

[323] В ориг.: «We are living in a futurist absurdity. The surprise is just how boring it is». См.: Interview Elena Akhtorskaya with Diego Baez // lareviewofbooks. URL: https://lareviewofbooks.org/article/chaos/#!) (дата обращения: 10.05.2017).

Это может быть, например, постоянный подсчёт дней, проведенных Насмертовыми в Америке. Подобно Робинзону Крузо, они совершают метафорические зарубки на дереве памяти, однако при этом совершенно непонятным остается их смысл. Даже когда порядковый счет переваливает на восьмую сотню[324], они не останавливаются. «Они все еще считали, – отмечает рассказчик, – хотя становилось всё менее ясным, с какой целью»[325].

В другом эпизоде мы узнаём о весьма скромном заработке, который получают Роберт и Эстер. Они украшают абажуры бусинками, получая крохотное вознаграждение за это, хотя читателю сразу становится очевидным, что нанизывание на нить цветных шариков всего лишь успокаивает их взвинченные нервы. Бусы могут восприниматься как символ. С одной стороны, они символизируют состоявшееся разочарование в реальности «американской мечты», ибо на гонорары за такую работу не купить ни пентхауса, ни автомобиля. С другой стороны, они выражают существование слабой надежды (ведь не может быть бессмысленной работы!) в сознании персонажей. Роберт и Эстер переносят свою мечту о счастливом настоящем, которое вот-вот должно было состояться, на будущее, в котором счастливо будут жить их дети[326].

Дочь Эстер и Роберта Марина работает уборщицей у богатых иммигрантов-евреев. Роль Золушки, которую ей приходится играть, половинчата. Марина испытывает лишь с раздражение от неряшливых хозяев, в то время как сказочный принц никак не собирается появляться в её жизни. Марина чувствует себя оскорбленной и обманутой в прежних ожиданиях.

---

[324] 715 дней.

[325] В ориг.: «They were still counting, the narrator notes, though it was getting less clear to what end». Akhtiorskaya, E. Op. cit. P. 21.

[326] Жизненную точность наблюдений Е. Ахтиорской легко подтвердить, например, указанием на пример функционирования Русско-Американского фонда Марины Ковалёвой (с 1997 г.), который пропагандирует в американском обществе интерес к русской культуре и языку, а также организует различные совместные проекты. Отвечая на вопрос корреспондента об особенностях своей деятельности, М. Ковалёва сказала: «Моя “американская мечта” – это когда начинаешь с нуля и взлетаешь на, казалось бы, недосягаемую высоту в деле, которое тебе дорого. Со мной это случилось трижды». См.: Генова, А. «Американская мечта» Марины Ковалёвой // Русский мир: информационный портал Фонда «Русский мир». URL: https://russkiymir.ru/publications/219809/ (дата обращения: 20.03.2018).

«Жизнь приберегла свой самый острый юмор для особенных ожиданий, вот в чем шутка», – с грустью говорит она[327].

Е. Ахтиорская так выстраивает повествование, что основой сюжета становится именно бинарная оппозиция *фьючеризма* и *пастизма*. В сознании членов семьи Насмертовых постоянно маячит фигура Паши, оставшегося в Одессе. Думая о нём, мечтая перетянуть и его в Новый Свет, Насмертовы сами не замечают, насколько сильна в них тяга к прошлой жизни. В 2008 году, спустя пятнадцать лет после того, как они эмигрировали в Америку, Фрида, внучка Эстер и Роберта, решает вернуться в Одессу, чтобы написать биографию своего дяди-поэта. «Небрежный, самовлюбленный, поглощенный мыслями»[328] Паша, который всегда выглядит «как будто он едва избежал пожара в доме»[329], – это тип человека, который мало соответствует её идеальному образу предприимчивого американца. «Паша мог родиться лишь поэтом. Если бы он отличался умом, то родился бы, по крайней мере, полвека назад в благородной семье… Вместо этого Паша родился в 1956 году…» – замечает автор[330]. Паша длительное время не поддаётся просьбам семьи присоединиться к родным в Нью-Йорке, он не может оставить своё прошлое ради неопределённого будущего. Он не ладит с женой, однако мысль оставить с ней сына и уехать в Америку ужасает его. Чемодан лежит под его креслом, но наполнить его у Паши получается не какими-либо вещами, а – метафорически – лишь своей паникой перед предстоящей поездкой. «Он помнил полусветлый сон, который привел к открытию: он был на каноэ без весел. Он начал искать что-нибудь для гребли, вплоть до этого момента, повторяющийся сон, но на этот раз он нашел

---

[327] В ориг.: «Life reserved its most pungent humor for those special enough to get the joke». Akhtiorskaya, E. Op. cit. P. 63.

[328] В ориг.: «Neglectful, self-involved, preoccupied». Akhtiorskaya, E. P. 5.

[329] В ориг.: «like he'd barely escaped a house fire». Akhtiorskaya, E. P. 22.

[330] В ориг.: «Pasha didn't have just any constitution but that of a poet…If he'd been smart, he would've been born at least half a century earlier into a noble family…Instead Pasha was born in 1956 to a family whose nobility was strictly of spirit». Akhtiorskaya, E. P. 3.

под своим сидением чемодан, который превратился в пыль, как только он коснулся его»[331].

Е. Ахтиорская обращает внимание на интересный психологический момент, важный для понимания особенностей «американской мечты», присущих сознанию многих иммигрантов. Удивительно, но в какой-то момент Насмертовы задаются вопросом: а так ли уж они желают приезда к ним Паши? Ведь это навсегда разорвёт их связь с прежней родиной. Тем более что после распада Советского Союза сами собой снялись препоны для передвижения между странами.

Да, действительно, первую книгу стихов «Родовая лента» («Ancestral Belt») Паша опубликовал в Нью-Йорке, что стало началом его писательской карьеры. Он восхищается и товарным изобилием Запада. Однако при этом он не хочет обрубать духовные корни, привязывающие его к прежнему миру. Уже в начале повествования мы узнаём о том, что иудей Паша принимает православие, чтобы связь со славянским миром была крепче, и его поступок вызывает изумление у Насмертовых. Паша, как ни уговаривает его Эстер, не желает следовать сладким обещаниям *будущего*, характерным для «американской мечты», как поступила ранее его семья. Паша понимает, что для того, чтобы эмигрировать и найти новое будущее, он должен оставить свой любимый дом, где глубоко захоронено прошлое. Поэтому он остается жить в Одессе, перебираясь на дачу под городом. Любопытно, что остальные Насмертовы испытывают едва ли не облегчение, вызванное его решением: «Связи не были разорваны; Одесса осталась с ними»[332]. Все члены семьи знают,

---

[331] В ориг.: «He remembered the semi-lucid dream that had led to the breakthrough: He was in a canoe with no oars. He began to search for something to paddle with, up to this point a recurring dream, but this time he found under his seat a suitcase that crumbled to dust the moment he touched it». Akhtiorskaya, E. Op. cit. P. 79.

[332] В ориг.: «Pasha relocated to their dacha. This knowledge brought great solace. It was permission to stay sane. Ties hadn't been severed; Odessa remained theirs». Akhtiorskaya, E. P. 94.

что у них есть причина вернуться на родину, что у них всех есть опора в старом мире.

Когда спустя пятнадцать лет Фрида попытается уговорить своих родных совершить общесемейную поездку в Одессу, это окажется невозможным по причине трудного материального положения Насмертовых. Такая деталь подчёркивает, что за прошедшее время «американская мечта» так и не приблизилась к ним, им не удалось разбогатеть благодаря своему труду. Фрида поедет на прежнюю родину одна, связывая друг с другом *прошлое* и *будущее* жизни. И, что удивительно, Фрида примет невероятное решение, продиктованное не американским опытом жизни, а новыми для неё ощущениями: она оставит карьеру медика и решит сделаться писательницей, как Паша. И её первой книгой будет биография Паши, заметной звезды на литературном небосклоне прежней родины[333].

Примечательно, что многие места романа наполнены авторской иронией в адрес типично американских вещей и американского образа жизни. Так, например, Марина весьма скептически относится к повседневным привычкам американских женщин, к их манере одеваться: «Женщины выходили из дома в незастегнутых штанах, в мятых куртках и – окончательный позор! – в кроссовках. Шпильки не обязательны, но всё же неприлично надевать обувь с каблуком менее двух дюймов! Конечно, она была готова к плачевному облику американской женщины; этот стереотип распространился уже по всему земному шару. Удивило то, что ее подруги – Люба, Вера, Ирина – не теряли времени. Их физическая адаптация была полной. За те несколько лет, что Марина не видела их, они потеряли свои талии, коротко обрезали волосы и полностью приняли

[333] Прототипом Паши стал родной дядя Е. Ахтиорской – Борис Херсонский. «Он один из самых блестящих людей, которых я знаю, может быть, один из самых ярких людей во Вселенной», – говорит она. В ориг.: «He is one of the most brilliant people I know, maybe one of the most brilliant people in the universe». Interview with Elena Akhtorskaya // pri. URL: https://www.pri.org/node/69150/popout (дата обращения: 20.06.2017)..

«Я думаю, что именно тот факт, что я так долго размышляла о ситуации моего дяди ... вдохновил меня написать эту книгу», – говорит Ахтиорская. В ориг.: «I think the fact that I was thinking so long about my uncle's situation ... inspired me to write this book». Ibid.

религию комфорта: надели брюки, которые могли вместить подгузник внутри, и современный эквивалент лаптей… Марина дала обещание не поддаваться. Она курила в два раза больше и делала вид, что не любит вкус картофеля фри. Страсть к кока-коле было невозможно скрыть»[334].

Да и Брайтон-Бич предстаёт в романе перед Пашей как бледное факсимиле реального города. Первое его впечатление было ужасным. Грязь, мрачные улицы...[335]

Именно поэтому роман Е. Ахтиорской многие восприняли не как гимн «американской мечте», а напротив – как предостережение иммигрантам, питающим излишне завышенные ожидания. Как написала С. Гринблат в рецензии на роман, «многие поймут переживания семьи Елены Ахтиорской, когда прочитают роман. Она сама считает, что он в какой-то степени противоиммигрантский. Елена не разделяет мнение многих о том, что покидая старое место и переезжая в другую страну, ты делаешь правильный выбор, что эмиграция – это большой шаг вперед, открывающий перед тобой неограниченные возможности. “Может быть, всем было бы лучше остаться на родине, – задается вопросом автор, – по крайней мере, в этом есть свои преимущества”»[336].

Таким образом, в произведении Е. Ахтиорской мы также находим отражение феномена «американской мечты», однако, как и в других проанализированных ранее книгах, понимание его связано с актуализацией в

---

[334] В ориг.: «Women left home in unfitted pants, wrinkled jackets, and the ultimate ignominy: sneakers. It didn’t have to be a stiletto, but anything less than two inches was indecent! Of course she’d been prepared for the sorry state of the American female; the stereotype had spread across the globe. The surprise was that her friends — Lyuba, Vera, Irina — hadn’t wasted any time. Their physical assimilation had been total. In the few years Marina hadn’t seen them, they’d lost their waistlines, cropped their hair to ear length, and fully converted to the religion of comfort, wearing trousers that could fit a diaper inside and the modern equivalent of bast shoes. They’d all been equally brusque with themselves, as if one day they all shook hands on their resignation and since then held monthly evaluations. Marina made a promise not to succumb. She smoked twice as hard and pretended to dislike the taste of French fries. A passion for Coca-Cola was impossible to conceal». Akhtiorskaya, E. Op. cit. P. 60.

[335] Akhtiorskaya, E. Ibid.

[336] Гринблат, С. Рецензия на роман Е. Ахтиорской «Паника в чемодане» // Наш Техас. 2015. 25 февраля. URL: https://dandorfman.livejournal.com/652256.html (дата обращения: 02.02.2019).

повествовании определённой бинарной оппозиции, в данном случае – оппозиции «фьючеризма» и «пастизма».

Заключение

Первые свидетельства отображения «американской мечты» в американской литературе обнаруживаются уже в XVIII в., например, в автобиографии Б. Франклина. Будучи вначале связанным с религиозными воззрениями пуританских слоёв общества, в последующем это понятие различным образом трансформировалось, пока в начале XX в. не получило свое «классическое» выражение во фразе Дж. Т. Адамса: «Американская мечта – мечта о земле, на которой жизнь должна быть лучше, богаче, полнее для всех, с возможностью для каждого реализовать свои способности»[337].

На всём протяжении североамериканской истории писатели и публицисты, политики и общественные деятели пытались соотнести своё понимание феномена «американской мечты» с реальностью, в которой они жили. Так, например, ключевые религиозные представления о счастье, чрезвычайно важные для пуритан XVIII века, уступили место стремлению к материальному достатку, значимому для XX века. При этом постоянно вскрывались глубокие противоречия между декларируемыми возможностями лучшей жизни и тем, с чем человеку действительно приходилось сталкиваться. Многие указывали на вопиющие примеры классового и этнического неравенства в обществе, которое делало невозможным реализацию благих надежд, заключённых в «американской мечте». В начале XX века «американская мечта» часто связывалась в сознании писателей с «американской трагедией» (вспомним одноимённое произведение Т. Драйзера), а в середине века подобный трагедийный компонент почти исчез из произведений (так, например, он не находится на первом месте в романе Дж. Селинджера «Над пропастью во ржи»).

---

[337] В ориг.: «The American dream is that dream of a land in which life should be better and richer and fuller for everyone, with opportunity for each according to ability or achievement». См.: Truslow Adams, J. The Epic of America P. 404.

Постепенно в размышлениях социологов, писателей, публицистов, историков стало проявляться осознание того, что классическая формулировка Дж. Т. Адамса не является единственно возможной. Было признано, что «американская мечта» по-разному понималась в разное время и, соответственно, получала разные формы выражения. С особенной силой подобные размышления зазвучали в критике и публицистике США на рубеже XX–XXI вв., что легко объяснить классовыми и этническими трансформациями американского общества (укажем на изменения в положении среднего класса; проблемы с мигрантами; переустройство мирового порядка, сложившегося после Второй мировой войны; столкновение однополярной и многополярной картин мира и т.д.). Среди наиболее заметных отметим суждения Д. Каллена и Л. Сэмюэла о подчёркнутой мифологичности «американской мечты», исключающей серьёзную ментальную работу по её принятию, В. Колдуэлла – о необходимости снять расхождения между «мечтой» и действительностью и по возможности придать «мечте» облик, соотносимый с настоящим, О. Л. Соренсена – о принципиальной необходимости «американской мечты» для нормального функционирования американского общества, М. Зезимы – о такой же принципиальной фантастичности «американской мечты» и бесконечной лжи, которую она вносит в жизнь общества. С последним утверждением напрямую перекликаются размышления ещё советских литературоведов о внутренней связи «американской мечты» и «американской трагедии». В современной отечественной науке указание на эту связь сменилось стремлением обратить внимание на изначальную утопичность и мифологичность «мечты» (О. Матвеева, Л. Романчук, Э. Баталов и др.), определяющие трагическое несовпадение идеала и действительности.

Не отказываясь от классической формулировки Дж. Т. Адамса и не ставя под сомнение её смысловое наполнение, мы разработали модель понимания

«американской мечты» как феномена общественного и индивидуального сознания. Эта модель, основанная на актуализации определённых бинарных оппозиций, позволяет связывать отражение «мечты» в произведении с определённым историческим или общественно-культурным контекстом, в котором существует художественное произведение. Кроме того, с помощью подобной модели становится возможным дать принципиальное объяснение «вечности» «американской мечты» и поставить рядом произведения XVIII и XXI вв, произведения «коренных» американских писателей и писателей – иммигрантов в первом поколении.

Ключевые бинарные оппозиции, на которых основывается понимание «американской мечты» разными авторами, суть следующие:

1. Устремлённость в будущее при одновременной приверженности традициям и ценностям прошлого – *фьючеризм* и *пастизм*. Эта напряжённая связь между будущим, куда влечёт мечта, и прошлым, определяющим и обстоятельства текущей жизни, и часто сам характер восприятия будущего, проявляется во многих произведениях – например, в романе Е. Ахтиорской «Паника в чемодане». Персонажи романа ждут исполнения сладких обещаний будущего, в то же самое время их сознание привязано к реальности настоящего и прошлого. Ещё ранее подобное открывалось в романе Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

2. Возможность свободной творческой самореализации личности и её созидательной общественной деятельности при эгоистической установке на использование складывающихся обстоятельств к личной выгоде – *потенциализм* и *оппортунизм*. Так, Холден Колфилд в романе Сэлинджера «Над пропастью во ржи» внимательно выслушивает рассуждения мистера Антолини о множестве возможностей, открывающихся перед человеком. Мысли взрослого человека близки подростку, который не удовлетворяется

существующим порядком вещей и жаждет чего-то нового, отличного от пошлого мира, в котором ему приходится жить. Однако при вступлении во взрослую жизнь Холден не отказывается от использования тех возможностей, которые ему предлагает существующий мир.

3. Возможность исполнения абсолютно любой личной мечты о счастье, однако установление при этом границ подобных мечтаний, определяемых коллективом или государством – *индивидуализм* и *коллективизм*. Об этом идёт речь в трилогии Ф. Рота («Американская пастораль», «Я вышла замуж за коммуниста», «Людское клеймо»). Ф. Рот тонко изображает расхождение между преувеличенно идеальным образом «американской мечты», существующим в обществе, и индивидуальной человеческой «мечтой». Так, например, повсеместно декларируемая свобода американского гражданина отнюдь не равна индивидуальной свободе человека, а любое индивидуальное мнение либо вынужденно корректируется под влиянием общественного, либо приводит к конфликту с обществом.

4. Декларированная абсолютная свобода человеческого поведения в сочетании с существующей системой рабского подчинения одного человека другому – *фридомизм* и *трэллизм*. Р. Эллисон в романе «Невидимка» показывает, что существуют два вида свободы: одна для белого населения Америки, другая – для черного. Поэтому вера в абсолютную свободу гражданина Соединённых Штатов всегда сопрягается с ощущением различной трактовки этого слова в разных слоях общества. Чернокожие, являющиеся самыми идеальными мечтателями об абсолютной свободе, вынуждены признавать, что их свобода всегда имеет заранее установленные рамки.

5. Обусловленность «американской мечты» абстрактными понятиями справедливости, свободы и пр. в сочетании с реальными обстоятельствами её проявления и понимания – *абстракционизм* и *реализм*. Трагическое

разочарование в идеалах и возможностях, декларируемых «американской мечтой», переживает рассказчик в романе Р. Эллисона «Невидимка». При этом он сталкивается с парадоксальной ситуацией: первым, кто разрушает мечту чернокожего человека, оказывается другой чернокожий, а вовсе не белый. Стандартные возможности, обещанные «американской мечтой», сатирически осмысляются и в книге Х. Томпсона «Страх и отвращение в Лас-Вегасе: дикое путешествие в сердце американской мечты». Несмотря на то, что герои могут получить от жизни всё, реального счастья в их жизни не происходит, напротив – они тратят все свои силы, деньги и время, чтобы убежать из реальности. При этом они верят, что настоящее счастье скоро придёт.

6. Духовная, идеалистическая сущность «американской мечты» и её материальное воплощение в жизни – *спиритуализм* и *материализм*. Насмешка над материальным началом жизни и устремление к чему-то смутному, лежащему в духовной области жизни, заметны, например, в романе Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Не менее показательно в романе К. Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» духовное бегство Билли Пилигрима от реальной Америки на Тральфамадор и его опыт общения с тральфамадорцами, после которого он сам встаёт на путь учительства по отношению к американцам.

7. Критическое отношение к реальности того, чем увлекает человека «американская мечта», при её бессмертии и постоянном «возрождении» после моментов «умирания» в общественном сознании – *мортализм* и *иммортализм*. В своём романе «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» К. Воннегут чрезвычайно оригинально отразил эту идею на уровне композиции произведения. Как у романов тральфамадорцев «нет ни начала, ни середины, ни конца»[338], так и у «американской мечты» нет постоянной структуры. Важны

[338] В ориг: «no beginning, no middle, no end». Vonnegut, K. Slaughterhouse-Five or The Children’s Crusade. P. 40.

ассоциации, рождающиеся в тот или иной момент. С одной стороны, К. Воннегут чрезвычайно критичен, показывая, что Америка отнюдь не является страной для подражания и что «американская мечта» не что иное, как фантастика. Он развенчивает не только стремление к публичному успеху, материальному богатству, кланово-семейному счастью, но и восприятие Америки как земли обетованной в целом. С другой стороны, главный герой романа не теряет надежды всё исправить, он верит, что жизнь можно повернуть к лучшему. При критике ключевых образов «американской мечты» Билли Пилигрим не отвергает сам строй американской жизни, постоянно пытаясь переиграть, пересмотреть прошлое из опыта будущего.

Проведённый в диссертации анализ показывает, что «американская мечта» легко допускает множество интерпретаций. Концептуализация её понимания зависит от актуализации тех или иных бинарных оппозиций, обозначенных нами выше. При этом показательно, что даже тот, кто критикует «американскую мечту», не ставит под сомнение само её существование. Критика (негативное отношение) также является своеобразным способом культивирования и сохранения «мечты». Таким образом, смысловой потенциал феномена «американской мечты» и его развитие в ходе истории теснейшим образом связаны с различными социально-экономическими изменениями – как в США, так и во всем мире[339]. Отдельно следует указать на нюансы понимания «американской мечты», обусловленные её вхождением в сознание американцев-иммигрантов. И именно вариативность бинарных оппозиций, реализуемых в то или иное время, позволяет «американской мечте» сохранять свой постоянный статус «лица» американской нации.

[339] Так, если в первые десятилетия после окончания Первой мировой войны «американская мечта» выступала в качестве средства протеста против экономических реалий жизни, то после Второй мировой её смысловое наполнение заметно сдвинулось в сторону протеста антивоенного.

В этом отношении несомненную перспективу исследований может представлять, например, установление связей идеи фьючеризма с гендерными основами массовой культуры, с формами их риторического выражения.

Список литературы

I

Художественные произведения

1. Воннегут, К. Колыбель для кошки : Бойня номер пять, или Крестовый поход детей; Сирены Титана / К. Воннегут. – М. : ЭКСМО-пресс, 1999. – 606, [2] с.

2. Рот, Ф. Американская пастораль / Ф. Рот. – М. : Книжники, 2016. – 669 с.

3. Рот, Ф. Людское клеймо / Ф. Рот. – М. : Иностранка; Екатеринбург : ГИПП Урал. рабочий, 2005. – 479 с.

4. Рот, Ф. Мой муж – коммунист! / Ф. Рот. – СПб. ; М. : Лимбус Пресс, 2007. – 450 с.

5. Сэлинджер, Д. Над пропастью во ржи / Д. Сэлинджер. – М. : Радуга, 1983. – 88 с.

6. Томпсон, Х. Страх и отвращение в Лас-Вегасе : Дикое путешествие в сердце американской мечты / Х. Томпсон. – М. : Козлов, 1998. – 226 с.

7. Akhtiorskaya, Y. Panic in a Suitcase / Y. Akhtiorskaya. – New York : Riverhead Books, 2014. – 320 p.

8. Akhtiorskaya, E. Panic in a Suitcase / E. Akhtiorskaya. – New York : Riverhead Hardcover, 2014. – URL: https://royallib.com/book/Akhtiorskaya_Yelena/panic_in_a_suitcase.html (дата обращения: 25.05.2018).

9. Cather, W. My Ántonia / W. Cather. – Michigan : Houghton Mifflin, 1926. – 418 p.

10. Ellison, R. Invisible Man / R. Ellison. – New York : Vintage, 1995. – 581 p.

11. Ellison, R. Invisible Man / R. Ellison. – URL: http://rushhonorsenglish.wikispaces.com/file/view/Invisible%2BMan%2BFull%2BText.pdf (дата обращения: 01.02.2017).

12. Franklin, B. The Autobiography of Benjamin Franklin / B. Franklin. – New York : Dover Publications, 1996. – 216 p.

13. Hughes, L. Harlem / L. Hughes. – URL: https://multimedialearning.org/FreeDownloads/2012/LangstonHughesHarlem.pdf (дата обращения: 01.04.2017).

14. Miller, A. Death of a Salesman / A. Miller. – New York : Dramatists Play Service Inc, 1949. – 160 p.

15. Roth, P. American Pastoral / P. Roth. – New York : Houghton Mifflin Company Boston, 1997. – 423 p.

16. Roth, P. I married a Communist / P. Roth. – London : Vintage Books, 2010. – 352 p.

17. Roth, P. Patrimony: A true story / P. Roth. – New York : Simon&Shuster, 1991. – 238 p.

18. Roth, P. The Human Stain / P. Roth. – New York : First Vintage International edition, 2001. – 361 p.

19. Salinger, J. D. The Catcher in the Rye / J. D. Salinger. – New York : The modern library, 1951. – 281 p.

20. Thompson, H. S. Fear and Loathing in Las Vegas: A Savage Journey to the Heart of the American Dream / H. S. Thompson. – New York : Vintage Books, 1971. – 204 p.

21. Vonnegut, K. Jr. Slaughterhouse-Five or The Children’s Crusade / K. Vonnegut. – UK: Panther Books Limited, 1972. – 143 p.

22. Wright, R. The Outsider / R. Wright. – New York : Harper & Brothers Publishers, 1953. – 405 p.

II

Научные издания общего плана

23. Америка: литературные и культурные отображения / Под ред. Анцыферовой О. Ю. – Иваново : ИГУ, 2012. – 504 с.

24. Анцыферова, О. Ю. Quo vadunt studia americana: поиск нового или повторение пройденного? / О. Ю. Анцыферова // Литература двух Америк. – 2016. – № 1. – С. 290–304.

25. Баталов, Э. Я. Русская идея и американская мечта / Э. Я. Баталов. – М. : Прогресс-традиция, 2009. – 646 с.

26. Бельцова, И. А. Ценностные приоритеты и образ успешного человека в культуре и СМИ США / И. А. Бельцова // Молодой ученый. – №10 (57). – Филология. – Казань : Молодой ученый, 2013. – С. 579.

27. Голенпольский, Т. Г., Шестаков, В. П. Американская мечта и американская действительность / Т. Г. Голенпольский, В. П. Шестаков. – М. : Искусство, 1981. – 208 с.

28. Емельянов, С. А. Феноменология русской идеи и американской мечты. Россия между Дао и Логосом / С. А. Емельянов. – СПб : Астерион, 2009. – 346 с.

29. Замошкин, Ю. А. Личность в современной Америке : опыт анализа ценностных и политических ориентаций / Ю. А. Замошкин. – М. : Мысль, 1980. – 247 с.

30. Зинн, Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней / Г. Зинн. – М. : Весь мир, 2006. – 880 с.

31. Коновалова, Ж. Г. Американская мечта в художественно-документальной литературе США второй половины XX века : специальность

10.01.10 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Коновалова Жанна Георгиевна. – Казань, 2009. – 213 с.

32. Крюков, В. В. Диахронический анализ реальности / В. В. Крюков // Идеи и идеалы. – 2011. – № 2. – С. 23–43.

33. Липкин, А. И. Субцивилизационная специфика США. Американский индивидуализм / А. И. Липкин // Культура и искусство. – № 6 (24). – М : Nota Bene, 2014. – С. 618–633.

34. Логинов, А. Л. Мифологическая составляющая концепта «The American Dream» / А. Л. Логинов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Филология, № 1(2). – Нижний Новгород : Издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2012. – С. 139–143.

35. Матвеева, О. Ю. Американская мечта в социокультурной динамике / О. Ю. Матвеева // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (философия). – Вып. 11 (74). – Томск : Издательство ТГПУ, 2007. – С. 40–43.

36. Несмелова, О. О. Проблемы развития художественной прозы США XX века в восприятии отечественного литературоведения, 20–80-е годы : специальность 10.01.05 : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. О. Несмелова. – М.,1999. – 358 с.

37. Панова, О. Ю. «Цветные миры»: американская литература в поисках национальной самобытности / О. Ю. Панова. – М. : Изд-во Московского ун-та, 2014. – 264 с.

38. Полынов, М. Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР / М. Ф. Полынов // Общество. Среда. Развитие. – СПб. : Астерион, 2008. – С. 36–54.

39. Розеватов, Д.А. Общественно-политические и культурные аспекты существования американского общества в модели мифа об американской мечте

/ Д. А. Розеватов // Вестник ПАГС. – Саратов : Издательство ПАГС, 2014. – С.141–146.

40. Сучков, Б. Л. Исторические судьбы реализма / Б. Л. Сучков. – М. : Советский писатель, 1977. – 526 с.

41. Тарасова, О. В., Яцевич, О. Е. Селфмейд: от истории к современности / О. В. Тарасова, О. Е. Яцевич // Теория и практика общественного развития. – № 6. – Краснодар : Хорс, 2015. – С.130–132.

42. Уильямсон, О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа / О. И. Уильямсон // THESIS. – 1993. Вып. 3. – С. 39–49.

43. Финкелстайн, С. Экзистенциализм и проблема отчуждения в американской литературе / С. Финкелстайн. – М. : Прогресс, 1967. – 319 с.

44. Форшток, А. М. Трансформация американской мечты в романах Ирвина Шоу (к проблеме аксиологии массовой литературы) : специальность 10.01.03 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Форшток А. М. – Нижний Новгород, 2010. – 223 с.

45. Хоннет, А. Невидимость. О моральной эпистемологии признания / А. Хоннет // Кантовский сборник. – 2009. – № 1. – С. 79–91.

46. Albrecht, J. M. Reconstructing Individualism: A Pragmatic Tradition from Emerson to Ellison / J. M. Albrecht. – New York : Fordham University Press, 2012. – 236 p.

47. Augustyn, A. American Literature from 1945 Through Today / A. Augustyn. – New York : Britannica Educational Publishing, 2010. – 325 p.

48. Beth, J. H. The American Dream and the power of wealth / J. H. Beth. – New York : Routlege, 2006. – 248 p.

49. Billington, J. Library of Congress Respectfully Quoted: A Dictionary of Quotations / J. Billington. – New York : Dover Publication, 2010. – 520 p.

50. Block, M. World Film Locations: Las Vegas / M. Block. – UK : Intellect books, 2011. – 128 p.

51. Bloom, H. The American Dream / H. Bloom. – New York : Infobase Publishing, 2009 – 224 p.

52. Boritt, G.S. Lincoln and the Economics of the American Dream / G. S. Boritt. – Chicago : University of Illinois Press, 1994. – 386 p.

53. Brennan, E. A., Clarage, E. C. Who's who of Pulitzer Prize Winners / E. A. Brennan, E. C. Clarage. – Canada and USA : The Oryx press, 1999. – 669 p.

54. Buelens, G., Hendrix, H., Jansen, M. The History of Futurism. The Precursors, Protagonists, and Legacies / G. Buelens, H. Hendrix, M. Jansen. – USA : Lexington Books, 2012. – 444 p.

55. Caldwell, W. Cynicism and the Evolution of the American Dream / W. Caldwell. – Whashington : Potomak books, 2007. – 193 p.

56. Campbell, N. Kean, A. American Cultural Studies: An Introduction to American Culture / N. Campbell. – London : Routledg Taylor and Francis Group, 1997. – 302 p.

57. Carneiro, R. L. Leslie A. White / R. L. Carneiro // Totems and Teachers. – New York : Columbia University Press, 1981. – 278 p.

58. Cartwright, K. Reading Africa into American Literature : Epics, Fables, and Gothic Tales / K. Cartwright. – USA : The University press of Kentucky, 2002. – 280 p.

59. Cayton, A, Sisson, R., Zacher, C. The American Midwest : An Interpretive Encyclopedia / A. Cayton, R. Sisson, C. Zacher. – USA : Indiana University Press, 2006. – 1916 p.

60. Charlton-Jones, K. Dismembering the American Dream: The Life and Fiction of Richard Yates / K. Charlton-Jones. – USA : The University of Alabama press, 2014. – 296 p.

61. Chu, S.-Y. Do Metaphors Dream of Literal Sleep? A Science-Fictional Theory of representation / S.-Y.Chu. – USA : Harvard University Press, 2010. – 316 p.

62. Combs, J. Phony Culture : Confidence and Malaise in Contemporary America / J. Combs. – USA: Bowloing Green State university popular Press, 1994. – 209 p.

63. Commager, H.S. The American Mind / H.S. Commager. – New Haven : Yale University Press, 1950. – 476 p.

64. Cullen, J. The American Dream : A Short History of an Idea that Shaped a Nation / J. Cullen. – New York : Oxford UP, 2003. – 224 p.

65. Curnutt, K. Historical Guide to F. Scott Fitzgerald / K. Curnutt. – Oxford : Oxford University press, 2004. – 285 p.

66. Dula, A. African American suspicion of the healthcare system is justified : what do we do about it? / A. Dula // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. Vol. 3. – UK : Cambridge University Press, 1994. – 638 p.

67. Emerson, W., Ziff, R. L. Nature and Selected Essays / W. Emerson, R. L. Ziff. – NewYork : Penguin, 2003. – 416 p.

68. Foreman, J. The Pocket Book of Patriotism / J. Foreman. – Canada : Sterling publishing, 2005. – 96 p.

69. Gerald, B. The Five-Minute Philosopher : 80 Unquestionably Good Answers to 80 Unanswerable Big Questions / B. Gerald. – UK : Watkins publishing, 2011. – 224 p.

70. Guthrie, W. K. C. A History of Greek Philosophy / W. K. C. Gutherie // Vol. 2. The Presocratic Tradition from Parmenides to Democritus. – Cambridge : Cambridge University Press, 1965. – 556 p.

71. Dell'Orto, G. The Hidden Power of the American Dream : Why Europe's Shaken Confidence in the United States threatens the Future of U.S influence / G. Dell'Orto. – USA : Praeger security International, 2008. – 220 p.

72. Fisher, W. Reaffirmation and the subversion of the American dream/ W. Fisher // Quarterly journal of speech. – № 59 (2). – Ipswich : EBSCO Publishing, 2003. – Pp. 160–167.

73. Jann, S. W., Corey, S. Gonzo: the life of Hunter Thompson / S. W. Jann, S. Corey. – The USA : Back Bay Books, 2008. – 467 p.

74. Jorgensen, D. W. Productivity and Postwar U.S. Economic Growth / D. W. Jorgensen // The Journal of Economic Perspectives. Vol. 2. – USA : American Economic Association, 1988. – Pp. 23–41.

75. Judt, T. Postwar : A History of Europe Since 1945 / T. Judt. – New York : Penguin Books Limited, 2005. – Pp. 117–118.

76. Herwig, O., Holzherr, F. Dream worlds: architecture and entertainment / O. Herwig, F. Holzherr. – London : Prestel, 2006. – 157 p.

77. Hhensarling. Protecting the American Dream / Hhensarling // humanevents. – 2007. – 2. March. – URL: http://humanevents.com/2007/03/02/protecting-the-american-dream/ (дата обращения: 05.04.2017).

78. Katz, S. Why is America Different? : American Jewry on Its 350th Anniversary / S. Katz. – Lanham : University Press of America, 2010. – 340 p.

79. Knight, M. An Introduction to Religion and Literature / M. Knight. – India & UK: Continuum international publishing Group, 2009. – 165 p.

80. Lazerson, M. Higher Education and the American Dream: Success and Its Discontent / M. Lazerson. – Budapest-New York : Central European University, 2010. – 221 p.

81. Leach, M. I Like Being American : Treasured Traditions, Symbols, and Stories / M. Leach. – New York : Doubleday, 2003. – 208 p.

82. Le Guin, U. K. Dancing at the Edge of the World : Thoughts on Words, Women, Places / U. K. Le Guin. – USA : Grove Press, 1989. – 306 p.

83. Magil, F. N. Science fiction, alien encounter / F. N. Magil. – Ipswich : Salem press, 1981. – 376 p.

84. Martínez, M. L. The migrating text: movement discourse and the «counterculture» / M. L. Martinez. – Stanford : Stanford University, 1997. – 189 p.

85. McKeen, W. Hunter S. Thompson / W. McKeen. – USA : Gale Group, 1991. – 130 p.

86. Miguez, R. American Dreams : Dialogues in U. S. Studies / R. Miguez. – UK : Cambridge Scholars Publishing, 2009. – 420 p.

87. Myrdal, G. An American Dilemma. The Negro Problem and Modern Democracy/ G. Myrdal // Vol. 1. – New York : Harper Brothers Publisher, 2009. – 812 p.

88. Parini, J. The Oxford Encyclopedia of American Literature / J. Parini // Volume 1. – UK: Oxford University Press, 2003. – 631 p.

89. Peterson, A. L. Seeds of the Kingdom : Utopian Communities in the Americas / A. L. Peterson. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 198 p.

90. Rank, M. R., Hirschl, T. A., Foster, K. A. Chasing the American Dream : Understanding What Shapes Our Fortunes/ M. R. Rank, T. A. Hirschl, K. A. Foster. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 232 p.

91. Reagan, R. Public Papers of the Presidents of the United States : Ronald Reagan / R. Regan. – Washington : United States Government Printing Office, 1982. – 1321 p.

92. Rousseau, J., Cellini, B., De Quincey, T., Pompadour, J., Franklin, B., St. Augustine. The World's great confessions. – Portland : Pickwick Publishers, 1929. – 1136 p.

93. Safer, E. B. Mocking the Age : The Later Novels of Philip Roth / E. B. Safer. – New York : State university of New York Press, 2006. – 219 p.

94. Samuel, L. R. The American Dream : A Cultural History / L. R. Samuel. – New York : Syracuse University Press, 2012. – 241 p.

95. Scheibach, M. Atomic Narratives and American Youth: Coming of Age with the Atom, 1945–1955 / M. Scheibach. – USA: MacFarland, 2003. – 283 p.

96. Sheridan, M. S. America : Readings in Themes and Eras / M. S. Sheridan. – New York : University Press of America, 1992. – 352 p.

97. Smith, J. Write and Revise for Publication : A 6-Month Plan for Crafting an Exceptional. Novels and other works of fiction / J. Smith. – Canada : Georgetown, 2013. – 312 p.

98. Sorenson, A. L. Is America Committing Suicide? / A. L. Sorenson. – Murfreesboro : SOWRD of the Lord Publishers, 1994. – 250 p.

99. Stanley, I. Tennessee Philological Bulletin / I. Stanley. – USA : Tennessee Philological Association, 1982. – 309 p.

100. Stiles, T. J. The American Revolution: first person accounts by men who shaped our nation / T. J. Stiles. – USA : Berkley Pub. Group, 1999. – 364 p.

101. Torgoff, M. Can't Find My Way Home : America in the Great Stoned Age 1945–2000 / M. Torgoff. – New York : Simon&Schuster, 2004. – 525 p.

102. Truslow Adams, J. The Epic of America / J. Truslow Adams. – Safety Harbor, FL : Simon Publications, 2001. – 405 p.

103. Tournier, M. The Mirror of Ideas, translated by Jonathan F. Krill / M. Tournier. – USA : University of Nebraska Press, 1998. – 137 p.

104. Tyson, L. Psychological Politics of the American Dream : The Commodification of subjectivity in twentieth-century American literature / L. Tyson. – USA : The Ohio state university press, 1994. – 169 p.

105. Washington, W., Williams, W. Reaganism and the Death of Representative Democracy / W. Washington, W. Williams : Georgetown University Press, 2003. – 309 p.

106. Williamson, R. Independence and Involvement : A Christian Re-Orientation in Political Science / R. Williamson. – Louisiana : Louisiana State University Press, 1964. – 269 p.

107. Winsi, J. B. Healthcare Hell and Revelations of a Compelled Black Woman / J. B. Winsi. – USA : Universe Books, 2004. – 108 p.

108. Wright, R. The Outsider. First Edition/ R. Wright. – New York : Harper & Brothers Publishers, 1953. – 405 p.

III

Статьи и исследования об отдельных произведениях

109. Белов, С. Парадоксы Дж. Сэлинджера / С. Белов // Литературное обозрение. – 1985. – № 2. – С. 62.

110. Галинская, И. Дж. Д. Сэлинджер и М. Булгаков в современных толкованиях / И. Галинская. – Москва : Litres, 2017. – 260 с.

111. Галинская, И. Л. Лингвостилистический анализ романа «Ловец во ржи» (обзор) / И. Л. Галинская // Вестник культурологии. – 2013. – № 2 (65). – С. 54–62.

112. Галинская, И. Л. Философские и эстетические основы поэтики Дж. Д. Сэлинджера / И. Л. Галинская. – М. : Наука, 1975. – 109 с.

113. Гольтер, И. М. Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» как авторский миф / И. М. Гольтер // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по матер. XIX междунар. науч.-практ. конф. Часть II. – Новосибирск: СибАК, 2013. – URL: https://sibac.info/conf/philolog/xix/31152 (дата обращения: 29.06.2019).

114. Денисова, Т. Н. Сэлинджер / Т. Н. Денисова // Історія американської літератури XX століття. – К. : Довіра, 2002. – С. 138–143. – URL:

http://salinger.narod.ru/Texts/_Denisova-Salinger.htm (дата обращения: 19.03.2018).

115. Завадская, Е. В. Что Сэлинджер ищет в «дзэн»? / Е. В. Завадская // Историко-филологические исследования : Сб. ст. к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада. – М., 1967. – С. 451–456.

116. Карасик, О. Б. «Американская мечта» в романах Филипа Рота / О. Б. Карасик // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Т. 153. – № 2. – Казань : Издательство Казанского (Приволжского) федерального университета, 2011. – С. 210–219.

117. Карасик, О. Б. Взаимодействие национального и этнического в романах Филипа Рота / О. Б. Карасик // Вестник ТГГПУ. Филология и культура, № 1(16). – Казань : Издательство Казанского (Приволжского) федерального университета, 2009. – С. 9–16.

118. Карасик, О. Б. От «американской мечты» к «американской трагедии»: трилогия Филипа Рота / О. Б. Карасик // Вестник ТГГПУ. Филология и культура, № 2 (24). – Казань : Издательство Казанского (Приволжского) федерального университета, 2011. – С. 166–171.

119. Коновалова, Ж. Г. Автор – повествователь – герой в художественно-документальных книгах Н. Мейлера, Х. Томпсона, Г. Тейлиза / Ж. Г. Коновалова // Филология и культура. – №3 (37). – Казань : Издательство Казанского университета, 2014. – С. 244–249.

120. Купченко, М. Л. Роман Курта Воннегута «Колыбель для кошки» как философский роман / М. Л. Купченко // Вестник СПбГУК. – 2015. – №2 (23). – С. 40–47.

121. Лидский, Ю. Я. Очерки об американских писателях XX века / Ю. Я. Лидский. – Киев : Наукова думка, 1968. – 267 с.

122. Любимская, О. М. Слово и вещь в системе поэтики молчания Дж. Д. Сэлинджера / О. М. Любимская // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/slovo-i-vesch-v-sisteme-poetiki-molchaniya-dzh-d-selindzhera (дата обращения: 29.06.2019).

123. Морозова, Т. Л. Образ молодого американца в литературе США / Т. Л. Морозова. – М. : Высшая школа, 1969. – 95 с.

124. Нефёдов, В. А. Миф и реальность в романе К. Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей» / В. А. Нефёдов // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – № 3 (1). – С. 193–197.

125. Петровский, Ю. А. Творчество Сэлинджера и традиции мировой литературы / Ю. А. Петровский // Ученые записки Новгородского педагогического института. – 1967. – Т. XX. – С. 96–109.

126. Сенкевич, Т. К. Некоторые проблемы современного негритянского романа в США (1940-1952 гг.) и «Невидимый человек» Ральфа Эллисона : специальность 10.01.05 : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Т. К. Сенкевич; Тбил. гос. ун-т. – Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1971. – 37 с.

127. Тугушева, М. Предисловие / М. Тугушева // Salinger J. D. The Catcher in the Rye. – М. : Progress Publishers, 1968. – P. 3–21.

128. Файзуллина, О. Р. Функция иллюстраций в произведении «Проклятие Гавайев» Х. Томпсона / О. Р. Файзуллина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Филология. Искусствознание, № 2 (3). – Нижний Новгород : Издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2014. – С. 326–330.

129. Файзуллина, О. Р. Художественное своеобразие романа Х. Томпсона «Ромовый дневник» / О. Р. Файзуллина // Вестник ТГГПУ. – 2013. – № 1. – С. 170–174.

130. Хомяков, В. А. Соотношение реализма и модернизма в новеллах Сэлинджера / В. А. Хомяков // Проблемы реализма в русской и зарубежной литературах. – Архангельск, 1965. – С. 98–100.

131. Хомяков, В. А. О декадентских тенденциях в творчестве Сэлинджера / В. А. Хомяков // Ученые записки Вологодского педагогического института. – 1967. – Т. 33. – Вып. 1. – С. 63–76.

132. Цурганова, Е. А. «Американская пастораль» Филипа Рота : от пасторали к постмодернизму / Е. А. Цурганова // Человек: образ и сущность. № 1(22). – М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2011. – С. 137–156.

133. Bloom, H. Toni Morrison's The Bluest Eye / H. Bloom. – New York : Infobase Publishing, 2010. – 224 p.

134. Bloom, H. Holden Caulfield / H. Bloom. – New York : Chelsea House Publishers, 1990. – 206 p.

135. Callahan, J. F. Ralph Ellison's Invisible Man / J. F. Callahan. – New York : Oxford University Press, 2004. – 351 p.

136. Carter, S. L. God’s Name in Vain (the wrongs and rights of religion in politics) / S. L. Carter. – New York : Persues Books Group, 2000. – 253 p.

137. Claro, J. J. D. Salinger's Catcher in the Rye / J. Claro. – USA : Barron's Educational Series, 1984. – 107 p.

138. Connoly, A. Philip Roth and the American Liberal Tradition / A. Connolly. – USA : Lexington Book, 2017. – 281 p.

139. Drom, K., Salter, H. The Catcher in the Rye and Philosophy: A Book for Bastards, Morons, and Madmen / K. Drom, H.Salter. – Chicago : Open court Publishing Company, 2012. – 219 p.

140. Goolbar, D. The Major Phases of Philip Roth / D. Gooblar. – India : Continuum International publishing Group, 2011. – 185 p.

141. Graham, S. J. D. Salinger's The Catcher in the Rye / S. Graham. – London and New York : Routledg Taylor and Francis Group, 2007. – 127 p.

142. Halio, J., Siegel, B. Turning Up the Flame: Philip Roth's Later Novels / J. Halio, B. Siegel. – USA : University of Delaware Press, 2007. – 223 p.

143. Hurley, S. J. D. Salinger’s The Catcher in the Rye / S. Hurley. – Australia : Insight Publications, 2008. – 68 p.

144. Kimmage, M. In History's Grip : Philip Roth's Newark Trilogy / M. Kimmage. – Stanford : Stanford University Press, 2012. – 197 p.

145. Mickey, Z. A Gigantic Mistake : Articles and Essays for Your Intellectual Self-defense / Z. Mickey. – USA : Library Empyreal, 2004. – 204 p.

146. Miller, J. E. Jr. My Ántonia and the American Dream / J. E. Jr. Miller // Prairie schooner. – Vol. 48. – № 2. – Nebraska : University of Nebraska Press, 1974. – 12 p.

147. Morel, L. E. Ralph Ellison and the Raft of Hope : A Political Companion to Invisible Man / L. E. Morel. – USA : University Press of Kentucky, 2004. – 264 p.

148. Parrish, T. The Cambridge Companion to Philip Roth / T. Parrish. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 177 p.

149. Pinsker, S., Pinsker, A. Understanding The Catcher in the Rye : A Student Casebook to Issues, Sources and Historical Document/ S. Pinsker, A. Pinsker. – London : Greenwood Publishing Group, 1999. – 173 p.

150. Posnock, R. Philip Roth's Rude Truth : The Art of Immaturity / R. Posnock. – USA : Princeton University press, 2006. – 301 p.

151. Raboteau, A. J, Mosely, L. M., Shawn Copeland, M. The Black Catholic Experience : Uncommon Faithfulness / A. J. Raboteau, L. M. Mosely, M. Shawn Copeland. – New York : Orbis Books, 2009. – 225 p.

152. Shostak, D. Philip Roth : American Pastoral, The Human Stain, The Plot Against America / D. Shostak. – India : Continuum international publishing Group, 2011. – 208 p.

153. Tanner, J. Landscapes of Language : the Achievement and Context of Richard Brautigan's fiction / J. Tanner. – USA : Humanities ebook, 2013. – 113 p.

154. Washington, D. A. Cliff’s Notes on Ellison's Invisible Man / D. A. Washington. – Chicago : Idg Books Worid Wide, 2009. – 123 p.

IV

Электронные источники

155. В США запретили роман «Человек-Невидимка» // Новости литературы. – 2013. – 04 октября. – URL: http://novostiliteratury.ru/2013/10/novosti/v-ssha-zapretili-roman-chelovek-nevidimka/ (дата обращения: 01.02.2017).

156. Генова, А. «Американская мечта» Марины Ковалёвой / А. Генова // Русский мир: информационный портал Фонда «Русский мир». – URL: https://russkiymir.ru/publications/219809/ (дата обращения: 20.03.2018).

157. Гринблат, С. Рецензия на роман Е. Ахтиорской «Паника в чемодане» / С. Гринблат // Наш Техас. – 2015. – 25 февраля. – URL: https://dandorfman.livejournal.com/652256.html (дата обращения: 02.02.2019).

158. Игошина, О. А., Носков, А. С. Место гонзо-журналистики в системе современных СМИ / О. А. Игошина, А. С. Носков // Огарёв-Online. – 2014. – № 5 (19). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-gonzo-zhurnalistiki-v-sisteme-sovremennyh-smi (дата обращения: 30.06.2019).

159. Мухаметов, О. Неблагодарный иммигрант / О. Мухаметов // HSE PRESS. – б.д. – URL: http://hsepress.ru/article/2056 (дата обращения: 03.05.2017).

160. Некрасов, С. И., Некрасова, Н. А., Платошина, В. В. Американский мультикультурализм / С. И. Некрасов, Н. А. Некрасова, В. В. Платошина. – Пенза : Академия естествознания, 2011. – URL: https://www.monographies.ru/ru/book/section?id=4134 (дата обращения: 17.04.2017).

161. Панова, О. Роман «Невидимка» Ральфа Эллисона / О. Панова // Журнальный зал: Иностранная литература. – 2013. – №1. – URL: http://magazines.russ.ru/inostran/2013/1/p13.html (дата обращения: 23.05.2017).

162. Польских, Д. Анна Франк. Дневник Анны Франк, биография, фото / Д. Польских. – URL: http://fb.ru/article/138211/anna-frank-dnevnik-annyi-frank-biografiya-foto (дата обращения: 24.04.2014).

163. Рождественская, К. Здравствуйте, доктор : [Рец. на: Ф. Рот. Американская пастораль] / К. Рождественская // booknik. – 2007. – 30 мая. – URL: http://www.booknik.ru/reviews/fiction/?id=17541 (дата обращения: 12.12.2018).

164. Романчук, Л. Проблематика героя в романе Фитцджеральда «Великий Гэтсби» / Л. Романчук. – URL: http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/romanchuk-hero.html (дата обращения: 20.05.2017).

165. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века : ключевые понятия и тексты / В. П. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – URL: http://lib.ru/CULTURE/RUDNEW/slowar.txt (дата обращения: 28.06.2019).

166. Ситникова, В. И. Библиографический очерк о герое повести Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» / В. И. Ситникова. – URL: http://lib.1september.ru/view_article.php?id=200900114 (дата обращения: 22.04.2017).

167. Шмакова, Ю. А. Холден Колфилд в «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера / Ю. А. Шмакова. – URL: http://www.hqlib.ru/st.php?n=49 (дата обращения: 21.04.2017).

168. American Heritage //americanheritage. – URL: http://www.americanheritage.com/content/american-dream (дата обращения: 07.02.2018).

169. Clark, G. The American Dream Is an Illusion : Immigration and Inequality / G. Clark // Foreign Affairs. 2014. – 26. Aug. – URL: https://www.foreignaffairs.com /articles/united-states/2014-08-26/american-dream-illusion (дата обращения: 20.03.2017).

170. Environmentalism // dictionary.cambridge.org. – URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/materialism (дата обращения: 20.05.2017).

171. Fyfe, D. J. Brightkite / D. J. Fyfe // brightkite. – URL: https://brightkite.com/essay-on/fear-and-loathing-in-las-las-vegas-the-death-of-the-american-dream (дата обращения: 25.06.2017).

172. Freedomism // Merriam-webster. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/freedomism (дата обращения: 20.05.2017).

173. Futurism // thefreedictionary.com. – URL: http://www.thefreedictionary.com/futurism (дата обращения: 14.07.2017).

174. Gale Cengage Learning. USA: Gale Research. 2015// https://play.google.com : [электронный ресурс]. – URL: https://play.google.com/books/reader?id=L1qqCgAAQBAJ&printsec=frontcover&output=reader&hl=ru&pg=GBS.PT1 (дата обращения: 02.02.2017).

175. Gutsche, J. «Потенциализм» – новая форма мышления / J. Gutsche // research&trends: события, методики, индикаторы, тенденции. – 2010. – 19

апреля. – URL: https://www.r-trends.ru/trends/trends_216.html (дата обращения: 30.01.2018).

176. Hereditarianism // vocabulary. – URL: https://www.vocabulary.com/dictionary/hereditarianism (дата обращения: 20.05.2017).

177. Human Events // humanevents. – 2007. – 02 Marz. – URL: http://humanevents.com /2007/03/02/protecting-the-american-dream/ (дата обращения: 05.04.2017).

178. Immortalism // Merriam-webster. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/ immortalism (дата обращения: 20.05.2017).

179. Individualism // oxforddictionaries. – URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/individualism (дата обращения: 22.07.2017).

180. Interview Elena Akhtorskaya with Diego Baez // lareviewofbooks. – URL: https://lareviewofbooks.org/article/chaos/#!) (дата обращения: 10.05.2017).

181. Interview with Elena Akhtorskaya // pri. – URL: https://www.pri.org/node/69150/popout (дата обращения: 20.06.2017).

182. Mortalism // Merriam-webster. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/ Mortalism (дата обращения: 20.05.2017).

183. Passeism // oxforddictionaries. – URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/passeism (дата обращения: 22.07.2017).

184. Puzder, A. Why Young People Can’t Find Work. The main culprits are policies that make new jobs more expensive / A. Puzder // The Wall Street Journal. – 2014. – 9. June. – URL: https://www.wsj.com/articles/andrew-puzder-why-young-people-cant-find-work-1402355248 (дата обращения: 01.05.2017).

185. Spiritualism // Merriam-webster. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/ spiritualism (дата обращения: 20.05.2017).

186. Thralldom // thefreedictionary.com. - URL: http://www.thefreedictionary.com/thralldom (дата обращения: 20.05.2017).